1823 — 1888.

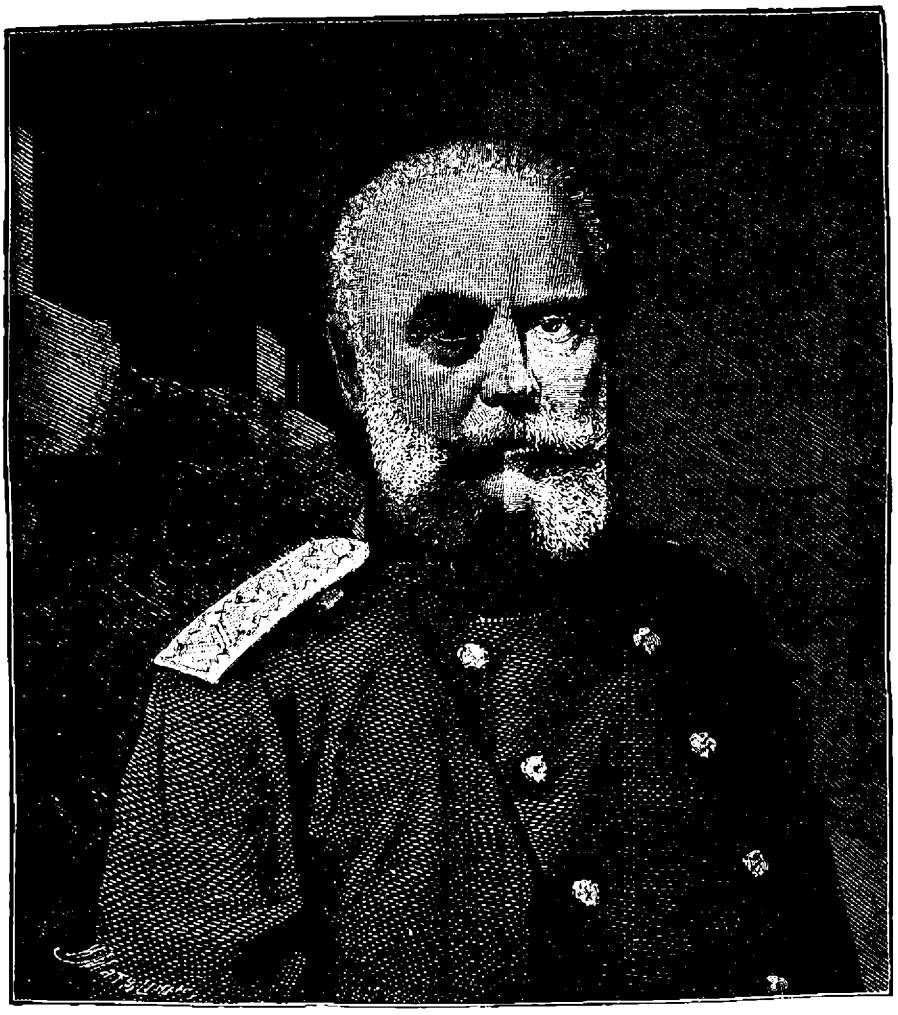
ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА

ВЛАДИМІРА ИВАНОВИЧА ДЕНА

1823 $\frac{\text{род. 12-го июля}}{\text{ум. 26-го января}}$ 1888.

ПИСАНЫ ВЪ Г. КОЗЕНИЦѢ
1868 и 1873.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» изд. 1890 г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 17 ФЕВРАЛЯ 1890 г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Составитель предлагаемыхъ здѣсь посмертныхъ записокъ, генералъ-лейтенантъ Владиміръ Ивановичъ Денъ, родился 12-го іюля 1823 г., въ селѣ Кистини, Могилевской губ., родовомъ имѣніи Лоневскихъ. Мать его, Екатерина Владиміровна, была рожд. Лоневская-Волкъ.

Воспитаніе В. И. Денъ получилъ домашнее, подъ руководствомъ гувернеровъ-французовъ. На службу поступилъ онъ унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Саперный батальонъ 13-го февраля 1840 года; въ офицеры произведенъ 28-го января 1842 года; въ январѣ 1849 года онъ былъ уже штабсъ-капитаномъ; за дѣятельное, усердное и вполнѣ успѣшное отправленіе обязанностей по военной службѣ онъ неоднократно удостоивался благоволенія императора Николая Павловича и 6-го декабря 1853 года, въ чинѣ капитана (съ 1850 г.), былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, съ отчисленіемъ изъ сапернаго баталіона въ свиту. Во время войны 1854—1855 гг. императоръ Николай Павловичъ неоднократно возлагалъ на В. И. Дена командировки въ Кіевскую губ., въ Николаевъ, Одессу, Бендеры, Перекопъ для осмотра крѣпостей и вновь возводившихся укрѣпленій, и вообще во все время службы Владиміръ Ивановичъ пользовался особымъ расположеніемъ и довѣріемъ государя Николая Павловича. Съ апрѣля 1854 г. Денъ участвуетъ въ военныхъ дѣйствіяхъ (при бомбардированіи Одессы) и за дѣло 24-го октября 1854 г. въ Севастополѣ—получилъ золотую полусаблю съ надписью за храбрость. Въ ноябрѣ 1855 г. полковникъ Денъ получилъ командованіе 13-мъ Смоленскимъ полкомъ. Въ 1860 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту его величества и былъ назначенъ для наблюденія за правильностью призыва отпускныхъ сначала въ С.-Петербургской, а потомъ въ Курской губерніяхъ.

Приказомъ 19-го января 1861 г. В. И. Денъ назначенъ курскимъ военнымъ губернаторомъ, съ управленіемъ и гражданскою частью, на каковомъ посту онъ оставался до увольненія его 10-го октября 1863 г., съ остав-

леніемъ въ свитѣ его величества. Въ 1868 г. В. И Денъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 22-го іюня 1869 г. назначенъ сенаторомъ. Уволенъ изъ сената, по прошенію, въ 1873 г.

Въ 1867 и 1868 гг. Денъ исполнялъ нѣкоторыя, по Высочайшему повелѣнію возложенныя на него, весьма важныя порученія.

В. И. Денъ скончался 26-го января 1888 года въ своемъ маіоратномъ имѣніи въ Царствѣ Польскомъ, въ городѣ Козеницы.

Здѣсь, въ этомъ имѣніи, гдѣ почти безвыѣздно онъ прожилъ послѣдніе 15 лѣтъ, написаны имъ въ 1868 и 1873 годахъ его записки, нынѣ представляемыя читателямъ «Русской Старины».

Долгомъ считаемъ принести нашу глубочайшую благодарность семьѣ покойнаго сенатора В. И. Дена, весьма обязательно сообщившей на стр. «Русской Старины», эти вполнѣ интересныя посмертныя записки.

В. И. Денъ былъ человѣкъ высокой честности, полонъ самой пылкой энергіи и безпредѣльной преданности монархамъ и Россіи, которымъ онъ служилъ истинно вѣрою и правдою.

Лѣтомъ 1887 г. мы впервые познакомились съ покойнымъ В. И. Деномъ—встрѣтивъ его заграницей, въ Висбаденѣ. Здоровье его было уже сильно расшатано; онъ съ интересомъ говорилъ о «Русской Старинѣ», усерднымъ читателемъ которой былъ съ самаго начала ея изданія, и въ разговорахъ съ нами, Владиміръ Ивановичъ не разъ прослезился при воспоминаніи объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, котораго обожалъ.

Императоръ Александръ II нашелъ въ В. И. Денѣ горячаго и глубоко искренняго исполнителя предначертанныхъ Его волею преобразованій всего внутренняго строя Россіи. Денъ всегда гордился тѣмъ счастьемъ, что ему въ званіи губернатора довелось ввести Положеніе 19-го февраля 1861 года въ Курской губерніи.

Вполнѣ увѣрены, что читатели «Русской Старины» съ удовольствіемъ и интересомъ прочтутъ живыя и искреннія посмертныя воспоминанія В. И. Дена о видѣнномъ и пережитомъ имъ за время въ теченіи болѣе полустолѣтія.

Ред.

ЗАПИСКИ ВЛАДИМІРА ИВАНОВИЧА ДЕНА.

I.

Дѣтство.

Мой прадѣдъ и дѣдъ.—Дядя Александръ Ивановичъ.—Отецъ.—Первыя впечатлѣнія дѣтства.—Пребываніе нашей семьи въ Варшавѣ.—Гувернеры.—Вліяніе Сандоза.—Я остаюсь протестантомъ.—Мои любимыя развлеченія.—Поступленіе въ полкъ.—Петербургскіе знакомые.—Производство въ офицеры.

1823—1840.

Козеницe, ноября 1868 г.

Съ 14 числа сего мѣсяца я нахожусь въ совершенномъ одиночествѣ въ моемъ любезномъ Козеницѣ. Жена съ Ольгою въ Дрезденѣ, Мери у сестры моей въ Варшавѣ. Давно уже я задумалъ писать свои записки, для освѣженія въ своей памяти нѣкоторыхъ событій, въ которыхъ я принималъ участіе или, по крайней мѣрѣ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, притомъ взглянуть на время давно прошедшее, и если на старости лѣтъ еще можетъ пригодиться опытность, не безъ пользы для себя дать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Начну съ того, что̀ знаю о своемъ происхожденіи. Покойный отецъ мой говорилъ, что прадѣдъ мой, Самойлъ Денъ, прибылъ въ Россію въ 1736 году, въ свитѣ принца Антона Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго, и поступилъ въ русскую службу. Жилъ въ Петербургѣ въ собственномъ домѣ, на углу 1-ой линіи Васильевскаго острова и Румянцевской площади, (теперь Переяславцева), дослужилъ онъ до чина тайнаго совѣтника и занималъ должность вице-президента юстицъ-коллегіи и члена совѣта учебныхъ заведеній, пользуясь большимъ уваженіемъ.

Дѣла Остзейскихъ губерній, поступавшія въ юстицъ-коллегію, подлежали ревизіи Самойла Дена и потому онъ имѣлъ случай заслужить особыя довѣріе и уваженіе жителей этихъ губерній. Уваженіе это было доказано лифляндскимъ дворянствомъ, предложившимъ прадѣду моему принять его въ среду своего Ritterschaft'a, пользовавшагося въ то время, какъ извѣстно, особыми привиллегіями и преимуществами, но Самойлъ Денъ не считалъ себя въ правѣ воспользоваться этимъ предложеніемъ, имѣя вліяніе, по должности своей, на дворянскія дѣла Остзейскаго края. Сколько мнѣ извѣстно, онъ былъ похороненъ въ С.-Петербургѣ на Самсоніевскомъ кладбищѣ, но не смотря на мои старанія, когда я былъ юнкеромъ въ 1840 году, я не могъ отъискать его могилы. У него былъ одинъ сынъ Иванъ Самойловичъ, служившій въ 1770-хъ годахъ въ гвардейской артиллеріи поручикомъ. Но вскорѣ, женившись на дѣвицѣ Брандтъ и продавъ свой домъ, онъ купилъ имѣніе въ Финляндіи, Выборгской губерніи, — въ 25 верстахъ отъ крѣпости Фридрихсгамъ, село Синполо, гдѣ и поселился.

Отецъ мой былъ старшимъ сыномъ Ивана Самойловича и съ особенною нѣжностью всегда вспоминалъ о своей матери, съ которой разстался рано и видѣлся въ послѣдній разъ въ 1818 г. Во время дѣтства отца моего, мѣстность, въ которой жили его родители, была пограничная. Выборгская губернія по случаю постоянныхъ войнъ со Швеціею была наводнена нашими войсками. Бабушка моя была умная и любезная женщина; она любила принимать у себя военныхъ, квартировавшихъ въ Фридрихсгамѣ и въ Кюмень-городѣ, хорошо знала Суворова, Каменскаго и другихъ, о которыхъ впослѣдствіи часто разсказывала анекдоты и приводила разговоры.

У отца моего было пять братьевъ и пять сестеръ; имѣніе Синполо, пространствомъ очень значительное, давало однако такъ мало доходу, что многочисленное семейство дѣда моего съ трудомъ могло прожить прилично, по понятіямъ помѣщиковъ того времени; разумѣется, сыновья поступили въ военную службу, кромѣ старшаго Александра, который, окончивъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, опредѣлился въ гражданскую. Объ Александрѣ Ивановичѣ я долженъ распространиться, потому что я особенно любилъ за его любезность и остроуміе. Послѣ смерти

дѣдушки онъ рѣшился на великій подвигъ, оставилъ службу и Петербургъ и посвятилъ себя семейству, которому хотѣлъ сохранить имѣніе и сестрамъ приличное убѣжище. Онъ былъ человѣкъ всесторонне образованный, очень умный и пріятный собесѣдникъ, любилъ спорить, но спорилъ пріятно. Безвыѣздно проживши въ деревнѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ, онъ постоянно слѣдилъ за умственнымъ движеніемъ Европы, читалъ все, составилъ себѣ большую библіотеку и я помню какъ меня поражалъ его разговоръ или, правильнѣе, разсказы, потому что я въ то время относился весьма равнодушно къ политическимъ событіямъ, да и вообще въ то время въ 1840-хъ годахъ, въ офицерской компаніи если и говорили о политикѣ, то это заключалось болѣе въ передачѣ другъ другу газетныхъ новостей—собственно же разсужденій мнѣ рѣдко приходилось слышать. О Россіи совсѣмъ не говорили; оно считалось отчасти и не безопаснымъ: самыя невинныя, по теперешнимъ понятіямъ, выходки могли повлечь за собой—серіозныя внушенія начальства, а затѣмъ и невыгодную атестацію. Я не могу вспомнить при этомъ съ какою таинственностью говорили въ то время о государственномъ бюджетѣ, сохранявшемся въ глубокой тайнѣ, о событіяхъ, къ несчастью—такъ печально ознаменовавшихъ восшествіе на престолъ государя Николая Павловича, и т. д. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Теперь пора возвратиться къ батюшкѣ Ивану Ивановичу. Сколько я могъ судить по его разсказамъ, онъ былъ любимцемъ бабушки, получилъ тщательное домашнее воспитаніе; онъ всегда съ особеннымъ уваженіемъ и благодарностью вспоминалъ своего умнаго и ученаго учителя Тиме. Въ 1837 году, во время путешествія по Германіи, онъ отыскалъ этого старика и провелъ съ нимъ нѣсколько дней. Въ 1805 году отецъ поступилъ въ военную службу колонновожатымъ, немедленно былъ отправленъ въ армію, но прибылъ, по назначенію, послѣ Аустерлицкаго сраженія. Въ офицеры онъ былъ произведенъ въ 1806 году, участвовалъ затѣмъ въ качествѣ инженернаго офицера въ кампаніи противъ шведовъ, отличился при осадѣ Выборга, а въ 1812 году—при формированіи л.-гв. сапернаго баталіона—переведенъ въ гвардію капитаномъ. Здѣсь онъ имѣлъ случай сдѣлаться извѣстнымъ государю Николаю Павловичу, который его особенно оцѣнилъ—какъ то доказываетъ все его служебное поприще,—

поприще, о которомъ я распространяться не буду, а ссылаюсь на его формулярный,—а какъ теперь правильнѣе стали называть—послужной списокъ моего отца.

Скажу только, что во все время моего дѣтства и отрочества, проведенное въ Варшавѣ, государь Николай Павловичъ столько разъ доказывалъ свое особенное уваженіе моему отцу,—что, вѣроятно, этимъ самымъ положилъ основаніе той безпредѣльной преданности и любви, которыя я и по сіе время (1868 г.) сохраняю къ блаженной памяти государю Николаю Павловичу. Въ 1822 году батюшка командовалъ 1 піонернымъ баталіономъ въ г. Рогачевѣ, Могилевской губерніи и, познакомившись съ семействомъ отставнаго кавалерійскаго маіора Лоневскаго-Волкъ, вскорѣ женился на его третьей дочери Екатеринѣ Владиміровнѣ. Богъ благословилъ этотъ бракъ, я никогда не видѣлъ, внѣ дома моихъ родителей, болѣе согласія, дружбы, обоюднаго довѣрія, нѣжной любви. Но имъ не было суждено дождаться серебряной свадьбы. Матушка скончалась въ 1846 году совершенно неожиданно, почти внезапно. Я былъ въ то время въ отпуску въ Варшавѣ. 25-го ноября матушка, сестры и я,—мы отправились всѣ вмѣстѣ на балъ къ намѣстнику—фельдмаршалу кн. Паскевичу. Во время бала матушкѣ сдѣлалось дурно,—ее отнесли въ спальню княгини Елизаветы Алексѣевны Паскевичъ, тамъ ей сдѣлалось лучше и она требовала, чтобы сестры продолжали танцовать, меня же просила сопровождать ее немедленно домой. Ночь она провела въ страданіяхъ, а на другой день, въ понедѣльникъ, 26-го ноября, не смотря на пособія лучшихъ докторовъ, въ 6 ч. вечера ея уже не стало...

Я родился въ селѣ Кистини, родовомъ имѣніи Лоневскихъ, 12-го іюля 1823 года. Помню какъ въ туманѣ переѣздъ нашъ въ Динабургъ, по случаю назначенія отца моего командиромъ бригады, потомъ въ 1829 г. въ Митаву—въ расположеніе 1-го пѣхотнаго корпуса, куда отецъ мой былъ назначенъ начальникомъ штаба. Съ тѣхъ поръ я помню почтенную фигуру П. Х. фонъ-деръ Палена, бывшаго тогда корпуснымъ командиромъ и котораго я узналъ впослѣдствіи гораздо ближе. Не говоря о его извѣстной храбрости, гр. Петра Петровича я особенно уважалъ по случаю, я думаю, мало извѣстному; когда вслѣдствіе разныхъ непріятностей, дѣлаемыхъ нашимъ правительствомъ Людовику-

Филиппу, прекратились дипломатическія сношенія между Россіею и Франціею и нашъ посолъ при французскомъ дворѣ гр. П. П. Паленъ жилъ въ Петербургѣ: онъ оставался посломъ и потому продолжалъ получать содержаніе посла. Не смотря на свою скупость, онъ настаивалъ и, наконецъ, настоялъ на томъ, чтобы ему прекратили производство содержанія, которое онъ получалъ въ Парижѣ.

Въ Митавѣ, я хорошо помню, произвело на меня сильное и грустное впечатлѣніе выступленіе полковъ 1-го корпуса въ Польшу послѣ варшавскихъ событій 19-го ноября 1830 года.

Весь 1831 годъ до декабря матушка съ четырьмя дѣтьми провела въ Ригѣ, а нѣсколько недѣль для морскихъ купаній въ Сумесѣ, имѣніи семейства Медемъ. Дочь этой баронессы Медемъ, замужемъ за Іосифомъ Александровичемъ Гурко, была очень дружна съ матушкой и предложила ей провести нѣсколько времени въ ихъ имѣніи.

Въ августѣ мы переѣхали въ Ригу и застали тамъ развивающуюся холеру,—холеру 1831 года, т. е. бѣдствіе, о которомъ холера послѣднихъ годовъ не можетъ дать никакого понятія. Я помню ужасъ и уныніе, которые распространились повсюду, ужасные толки и разсказы, нелѣпость которыхъ я оцѣнить не могъ, но къ которымъ прислушивался съ жадностью, любопытствомъ и страхомъ. Наконецъ, получили извѣстіе о взятіи Варшавы, и вскорѣ затѣмъ мы съ матушкой отправились къ отцу въ Варшаву.

Здѣсь отцу моему предстояло поприще новое и неожиданное, а именно строителя крѣпостей. Государь требовалъ необыкновенно скорыхъ сооруженій; сначала было предположено—срыть старинный королевскій замокъ и на его мѣстѣ воздвигнуть цитадель, потомъ думали поставить цитадель еще центральнѣе, а именно на мѣстѣ Саксонской площади и сада.

Наконецъ, когда было рѣшено принять за центръ цитадели Александровскія казармы, отецъ переѣхалъ съ Новаго свѣта въ уединенный домъ среди сада, принадлежавшаго г-жѣ Суминской, вдовѣ воеводы, титуловавшей себя всегда пани воеводзиня. Ея домъ находился близъ вновь строющейся цитадели. Въ настоящее время домъ этотъ уже давно не существуетъ, сада этого также и слѣдовъ не осталось — одна пространна

голая крѣпостная эспланада замѣнила все это. Пани воеводзиня была очень словоохотливая старушка, а въ молодости вѣроятно была красавица, потому что любила вспоминать времена давно прошедшія, въ особенности года, проведенные ею въ Венеціи, и разсказывать какую она тогда играла роль въ обществѣ, какъ „вшистко у ея нугъ лежало", т. е. какъ всѣ преклонялись предъ ея красотой и любезностью. Вурмсеръ, Мелосъ и другіе австрійскіе генералы постоянно при этомъ поминались ею. Сколько могу припомнить, въ это время я находился подъ игомъ гувернантокъ моихъ сестеръ и учился вмѣстѣ съ ними послѣдними подъ личнымъ и постояннымъ надзоромъ матушки. Патріархальная скромная жизнь моихъ родителей дѣлала это возможнымъ. Въ 1833 или 1834 году, навѣрное сказать не могу, для меня выписали изъ Швейцаріи особенно рекомендованнаго précepteur'a, на котораго предполагалось возложить трудную обязанность сдѣлать изъ меня человѣка.

Вновь прибывшій швейцарецъ Albert de Merveilleux принадлежалъ къ обѣднѣвшей аристократической фамиліи Невшателя. Сколько я могу судить, онъ былъ скромный, образованный, но пустой молодой человѣкъ, безъ всякаго характера. Онъ не съумѣлъ со мной совладать, самъ неоднократно въ этомъ сознавался и кончилъ тѣмъ, что отказался отъ чести сдѣлать изъ меня „une petite merveille" (маленькое чудо). Его замѣнилъ Mr. Sandoz, также изъ Невшателя, но принадлежавшій къ радикальной или, правильнѣе, демократической партіи. Онъ былъ товарищемъ Merveilleux, но старѣе его. Они были очень дружны, не смотря на ядовитыя насмѣшки Sandoz, который не переставалъ глумиться надъ Merveilleux по случаю выказанной симъ послѣднимъ храбрости во время бывшихъ смутъ въ Невшателѣ; храбрость эта заключалась въ томъ, что Merveilleux въ числѣ прочихъ молодыхъ людей заявилъ о своемъ желаніи защищать вооруженной силой право своего законнаго государя противъ республиканцевъ. Безпорядки кончились миролюбиво,—но Merveilleux получилъ отъ короля прусскаго медаль, которой Sandoz не могъ ему простить. Mr. Sandoz былъ человѣкъ прямой, ученый, необыкновенно живаго, веселаго нрава, неутомимый въ занятіяхъ. Сколько я могъ замѣтить впослѣдствіи, онъ должно быть имѣлъ въ своемъ семействѣ столкновенія, по случаю его

неуваженія къ церковнымъ обрядамъ, духовенству и даже религіи. Онъ видѣлъ во всѣхъ лицахъ духовнаго званія—актеровъ безъ убѣжденій, играющихъ роль для извлеченія пользы отъ людей, поддающихся ихъ обману или нравственному обольщенію. Онъ любилъ читать все, что писалось о злоупотребленіяхъ, вкравшихся или систематически введенныхъ духовенствомъ въ дѣла церковныя въ католическихъ государствахъ; часто много и горячо говорилъ объ этомъ и, такимъ образомъ, вѣроятно, отчасти сдѣлался причиною моего отвращенія къ (католическому) духовенству и омерзѣнія, которое всегда впослѣдствіи возбуждали во мнѣ приторныя, театральныя рѣчи пасторовъ.

Въ 1823 году еще существовало право, на основаніи котораго дворянамъ Великаго Княжества Финляндскаго дозволялось, женившись на православныхъ, крестить и воспитывать старшаго сына по закону отца; поэтому и я былъ окрещенъ реформатскимъ пасторомъ за неимѣніемъ на лицо лютеранскаго. Съ тѣхъ поръ, до 15-лѣтняго возраста, я не видѣлъ ни одного пастора, постоянно ходилъ въ православную церковь съ матушкой и сестрами, молился такъ, какъ молятся дѣти по указанію наставницъ, машинально, и мнѣ никогда не приходила мысль задавать себѣ вопросъ о принадлежности моей къ тому или другому вѣроисповѣданію. Я все это говорю къ тому, что уже подходило время, когда надо было учиться закону Божію (terme consacré) и поэтому пригласить священника или пастора. Къ этому присоединилась еще неожиданная компликація. Въ 1835 году отцу моему, въ числѣ прочихъ генераловъ, служившихъ въ Царствѣ Польскомъ, пожаловано было имѣніе на маіоратномъ правѣ, но съ тѣмъ, чтобы переходя къ старшему въ родѣ, этотъ старшій непремѣнно былъ православный. Я объ этомъ ничего не зналъ и, конечно, ни о какомъ наслѣдствѣ никогда не думалъ, когда батюшка, потребовавъ меня къ себѣ, объяснилъ, что мнѣ предстоитъ самому сдѣлать выборъ — между православіемъ и протестантствомъ, прибавляя при этомъ, что онъ долженъ меня предупредить, что выборъ втораго повлечетъ за собой добровольное отреченіе отъ вышеприведенныхъ правъ наслѣдства. Если-бы не послѣдняя оговорка, я, не думая ни одной минуты, сказалъ-бы, что я уже давно принадлежу къ православной церкви и что въ выборѣ не предстоитъ ни малѣйшаго

затрудненія. Но тутъ представился вопросъ, не подумаютъ-ли, что я перехожу въ православіе по расчету изъ корыстныхъ видовъ и я рѣшительно объявилъ, что я твердо рѣшился оставаться лютераниномъ. Я въ то время даже не зналъ, въ чемъ заключается разница между вѣроисповѣданіями, представленными моему выбору. Такимъ образомъ я попалъ въ лютеране и принялся за изученіе катехизиса и всего, что требуется для конфирмаціи подъ руководствомъ варшавскаго суперинтендента Лудвига. Онъ не съумѣлъ возбудить во мнѣ не только ни малѣйшаго энтузіазма, но даже простаго религіознаго чувства и самый обрядъ конфирмаціи не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія.

Учился я вообще плохо, лѣность была однимъ изъ главныхъ моихъ недостатковъ, къ тому же какая-то врожденная мечтательность дѣлала меня неспособнымъ исключительно съ напряженнымъ вниманіемъ заниматься однимъ предметомъ. Исторія, географія и естественныя науки имѣли для меня особенную прелесть, зато математику я ненавидѣлъ и, конечно, мало успѣвалъ по этой части. Мертвыми языками я почти не занимался, послѣ неудачныхъ попытокъ при Merveilleux, и этого впослѣдствіи никогда не могъ себѣ простить. Зато я любилъ верховую ѣзду и, получивши въ 1836 году въ подарокъ отъ отца ружье, сдѣлался страстнымъ охотникомъ. Этому отчасти способствовалъ другъ моего семейства, о которомъ я не могу здѣсь не упомянуть,—Андрей Потаповичъ Кублицкій-Піотухъ.

Сынъ бѣднаго дворянина Могилевской губерніи, кажется арендатора одного изъ маленькихъ имѣній моего дѣда Лоневскаго, Піотухъ выросъ въ домѣ сего послѣдняго, а по выпускѣ изъ кадетскаго корпуса постоянно состоялъ при батюшкѣ, былъ ему чрезвычайно преданъ и любилъ меня, какъ самаго близкаго роднаго. Андрей Потаповичъ любилъ охоту и въ праздничные дни бралъ меня съ собой. Такимъ образомъ, я познакомился съ другими любителями охоты—съ А. Д. Черевинымъ, Өирсомъ Голицынымъ, К. Замойскимъ. Всѣ эти господа меня полюбили и нерѣдко доставляли случай пострѣлять; Замойскій возилъ меня въ свои имѣнія, въ томъ числѣ Подзамче и Моціовице; здѣсь онъ мнѣ показывалъ въ лѣсу красный крестъ, по его словамъ поставленный на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ взятъ въ

плѣнъ славный Костюшко (finis Poloniæ). Sondaz по-своему пользовался моею страстью къ охотѣ и держалъ меня въ страхѣ приговоромъ: „vous n'irez pas â la chasse dimanche“ (вы не пойдете на охоту въ воскресенье). Впрочемъ, я долженъ отдать ему справедливость, что онъ не употреблялъ во зло этого страшнаго для меня оружія.

Я пользовался въ эти счастливые годы большою, относительно, свободой, но, не смотря на это, я рѣдко встрѣчалъ впослѣдствіи мальчика моихъ лѣтъ болѣе нравственно чистаго и непорочнаго. Моя невинность до того была хорошо сохранена, что, поступивши юнкеромъ въ военную службу, я былъ, конечно, надолго, предметомъ удивленія и насмѣшекъ моихъ товарищей.

1839 г. былъ въ исходѣ и отецъ мнѣ объявилъ, что въ началѣ 1840 года онъ повезетъ меня въ Пстербургъ для опредѣленія на службу. Я давно уже числился пажемъ и потому полагалъ, что поступлю въ Пажескій корпусъ; оказалось, что я вышелъ изъ лѣтъ для поступленія въ этотъ корпусъ, къ тому же батюшка всегда имѣлъ отвращеніе къ военно-учебнымъ заведеніямъ и потому опредѣлилъ меня юнкеромъ л.-гв. въ саперный батальонъ, гдѣ самъ служилъ до производства въ полковники, т. е. до 1818 года. Меня поручили особенному надзору и попеченію штабсъ-капитана Клеменса и стали обучать прежде всего стойкѣ... Каково было мое удивленіе, когда усачъ Дыньковъ, унтеръ-офицеръ роты его величества, объявилъ мнѣ, что я не умѣю стоять!! Одѣли меня въ солдатскую форму, запретили ѣздить въ экипажахъ, однимъ словомъ какъ будто отлучили отъ общества. Съ тяжелымъ чувствомъ вспоминаю я это время. Но ко всему привыкаютъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я позналъ qu'avec le ciel il y a des accommodements. Лѣтомъ я ѣздилъ на яликахъ петербургскихъ, мало цѣнимыхъ сѣверныхъ гондолахъ, по каналамъ, перерѣзывающимъ нашу столицу по всѣмъ направленіямъ, а зимою переодѣвался въ партикулярное платье и такимъ образомъ избѣгалъ напрасной усиленной ходьбы и случайностей встрѣчъ съ начальствомъ, въ особенности же съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, въ то время наводившимъ ужасъ на всѣхъ военныхъ.

Знакомыхъ у меня было очень мало, и тѣ не представляли особеннаго интереса, но я долженъ сдѣлать исключеніе въ пользу

двоюроднаго брата батюшки—Н. М. Ореуса, который по дружбѣ къ моему отцу оказывалъ мнѣ постоянно не только вниманіе, но даже самое любезное участіе. У него и у сестры его, Авдотьи Максимовны Сернговъ, вдовы лейбъ-медика, меня ласкали и подъ конецъ и полюбили, такъ что, не смотря на скуку, которую я у нихъ испытывалъ, я не могу не отнестись къ нимъ съ особенною искреннею признательностью. Также съ благодарностью вспоминаю давно умершую Александру Ивановну Балашеву, рожденную княжну Паскевичъ, съ которою мы такъ часто танцовали въ Варшавѣ на дѣтскихъ балахъ и которая, не забывая это и дружбу ея матушки къ моей, принимала меня, не смотря на мою солдатскую одежду, со свойственной ей милой добротой и любезностью; Анну Евграфовну Шанову, которая обожала покойную матушку и старалась мнѣ доказать это своимъ доброжелательствомъ. Еще были у меня и другіе хорошіе знакомые, но о нихъ придется говорить впослѣдствіи.

Фронтовая служба мало меня занимала, предметы, требующіеся для офицерскаго экзамена, также не могли увлекать молодаго человѣка (къ механикѣ никогда не лежало мое сердце), учитель химіи, не смотря на весь интересъ вполнѣ мною цѣнимаго предмета, усыплялъ меня своимъ преподаваніемъ, монотонностью изложенія; изученіе фортификаціи мнѣ давалось очень легко по случаю наглядаго изученія во время прогулокъ моихъ по крѣпостямъ, воздвигаемымъ моимъ отцомъ. Изъ числа моихъ товарищей я ни съ однимъ не сблизился, не подружился и впослѣдствіи почти всѣхъ потерялъ изъ виду. Скучно и однообразно, хотя и благополучно, прошли почти два года; въ началѣ декабря 1839 года я выдержалъ офицерскій экзаменъ съ грѣхомъ пополамъ и 28-го января 1840 года, въ день рожденія великаго князя Михаила Павловича, я былъ произведенъ въ офицеры.

II.

Служба въ л.-гв. саперномъ батальонѣ.

Первые шаги на служебномъ поприщѣ.—Гр. Ѳ. Ѳ. Бергъ.—Мое знакомство съ петербургскимъ обществомъ.—Поѣздки въ отпускъ и бесѣды мои съ отцомъ.—1848-й годъ.—Поѣздка съ отцомъ за границу.—Жизнь въ Гастейнѣ.—Парадъ войскъ въ Вѣнѣ.—Вѣсть о кончинѣ великаго князя Михаила Павловича—Отзывъ обо мнѣ государя Николая Павловича.

1840—1849.

Первое время послѣ производства моего въ офицеры меня такъ часто наряжали въ караулъ и дежурнымъ по батальону, что я неоднократно съ сожалѣніемъ вспоминалъ прошедшее время своего юнкерства. Л.-гв. саперным батальономъ въ то время командовалъ Павелъ Александровичъ Витовтовъ, человѣкъ добрый и хорошій, но не знаю, за что нелюбимый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который былъ вдвойнѣ нашимъ начальникомъ, какъ главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, и какъ генералъ-инспекторъ инженернаго корпуса, отъ котораго нашъ батальонъ числился откомандированнымъ.

Великій князь придирался къ офицерамъ; слава Богу, никогда лично не обращался ко мнѣ, но за то когда только могъ, приказывалъ отправлять меня на гауптвахту. Читая это, можно подумать, что я кутилъ, предавался шалостямъ и т. д.,—ничуть не бывало, я былъ скромнѣе 15-ти-лѣтней дѣвочки, и по сіе время не могу себѣ объяснить, чѣмъ я могъ навлечь на себя гоненіе великаго князя. Это продолжалось довольно долго, такъ что выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, я сталъ просить дозволенія отправиться служить на Кавказъ. На это, однако, разрѣшенія не воспослѣдовало, но и положеніе мое улучшилось, т. е. менѣе замѣтно стали меня преслѣдовать.

Болѣе двухъ лѣтъ прослужилъ я офицеромъ и почти не бывая въ обществѣ, но въ 1844 или въ 1845 г., не припомню навѣрное, генералъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ) [1]), называвшій себя

[1]) Впослѣдствіи графъ, генералъ-фельдмаршалъ и намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ, а въ то время генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба его величества. Д.

въ разговорахъ со мной „le meilleur ami de votre frère“ (лучшій другъ вашего брата), увѣрилъ меня, что молодому офицеру, служащему въ Петербургѣ и желающему, какъ говорятъ, „сдѣлать карьеру“, необходимо бывать въ лучшемъ обществѣ, и съ особенною обязательностью вызвался быть моимъ путеводителемъ, т. е. представить меня разнымъ личностямъ и ввести во всѣ открытые дома. Хотя я зналъ генерала Берга за человѣка не правдиваго и никогда не пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ, но постоянныя его напоминанія о дружбѣ его къ моему отцу и постоянно оказываемое мнѣ имъ вниманіе и доброжелательство совершенно расположили бы меня въ его пользу, если бы не одинъ несчастный, слишкомъ откровенный со стороны Берга, разговоръ не превратилъ этого расположенія въ ненависть и презрѣніе!... Меня могутъ упрекнуть въ слишкомъ сильныхъ выраженіяхъ и потому спѣшу для своего оправданія привести фактъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, бесѣдуя со мной en tête-à-tête (съ глазу на глазъ), на распашку, онъ оскорбилъ меня предположеніемъ, что я такой же чухна, какъ и онъ, и потому не устыдился сказать, теперь не припомню по какому поводу:

— Die Russen! das weisst ja nicht was Ehre heisst! (Русскіе! вѣдь они не понимаютъ, что̀ значитъ честь!).

Съ тѣхъ поръ я сталъ отъ него удаляться; впослѣдствіи, когда государю угодно было, чтобы я служилъ въ Польшѣ, я впервые въ жизни долженъ былъ прибѣгнуть къ дипломатіи, чтобы не служить подъ начальствомъ гр. Ѳед. Ѳед. Берга.

Впослѣдствіи, когда окончательно разстроенныя дѣла безсовѣстною администраціею моего единственнаго имѣнія арендаторами и пристрастныя къ полякамъ рѣшенія трибуналовъ и даже 9-го департамента сената въ тяжебныхъ дѣлахъ заставляли меня почти безвыѣздно нѣсколько лѣтъ сряду жить въ имѣніи, я еще болѣе убѣдился, что графъ и фельдмаршалъ Бергъ нисколько не былъ достоинъ тѣхъ милостей, которыми онъ былъ осыпанъ государемъ. Зная, что я, ни мало не стѣсняясь, при всякомъ удобномъ случаѣ, выставляю его дѣятельность въ настоящемъ видѣ, часто въ жалкомъ, иногда гнусномъ, постоянно въ смѣшномъ, онъ не упускалъ ни малѣйшаго случая и даже самъ пріискивалъ средства мстить мнѣ за это. Принималъ преиспол-

ненныя лжи и клеветы жалобы на меня выгнанныхъ мною за злоупотребленія экономовъ, безъименные доносы жидовъ и возмутительнаго содержанія жалобы станціоннаго смотрителя, производилъ по нимъ слѣдствія и не смотря на то, что все это оказывалось лишь результатомъ безсильной злобы и взводимыя на меня обвиненія лишенными всякаго основанія, неоднократно ссылался на эти жалобы, чтобы очернить меня.

Прежде всего гр. Бергъ повезъ меня къ гр. Нессельроде, домъ котораго считался въ то время между молодежью le salon le plus imposant. Мнѣ же онъ показался только скучнымъ, не смотря на то, что, по рекомендаціи Ѳ. Ѳ. Берга, я поступилъ подъ особенное покровительство баронессы Зеебахъ, младшей дочери канцлера и жены посланника саксонскаго. Потомъ ввели меня въ дома гр. Закревскаго, Воронцова-Дашкова, кн. Юсупова, гр. Левашева, Мятлева, Кушелева, Безбородко, гр. М. Ю. Віельгорскаго, Хитрово, кн. Долгорукаго, кн. Н. Л. Шаховскаго, Н. М. Толстаго, гр. Протасова и пр., и пр., всѣхъ не перечтешь; въ то время жили открыто, давали обѣды, балы, о которыхъ теперь и думать перестали.

Въ 1844 г. я имѣлъ случай быть представленнымъ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, вел. княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ и съ тѣхъ поръ съ удовольствіемъ и нѣкоторою гордостью вспоминаю, что меня всегда приглашали на всѣ придворные балы и что на этихъ балахъ императрица почти всегда оказывала мнѣ свое милостивое вниманіе. Вообще я цѣнилъ высоко любезности, оказываемыя мнѣ въ обществѣ, потому что, не будучи танцоромъ, я не считалъ себя нужнымъ или полезнымъ человѣкомъ на балахъ. Баронесса Зеебахъ познакомила меня со всѣми посольствами и, такимъ образомъ, въ теченіи одной зимы у меня составился огромный кругъ знакомыхъ. Но этого было недостаточно; я тогда почувствовалъ необходимость разнообразія; какое-то любопытство и любознательность заставляли меня бывать и въ обществѣ негоціантовъ и въ дурномъ обществѣ. Но, къ счастью моему, въ эти молодые годы я не зналъ увлеченія, и дурное общество занимало меня какъ нѣчто новое,—совершенно до того неизвѣстная мнѣ стихія.

Осенью, почти ежегодно, ѣздилъ я въ отпускъ, въ Варшаву,

и жилъ тамъ у отца, въ цитадели, въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ я прожилъ счастливые дни моей первой молодости съ Merveilleux и Sandoz. Въ Варшавѣ въ то время въ обществѣ веселились, у меня было много знакомыхъ и я много выѣзжалъ, но послѣ обѣда я всегда нѣсколько часовъ проводилъ съ отцомъ, который не только всегда былъ ко мнѣ милостивъ, добръ и снисходителенъ, но и оказывалъ мнѣ полную во всемъ довѣренность и въ своихъ разговорахъ со мной постоянно былъ совершенно откровененъ. Послѣднее чрезвычайно льстило моему самолюбію и я помню, какъ я дорожилъ разговорами съ отцомъ; это обыкновенно бывало послѣ обѣда, когда послѣ усидчивыхъ утреннихъ занятій, отецъ любилъ курить, ходя по залѣ. Однажды, во время подобной прогулки, онъ мнѣ разсказалъ, что у него утромъ былъ какой-то нѣмецъ изъ Брауншвейга, предлагавшій доказать, что ему, т. е. отцу, по праву слѣдуетъ титуловаться графомъ Римской имперіи и что титулъ этотъ былъ пожалованъ въ началѣ прошлаго столѣтія дядѣ его дѣда. На мой вопросъ, что̀ отецъ на это отвѣчалъ нѣмцу, отецъ сказалъ:

— Я ему объявилъ, что этотъ дядя былъ каналья и что я никакого отъ него наслѣдства не желаю.

Я оставилъ этотъ эпизодъ безъ дальнѣйшаго вниманія, отецъ никогда объ этомъ не говорилъ, но впослѣдствіи живо представился мнѣ рѣзкій отзывъ отца при чтеніи Schlosser's Geschichte des XVIII Jahrhunderts, 1 Band, 247:

(Переводъ). Въ Брауншвейгъ-Вольфенбюттелѣ дѣла находились въ такомъ же положеніи, какъ и въ Ганноверѣ. Два брата владѣли страною: Вольфенбюттелемъ правилъ Августъ-Вильгельмъ; въ Бланкенбургѣ былъ полновластнымъ властителемъ Людвигъ-Рудольфъ, который долженъ былъ наслѣдовать впослѣдствіи Вольфенбюттелемъ и поэтому относился весьма неодобрительно къ расточительности своего брата и любимца его фонъ-Дена, игравшаго тутъ роль Флеминга, имѣя сообщника въ лицѣ фонъ-Штейна. Г. фонъ-Денъ, подобно Флемингу, былъ юнкеромъ; еще будучи пажемъ, онъ снискалъ расположеніе Антона Ульриха, а въ правленіе Августа-Вильгельма блисталъ при посольствахъ и, получивъ такимъ путемъ ордена, а въ Вѣнѣ графскій титулъ, расточалъ въ Вольфенбюттелѣ деньги этой страны и самого герцога, такъ что послѣднему пришлось даже занять у несчастной Софіи-Доротеи, въ Альденѣ, 40 тысячъ талеровъ...

и т. д., гдѣ, какъ видно по этому образчику, Шлоссеръ весьма непочтительно выражается о дядѣ дѣдушки моего отца.

Въ 1847 году въ Новогеоргіевской крѣпости на моего отца, осматривавшаго пѣшкомъ работы, наѣхали сзади испугавшіяся лошади и сшибли его съ ногъ. При этомъ онъ сильно ушибъ себѣ ногу; доктора различно опредѣляли поврежденіе кости, но положительный результатъ заключался въ томъ, что онъ долго не могъ ходить безъ помощи костылей, и всю жизнь не могъ бросить палки. Въ этомъ же году государь навѣстилъ моего больнаго отца и приказалъ ему непремѣнно весною слѣдующаго года отправиться за границу. Доктора совѣтовали ему купаться въ Гастейнѣ.

Зима и весна 1848 г. ознаменовались необыкновенными происшествіями и переворотами на западѣ; послѣ провозглашенія республики во Франціи, вся Германія пришла къ неописанное броженіе; возстанія повторялись во всѣхъ столицахъ. Въ Вѣнѣ послѣ бѣгства слабоумнаго императора въ Инспрукъ, всѣ улицы покрылись баррикадами; правительство, такъ долго сосредоточенное въ кабинетѣ Меттерниха, низвергнуто и установлено временное... Въ это интересное время я совершенно неожиданно получилъ, чрезъ дежурнаго генерала главнаго штаба, высочайшее повелѣніе немедленно отправиться въ Варшаву для сопутствованія больнаго отца въ Гастейнъ. Радость моя была неописанная: вмѣсто скучнаго лагеря мнѣ предстояло впервые побывать за границею и въ такое время, когда офицерамъ совсѣмъ не разрѣшали заграничныхъ отпусковъ. Изъ Варшавы мы отправились съ отцомъ и моими обѣими сестрами въ Вѣну на Краковъ. Къ моему величайшему удивленію, переѣхавъ границу, мы застали полное спокойствіе и до Прерау, гдѣ съ Вѣнско-Краковскою сходится Вѣнско-Пражская желѣзная дорога, рѣшительно нельзя было замѣтить ничего, что могло бы дать хотя малѣйшее понятіе о переворотѣ, совершившемся въ Вѣнѣ. Въ Прерау мы долго дожидались пражскаго поѣзда, а не доѣзжая до Вѣны, въ трехъ, кажется, перегонахъ, нашъ поѣздъ былъ ночью остановленъ и при свѣтѣ факеловъ мы увидѣли по обѣ стороны дороги выстроенныя толпы вооруженной черни. Это зрѣлище и неизвѣстность, чего отъ нашего поѣзда требуютъ, ужасно перепугало моихъ сестеръ. Но мы не долго оставались въ недоумѣніи; оказалось, что временное правительство требовало задержанія какихъ-то лицъ, по невѣрнымъ свѣдѣніямъ будто бы ѣдущихъ съ нами

изъ Праги. Послѣ провѣрки паспортовъ, ихъ не оказалось и мы въ ту же ночь благополучно прибыли въ Вѣну. Бо́льшую часть баррикадъ еще не успѣли разобрать, національная гвардія занимала караулы, правительства не существовало.

Нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ былъ въ то время графъ Медемъ, совѣтникомъ—нашъ старый знакомый Фонтонъ, женатый на пріятельницѣ моей старшей сестры. Эти господа немедленно пріѣхали къ моему отцу и не смотря на то, что составляли одно цѣлое, т. е. нашу миссію, очень различно судили о происшествіяхъ и оцѣняли ихъ. Гр. Медемъ съ увлеченіемъ порицалъ недальновидность и слабость правительства, приписывалъ ихъ старости, ослѣпленію и самонадѣянности кн. Меттерниха и утверждалъ, что силою оружія можно было спасти монархію, которую считалъ погибшею. Фонтонъ утверждалъ, что все возвратится къ прежнимъ порядкамъ, что жители Вѣны слишкомъ деморализованы деспотическимъ-инквизиціоннымъ правленіемъ, чтобы настойчиво преслѣдовать какую-либо цѣль, и что они вовсе не знаютъ и потому не могутъ желать свободы, о которой кричатъ только студенты. Послѣдствія оправдали предсказанія умнаго и ловкаго дипломата. Не смотря на недавно совершившіяся событія въ Вѣнѣ, все было спокойно, публичные сады были открыты для публики, старый неподражаемый Страусъ игралъ въ „Volksgarten“ только что сочиненный имъ Freiheitsmarsch,—но театры были закрыты и замѣтно было совершенное отсутствіе высшаго общества. Аристократія поспѣшила удалиться въ свои помѣстья. Изъ Вѣны мы на пароходѣ поднялись до Линца по Дунаю, а оттуда на Нешль и преблагополучно доѣхали до Гастейна.

Это мѣсто, въ тѣсной лощинѣ между высокихъ горъ, на высотѣ 5 тысячъ футовъ надъ моремъ, произвело на меня весьма грустное впечатлѣніе, которое я уже испыталъ при видѣ унылой природы и бѣдныхъ жителей Финляндіи. Къ тому же оказалось, что въ Гастейнѣ съѣхались старые пессимисты и ультраконсерваторы съ разныхъ концовъ Европы и предсказывали, что всѣ столицы будутъ подражать Парижу 1793 г. и что одинъ Николай Павловичъ можетъ спасти Европу отъ всѣхъ ужасовъ всеобщей анархіи; тутъ были старый кн. Витгенштейнъ, толстый гр. Генкель фонъ-Доннерсмаркъ, семейство двухъ гра-

фовъ Аппони—братьевъ того, который былъ австрійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ; сѣдой гр. и графиня Эггеръ, которые ѣздили кататься на сѣрыхъ лошадяхъ и потому были названы мной „die vier Schimmel“. Но графъ прекрасно пѣлъ и познакомилъ меня съ новѣйшими произведеніями германской музыки, въ особенности нравилось мнѣ его энергичное исполненіе баллады на слова извѣстнаго и прекраснаго стихотворенія Уланда—„Des Dichters Fluch“. Старикъ Генкель фонъ-Доннерсмаркъ, человѣкъ, очевидно, не дальняго ума, дѣлалъ мнѣ безпрестанно вопросы о Россіи и всегда оканчивалъ свои разговоры одною фразой: „Wenn ihr Kaiser nur wollte uns ein Paar Tausend Kosaken schiken, alles wäre gerettet“. (Если бы вашъ государь только захотѣлъ прислать намъ тысячи двѣ казаковъ, все было бы спасено).

Былъ тамъ также весьма оригинальный старичекъ, съ незапамятныхъ временъ представитель шведскаго короля при французскомъ дворѣ, гр. Löwenhielm; онъ хорошо помнилъ первую французскую революцію и поражалъ меня своимъ спокойнымъ философическимъ взглядомъ на новѣйшія событія. Въ одномъ домѣ съ нами жила оригинальная старушка гр. Венкгеймъ, близкая родственница графа Радецкаго; она приходила часто къ намъ и любила раскладывать пасьянсы и тѣмъ болѣе—передавать отцу новые, ему неизвѣстные, пасьянсы.

Изъ русскихъ были въ Гастейнѣ семейство гр. Ѳедора Петровича Палена; онъ былъ очень пріятный старикъ, въ то время еще очень веселый и большой любитель анекдотовъ; братъ его Николай Петровичъ, несчастный Глѣбовъ-Стрѣшневъ, отставной конно-піонеръ,—я говорю „несчастный“ потому, что онъ послѣ припадка паралича не владѣлъ ногами и его возили въ колясочкѣ. Сестра его, г-жа Бревернъ, съ мужемъ и малолѣтними дочерьми, изъ которыхъ одна теперь замужемъ за княземъ Шаховскимъ, которому высочайше дозволено именоваться кн. Шаховской-Глѣбовъ-Стрѣшневъ-Бревернъ, а другая недавно вышла замужъ за молодаго кн. Гедройцъ.

Монотонность жизни въ Гастейнѣ превосходила всякое понятіе. Отецъ сжалился надо мной, видя меня постоянно въ обществѣ дряхлыхъ стариковъ, и посовѣтовалъ мнѣ поѣздить по Германіи, съ тѣмъ, чтобы я пріѣхалъ за нимъ къ концу его

курса леченія. Тогда я поѣхалъ въ Мюнхенъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Прагу. Въ Мюнхенѣ въ то время только и было разговору, что о Лоллѣ-Монтесъ, сводившей съ ума стараго короля Людвига; въ Лейпцигѣ я подробно осматривалъ поле сраженія der Völkerschlacht и, ѣдучи въ Дрезденъ, очутился въ одномъ вагонѣ съ двумя господами, которые оказались революціонными агентами, разсылаемыми для поощренія возстаній. Вниманіе, съ которымъ я слушалъ ихъ разговоры, кажется, возбудило ихъ подозрѣніе; они стали меня разспрашивать куда я ѣду, зачѣмъ и т. д. Во всякое другое время я бы имъ отвѣчалъ очень круто и далъ бы имъ понять всю неумѣстность ихъ любознательности, но ихъ разговоръ меня настолько заинтересовалъ, что мнѣ хотѣлось услышать его продолженіе и я, выдавши себя за француза-перчаточника, ѣдущаго въ Вѣну, вполнѣ ихъ удовлетворилъ и успокоилъ. Тогда, по разсказамъ одного изъ нихъ, оказалось, что онъ былъ командированъ въ Варшаву, чтобы удостовѣриться на мѣстѣ, насколько тамъ почва приготовлена для открытаго возмущенія; но „представьте себѣ“, говорилъ онъ,—„за мной слѣдили отъ Кракова, а по пріѣздѣ въ Варшаву меня схватили и немедленно отвезли къ оберъ-полиціймейстеру Абрамовичу. Этотъ господинъ“,—продолжалъ онъ,—„не позволяя садиться, 12 часовъ меня допрашивалъ, а по окончаніи допроса предложилъ мнѣ выборъ между Сибирью и возвращеніемъ въ Германію“,—къ этому онъ прибавилъ: „nein, das ist ein verfluchtes Land, in einem nu wird man nach Sibirien gischickt, und es kräht kein Hahn nach Ihnen. Stellen Sie sich vor, продолжалъ онъ, vierzig Tausend Kosaken bivouakiren auf den Strassen von Warschau—nein, das ist ein verfluchtes Land, da ist nichts anzufangen“. (Нѣтъ, это проклятая страна, мигомъ ушлютъ тебя въ Сибирь и о тебѣ не будетъ ни слуха, ни духа. Представьте, продолжалъ онъ, на улицахъ Варшавы стоятъ бивакомъ сорокъ тысячъ казаковъ,—нѣтъ, это проклятая страна, въ ней ничего нельзя предпринять).

Разставаясь со мной, онъ мнѣ подарилъ брошюру подъ заглавіемъ „Kurze Anleitung zum Bau der Barrikaden“. (Краткое руководство для постройки баррикадъ).

Проѣзжая чрезъ Вѣну, на обратномъ пути изъ Гастейна, я засталъ императора, возвратившагося изъ Инспрука. Это было

за нѣсколько недѣль до втораго возстанія, подавленнаго кн. Виндишъ-Грецъ.

На другой день моего пріѣзда въ Вѣну назначенъ былъ большой парадъ;—императоръ Фердинандъ еще не видѣлъ національной гвардіи... Я былъ также любопытенъ видѣть всѣ эти столь быстро обмундированныя и вооруженныя толпы гражданъ Вѣны, и потому заблаговременно отправился на гласисъ старой Вѣнской крѣпости, куда стекались со всѣхъ концовъ войска. Меня непріятно поразило, что регулярныя войска—уступали первое мѣсто національной гвардіи, которая занимала правый флангъ и должна была первая проходить церемоніальнымъ маршемъ. Въ публикѣ выражалось громкое сочувствіе національной гвардіи и нерасположеніе къ войскамъ. Эти заявленія производили на меня весьма непріятное впечатлѣніе, а потому я и не удивлялся, слыша крѣпкія слова, поминутно вырывавшіяся изъ устъ генераловъ свиты императора. Сей послѣдній меня поражалъ своимъ тупоумнымъ равнодушіемъ, и еще болѣе своимъ, по моему мнѣнію совершенно неприличнымъ, костюмомъ. Вмѣсто ленты ордена св. Стефана, онъ былъ украшенъ широкою лентою только что изобрѣтенныхъ національныхъ германскихъ цвѣтовъ schwarz-roth-gold. Когда, возвратившись въ Варшаву, я объ этомъ разсказывалъ фельдмаршалу Ивану Ѳедоровичу Паскевичу, онъ до того разсердился, что вскочилъ и, схвативъ стулъ, на которомъ только что сидѣлъ, бросилъ его на полъ съ такою силой, что онъ разлетѣлся въ дребезги.

Въ 1849 году открылась Венгерская кампанія; предвидя, что гвардія будетъ только гулять по Литовскимъ губерніямъ, я упросилъ отца прикомандировать меня къ главнокомандующему. Князь Паскевичъ просилъ объ этомъ государя, но, къ удивленію и горести моей, Николай Павловичъ рѣшительно въ этомъ отказалъ фельдмаршалу, говоря: «пусть подождетъ, до него еще очередь не дошла».

Въ это время отецъ, какъ больной послѣ ушиба не могшій принимать участья въ военныхъ дѣйствіяхъ, оставался въ Варшавѣ, исполняя должность намѣстника. Я же въ качествѣ баталіоннаго адъютанта, невольно приходилъ въ уныніе отъ бездѣйствія въ селѣ Ворняны, въ 35 верстахъ отъ Вильно. Въ Ворнянахъ получили мы извѣстіе о почти скоропостижной смерти

великаго князя Михаила Павловича. Говорятъ, что умершій великій князь дѣлалъ много добра, что у него было добрѣйшее сердце и т. п., я самъ объ этомъ судить не могу. Л.-гв. въ Саперномъ баталіонѣ онъ никогда никому своей доброты не выказывалъ, и я никогда не видѣлъ, чтобы съ бо́льшимъ равнодушіемъ было встрѣчено извѣстіе о кончинѣ главнаго начальника и въ этомъ случаѣ даже брата обожаемаго шефа. Я говорю именно шефа, потому что въ саперномъ баталіонѣ въ государѣ Николаѣ Павловичѣ, со времени назначенія его шефомъ (въ 1818 г. 3 іюля), привыкли видѣть доброжелательнаго, чарующаго своимъ милостивымъ обращеніемъ, начальника, и сколько искренно и горячо любили государя—столько-же недолюбливали великаго князя Михаила Павловича [1]).

Кончина генералъ-инспектора по инженерной части повлекла за собой важную и весьма пріятную для меня перемѣну назначеніемъ отца инспекторомъ по инженерной части. Это заставляло отца переѣхать въ Петербургъ и, такимъ образомъ, сблизило меня съ нимъ.

Весной 1850 года отецъ потребовалъ меня къ себѣ и поразилъ меня слѣдующими словами:

— Я тебѣ никогда объ этомъ не говорилъ, но уже давно собирался просить государя, чтобы въ твою пользу было сдѣлано исключеніе изъ правила, по которому только православные могутъ наслѣдовать маіоратами, пожалованными въ 1835 году въ Царствѣ Польскомъ. Фельдмаршалъ сегодня докладывалъ государю о моей просьбѣ. Николай Павловичъ не только безъ малѣйшаго затрудненія согласился на мою просьбу, но еще прибавилъ: „съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что я его знаю,—онъ хорошій офицеръ и я хочу его взять въ адъютанты“.

Никогда я не забуду, какое наслажденіе мнѣ доставила въ этотъ день радость моего добрѣйшаго отца. Съ одной стороны его успокаивало, что ему удалось исправить то, что онъ считалъ

---

[1]) Въ этомъ отзывѣ слышатся чисто личное мнѣніе автора записокъ; всѣмъ, однако, извѣстно, что вел. кн. Михаилъ Павловичъ былъ однимъ изъ самыхъ добрыхъ людей и лишь напускалъ на себя иногда грубость и суровость, исходя изъ личнаго убѣжденія, что суровость и крайняя взыскательность начальства должны быть неизмѣнными спутниками военной службы. Между тѣмъ онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ для множества лицъ. Ред.

несправедливостью и небывалымъ въ Россіи примѣромъ недостатка вѣротерпимости, съ другой онъ получилъ доказательство, что я на хорошемъ счету и что ко мнѣ расположенъ государь. Что касается меня, то я былъ сначала болѣе озадаченъ, чѣмъ обрадованъ, такъ эта новость была для меня неожиданна. Впослѣдствіи я имѣлъ основаніе быть довольнымъ, что не слишкомъ обрадовался извѣстію о своемъ назначеніи флигель-адъютантомъ, потому что оно состоялось только три года спустя, когда я даже потерялъ надежду быть назначеннымъ.

III.

Ежедневное посѣщеніе дворца.—Шутка съ Веймарномъ.—Служба въ гвардіи въ Николаевское время.—Ученья и смотры.—Продѣлки нѣкоторыхъ офицеровъ—Вопросъ объ усовершенствованіи прачешныхъ госпиталя. — Петергофское общество.—Печальная судьба нѣкоторыхъ его членовъ.

1849—1855.

Съ 1850 года л.-гв. саперный баталіонъ, составляя бригаду съ гренадерскимъ и учебнымъ саперными баталіонами, былъ расположенъ лагеремъ близь Петергофа. Пользуясь правами адъютанта части, въ которой государь былъ шефомъ, я ежедневно ѣздилъ съ рапортомъ къ государю и, признаюсь, въ этомъ находилъ счастье. Это счастье было совсѣмъ независимо отъ какихъ либо расчетовъ или надеждъ по службѣ; теперь (1868 г.), когда забытый всѣми, я живу въ уединеніи въ Козеницѣ, я могу говорить правду, мнѣ повѣрятъ, что для меня видѣть Николая Павловича была высшая степень счастья,—наслажденіе, котораго я описать не въ состояніи: я его любилъ отъ всей любящей души—и никогда не могъ имъ налюбоваться. Утренняя ежедневная поѣздка во дворецъ замѣняла для меня всевозможныя удовольствія. Четыре года: 1850, 1851, 1852 и 1853 я въ теченіи цѣлаго лѣта ежедневно являлся къ государю вмѣстѣ съ адъютантомъ л.-гв. Коннаго полка Воейковымъ, впослѣдствіи еще прежде меня назначеннымъ флигель-адъютантомъ и потомъ убитымъ при взятіи французами Малахова кургана.

Платонъ Александровичъ Воейковъ былъ добрый товарищъ, дѣльный офицеръ, хотя на видъ нѣсколько угрюмый, но любилъ

шутить и потому сильно смѣшилъ насъ часто, тѣмъ болѣе, что самъ при этомъ постоянно сохранялъ серьезный видъ.

Въ Севастополѣ А. П. В — нъ, никогда не отличавшійся остроуміемъ, что ему однако не помѣшало впослѣдствіи обойти товарищей, сдѣлаться генералъ-адъютантомъ и даже получить по какому-то наслѣдству титулъ и добавочную фамилію князя Б — де-Т —, сдѣлался предметомъ назойливыхъ постоянныхъ насмѣшекъ Воейкова.

В — нъ справедливо находилъ, что отецъ семейства (онъ былъ уже въ то время отцемъ нѣсколькихъ дѣтей) не долженъ безъ особенной необходимости подвергать себя опасности; мало любопытствовалъ узнавать лично, что̀ дѣлалось на оборонительной линіи Севастополя и съ особеннымъ унынiемъ смотрѣлъ на огненныя линіи, очерчиваемыя на темномъ небѣ полетомъ непріятельскихъ бомбъ. Подмѣтившій все это, жившій съ нимъ въ одной комнатѣ, Воейковъ—сказалъ ему разъ пресерьезно:

— Послушай, В — нъ, я, право, не понимаю твоей непростительной безпечности: можно быть храбрымъ, но всетаки отецъ семейства не долженъ забывать, что онъ необходимъ для своей семьи, и беречь себя.

Удивленный В — нъ возражалъ на это: „помилуй, я этого не забываю“, но Воейковъ продолжалъ: „нѣтъ забываешь — ты постоянно когда спишь, складываешь ноги вмѣстѣ, такъ что если бомба упадетъ на нихъ, то ты вдругъ лишишься обѣихъ,—надо непремѣнно и во время сна держать ихъ врозь, тогда, въ случаѣ несчастья, бомба можетъ оторвать тебѣ одну ногу, а не обѣ вмѣстѣ“.

Это наставленіе Воейкова, принятое В — мъ съ благодарностью, было причиною необыкновенныхъ усилій даже во время сна держать ноги въ разрозненномъ положеніи. Но Веймарнъ скоро убѣдился, просыпаясь, что во время сна ноги ему не повинуются, а потому онъ въ теченіи нѣсколькихъ ночей боролся со сномъ и, наконецъ, догадался—и на ночь перевизывалъ ноги такъ, чтобы онѣ ни въ какомъ случаѣ невольно не могли соединиться. Если-бы Воейковъ отыскалъ такого субъекта, какъ Веймарнъ, во Франціи и дозволилъ-бы себѣ съ нимъ подобную шутку, мнѣ бы это показалось непростительнымъ, у насъ-же это позволительно: le ridicule n'ayant jamais tué personne, même

les plus dignes de lui succomber. (Такъ какъ насмѣшка никогда не убивала людей, даже наиболѣе заслуживавшихъ пасть подъ ея ударами).

Вспомнивъ объ оригинальной личности ген.-ад. Катенина, приходится поневолѣ распространиться о томъ, что̀ такое была въ то время военная гвардейская служба. Не скрою, что приступаю къ этому съ нѣкоторою стыдливостью, спрашивая самого себя—такъ ли все это было, какъ я это теперь припоминаю, и считаю нужнымъ заявить, что какъ бы послѣдующій разсказъ ни показался мало вѣроятнымъ, я ничего не выдумываю, ничего не прибавляю, да впрочемъ и трудно было бы что нибудь прибавить къ фактамъ, и безъ того неправдоподобнымъ. Теперь (1873 г.) я еще могу ссылаться на многихъ свидѣтелей, но чрезъ 20 лѣтъ, когда эти записки будетъ читать кто-нибудь изъ военныхъ, напр. въ 1893 г., то я рискую прослыть—выдумщикомъ и лгуномъ.

Сила въ томъ, что при всѣхъ строгостяхъ и требовательности того времени трудно понять, какимъ образомъ вся требовавшаяся наружная исправность могла быть основана на самомъ дерзкомъ обманѣ? Это, дѣйствительно, такъ трудно, что необходимо привести нѣсколько поражающихъ примѣровъ; я не стану говорить по наслышкѣ и опишу только то, что самъ видѣлъ, и факты, за справедливость которыхъ ручаюсь головою.

Гвардейскіе полки, за недостаткомъ казарменныхъ помѣщеній, раздѣлялись постоянно на два городскихъ и одинъ загородный батальонъ,—послѣдній отъ окончанія лагернаго сбора одного до начала лагернаго сбора другаго года всегда располагался по деревнямъ. Въ продолженіе Святой и Ѳоминой недѣли, постоянно назначались разводы, съ церемоніею, на дворцовой площадкѣ. Разводы эти производились постоянно, кромѣ двухъ первыхъ дней Свѣтлаго праздника, съ ученьями.

Отъ успѣха или удачи ученій зависѣла участь частей на цѣлый лѣтній сезонъ, кромѣ того, ученье одного батальона на такомъ мѣстѣ, какъ дворцовая площадка, было дѣло нелегкое, потому что никакой ошибки нельзя было скрыть, и потому этихъ ученій полковые командиры боялись болѣе прочихъ смотровъ. Чтобы видѣть по очереди всѣ батальоны, государь Николай Павловичъ назначалъ разводы отъ каждаго полка по два дня сряду,—что-же дѣлали полковые командиры? Они не только по ночамъ приводили

въ городъ всю первую шеренгу и лучшихъ людей загородныхъ батальоновъ—и ставили ихъ въ ряды того батальона, который нарядялся въ караулъ, но по отбытіи ученья однимъ батальономъ, смѣняли секретно съ караула, ночью, лучшихъ и болѣе видныхъ солдатъ, чтобы ихъ на другой день снова поставить въ ряды другаго батальона.

Когда великій князь Михаилъ Павловичъ назначалъ смотры полковымъ обозамъ, расторопные полковые командиры, никогда не имѣвшіе на лицо полнаго числа лошадей, занимали таковыхъ у своихъ офицеровъ или по знакомству въ артиллеріи, или даже нанимали таковыхъ у извощиковъ, въ Ямской. Всегда смотры эти оканчивались тѣмъ, что самые недобросовѣстные полковые командиры получали благодарности, и обратно, что на молодыхъ офицеровъ производило возмущающее впечатлѣніе и подрывало авторитетъ начальниковъ.

Смотры обозовъ производились рѣдко и большею частью на Измайловской площади. Какъ теперь помню, когда я въ первый разъ присутствовалъ на подобномъ смотрѣ, я не могъ не любоваться лошадьми л.-гв. Измайловскаго полка; возлѣ меня смѣялись,—я ничего не понималъ, пока кто-то сказалъ:

— „Что бы те ерь великому князю вызвать по тревогѣ л.-гв. конно-піонерный дивизіонъ?“ (расположенный рядомъ съ съ Измайловскимъ полкомъ).

Послѣ смотра, я отправился въ конюшни конно-піонернаго дивизіона и удостовѣрился, что, дѣйствительно, толстыя лошади этого дивизіона провезли измайловскій обозъ мимо великаго князя.

Послѣ объѣзда всѣхъ линій войскъ начальствомъ, причемъ подавались всегда строевые рапорты, съ обозначеніемъ подъ графою: столько-то рядовъ во взводѣ или столько-то съ однимъ глухимъ, что какъ дроби и копѣйки въ мошенническихъ счетахъ утѣшало своею подробностью зоркое и требовательное начальство, послѣ исполненія команды „побатальонно перемѣна директіи направо!“ строились дивизіоны, смыкались въ дивизіонныя колонны и начиналось торжественное шествіе, къ сожалѣнію (?) и по сіе время (1868 г.?) называющееся церемоніальнымъ маршемъ. При этомъ всѣмъ полкамъ приходилось заходить правымъ плечомъ налѣво въ томъ углу Царицына луга, который упирается къ Инженерному мосту. При этомъ захожденіи музыканты обы-

ковенно отдѣлялись и слѣдовали отдѣльно, чтобы занять свое мѣсто во время прохожденія своей части, и барабанщики, какъ можно плотнѣе, шли за предъидущимъ батальономъ, чтобы имѣть возможность не потерять дистанцію. Вотъ почему, ѣдучи верхомъ и почти въ рядахъ л.-гв. Егерскаго полка, я могъ замѣтить какое-то перестраиваніе въ дивизіонахъ л.-гв. Егерскаго полка, наконецъ, отдѣленіе изъ рядовъ какихъ-то командъ, направляемыхъ учащеннымъ и даже бѣглымъ шагомъ къ Фонтанкѣ, на Цѣпной мость. У меня была въ то время прыткая, сѣрая кобыла „Grisette". Я зналъ, что я на ней опоздать не могу, и потому поскакалъ производить слѣдствіе; оказалось, что ген. М — й поставилъ въ ряды своего полка всѣхъ вновь поступившихъ рекрутъ, для увеличенія числа рядовъ, тщательно повѣряемыхъ начальствомъ въ началѣ парада, но, не надѣясь на маршировку и еще менѣе на правильное держаніе ружья, по совершенно неестественнымъ требованіямъ того времени, высылалъ этихъ рекрутъ домой до прохожденія церемоніальнымъ маршемъ. Спѣшу прибавить, что разсчетъ генерала М — го оказался вѣрнымъ. Онъ получилъ благодарность за большое число рядовъ, за успѣшное и быстрое образованіе рекрутъ; рекруты эти, избавленные отъ прохожденія церемоніальнымъ маршемъ, получили наравнѣ съ прочими нижними чинами по 1 р. сер. и, кромѣ меня, никто изъ постороннихъ лицъ не замѣтилъ обмана. Однимъ словомъ, виноватымъ оставался одинъ я, потому что любознательность моя имѣла послѣдствіемъ лишь безсильную злобу противъ установленныхъ порядковъ, дѣлающихъ всякій обманъ возможнымъ, кромѣ того, пріобрѣтаемая опытность дѣлала меня равнодушнымъ къ службѣ...

Л.-гв. въ Саперномъ батальонѣ, въ которомъ я имѣлъ честь служить, дѣла велись и служба понималась гораздо честнѣе; не смотря на то, что у насъ никакой за городомъ расположенной части не было, мы не только ни въ чемъ не отставали отъ пѣхотныхъ полковъ; но еще считались передъ ними,—а именно, пища у насъ была лучше, число больныхъ всегда меньше, обмундировкою щеголяли и на майскіе и ранніе парады выводили, безъ исключенія, всѣхъ на лицо состоявшихъ нижнихъ чиновъ, по числу ружей, по штату положенныхъ, такъ что во время парада, за неимѣніемъ нижнихъ строевыхъ чиновъ, въ

батальонный караулъ и дневальными къ воротамъ наряжались нижніе чины нестроевой роты или фурштаты при саблях. Государь обращалъ серьезное вниманіе на число рядовъ во взводахъ, особенно насъ всегда благодарилъ за очевидную исправность и тѣмъ возбуждалъ нескрываемую зависть другихъ полковъ. Каково же было мое удивленіе, когда однажды на зимнемъ парадѣ я удостовѣрился, что у нашихъ сосѣдей, л.-гв. въ Егерскомъ полку, оказалось однимъ рядомъ во взводѣ болѣе противъ насъ. Положительно зная, что это не могло произойти безъ плутни, я себѣ далъ слово доискаться настоящей причины и на другой же день докладывалъ своему командиру ген.-маіору Николаю Филиповичу Хомутову, на какія штуки рѣшился пускаться ген.-м. М.....кій, командиръ л.-гв. Егерскаго полка.

На весь зимній сезонъ штуцерные, т. е. люди вооруженные нарѣзнымъ оружіемъ и которыхъ полагалось только по 24 на баталіонъ, собирались (для обученія какъ обходиться съ нарѣзнымъ оружіемъ) въ казармахъ л.-гв. Преображенскаго полка, близъ Таврическаго сада, подъ спеціальнымъ руководствомъ нѣкоего чиновника Гартунга. Штуцерные л.-гв. Волынскаго полка, расквартированнаго въ г. Ораніенбаумѣ и окрестностяхъ его, помѣщались въ Петербургѣ, въ казармахъ л.-гв. Егерскаго полка. Зимніе парады назывались въ то время внезапными, и приказанія о нихъ получались обыкновенно наканунѣ, поздно вечеромъ или даже ночью, и между тѣмъ случалось всегда такъ, что не только наканунѣ, а еще за два дня полковые командиры дѣлали репетиціи. Такимъ образомъ, будучи или тайно извѣщенъ или получивъ намекъ о предстоявшемъ парадѣ отъ высшаго начальства, ген. М.....кій послалъ одного изъ фельдфебелей своего полка въ штуцерную команду л.-гв. Волынскаго полка, съ вопросомъ не желаютъ-ли волынцы заработать по 1 руб. сер. на человѣка, и въ случаѣ положительнаго съ ихъ стороны отвѣта, объявить имъ, чтобы они становились въ ряды л.-гв. Егерскаго полка, послѣ предварительной пригонки на нихъ егерскихъ касокъ и шинелей. Вотъ посредствомъ какого дерзкаго обмана у генер. М.....каго сдѣлалось число рядовъ значительнѣе противъ другихъ полковъ и даже нашего баталіона. Я ожидалъ, что наглость подобнаго обмана не останется безъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что вышепоименованный чиновникъ Гар-

тунгъ донесъ объ этой продѣлкѣ начальнику гвардейской пѣхоты г. Сумарокову, но оказалось, что этотъ господинъ, не желая огорчить его высочество наслѣдника цесаревича, въ то время главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскимъ корпусами, поспѣшилъ замять, или какъ въ то время говорили, затушевать всю эту исторію.

Во время майскаго парада, обыкновенно назначавшагося въ апрѣлѣ, я былъ также свидѣтелемъ подобной, хотя и на другой манеръ произведенной, продѣлки.

Въ 1853 году, кажется въ октябрѣ, возвратившись изъ отпуска, являлся я многочисленному начальству, и между прочимъ дежурному генералу. Должность эту занималъ въ то время хорошій мой знакомый Александръ Андреевичъ Катенинъ, пріобрѣвшій и дѣйствительно заслужившій въ командованіе свое л.-гв. Преображенскимъ полкомъ репутацію ловкаго человѣка .... [1]). Въ пріемной генерала-адъютанта Катенина засталъ я военнаго министра, кн. Василія Андреевича Долгорукова [2]), который къ немалому удивленію моему обратился ко мнѣ, говоря, что онъ очень радъ меня встрѣтить, и повелъ меня въ отдѣльный кабинетъ, гдѣ обыкновенно передавалъ къ исполненію приказанія и резолюціи государя. Тамъ кн. Долгоруковъ сказалъ мнѣ, что у него ко мнѣ просьба: „сдѣлайте одолженіе, съѣздите въ 1-ый Сухопутный госпиталь; тамъ большіе безпорядки въ прачешныхъ: когда моютъ бѣлье, отъ горячей воды накопляется такой густой паръ, что ничего не видно, и по сіе время почтеннѣйшій генер. Зассъ [3]) ничего не могъ выдумать, чтобы помочь горю. Онъ мнѣ предлагаетъ употребить въ дѣло противъ этихъ паровъ вентиляторъ, употребляемый саперами въ минныхъ галлереяхъ, но я сомнѣваюсь, чтобы это привело къ желанному результату“.

Я съ трудомъ удерживаясь отъ громкаго смѣха, долженъ былъ объяснять, что средство, предлагаемое ген. Зассомъ, никуда не годится, что саперный вентиляторъ употребляется въ минахъ для снабженія ихъ свѣжимъ воздухомъ и что въ пра-

[1]) О разныхъ болѣе или менѣе невинныхъ продѣлкахъ Александра Андреевича Катенина особое прибавленіе.

[2]) Объ этой личности также особое прибавленіе.

[3]) Ген.-ад. Корнелій Корнельевичъ, инспекторъ госпиталей. Денъ.

чешныхъ притокъ свѣжаго холоднаго воздуха можетъ только, сгущая пары, еще увеличить зло, объ устраненіи котораго хлопочутъ. Это, какъ и мнѣ, показалось забавнымъ кн. Долгорукову и онъ, улыбаясь, повторилъ мнѣ свою просьбу—съѣздить, осмотрѣть и доставить ему, какъ можно скорѣе, записку и чертежъ о томъ, какимъ путемъ я полагаю—привести въ порядокъ прачешныя 1-го Военно-Сухопутнаго госпиталя.

Послѣ этого онъ меня много распрашивалъ о генералѣ К. А. Шильдерѣ, который уже въ то время страстно предавался въ Варшавѣ спиритизму, бѣгающими и пишущими столиками. Это видимо очень интересовало кн. Василія Андреевича, такъ что я обѣщался привезти къ нему, вмѣстѣ съ запискою объ усовершенствованіи прачешныхъ, подаренный мнѣ генераломъ Шильдеромъ сердцеобразный столикъ со вставленнымъ въ одну изъ его трехъ ножекъ карандашемъ, благодаря которому . . . . . Карлъ Андреевичъ Шильдеръ вошелъ въ интимную корреспонденцію съ покойнымъ государемъ Александромъ Павловичемъ, получилъ отъ него приказаніе перейти въ православіе, что имъ и было уже исполнено, нарѣчился Александромъ и отправиться въ Турцію для изгнанія магометанъ изъ Европы.

Черезъ два дня повезъ я къ военному министру [1]) результатъ своего осмотра прачешныхъ. Я предлагалъ самыя простыя средства, а именно: мѣдныя крышки на котлахъ, въ которыхъ согрѣвается нужная для стирки вода и пространныя изъ листоваго желѣза навѣсы надъ чанами, въ которыхъ моется бѣлье, съ проведеніемъ трубъ отъ котловъ и навѣсовъ въ дымовыя трубы, устройство каминовъ, блоковъ при наружныхъ дверяхъ и т. д. Сдѣланный мной отъ руки и безъ масштаба весьма плохой чертежикъ (я никогда не умѣлъ порядочно чертить), какъ и записка, повидимому совершенно удовлетворили военнаго министра, потому что онъ разсыпался въ самыхъ лестныхъ благодарностяхъ. Послѣ мы перешли опять къ спиритизму; я показалъ Василію Андреевичу привезенный мною столикъ и, видя какъ серьезно принимаются мои разсказы о Шильдерѣ и о результатахъ, полученныхъ имъ посредствомъ этого незамысловатаго инструмента, я предложилъ этотъ столикъ кн. Василію

[1]) Кн. Долгоруковъ жилъ тогда въ Большой Морской, въ домѣ гр. Толстаго, который принадлежитъ теперь разбогатѣвшему фабриканту лампъ Штанге. Д.

Андреевичу, но онъ не пожелалъ его принять, говоря: «nous vous sommes déja si énormément obligés pour le remède, que vous nous proposez et que cela serait trop» (мы и такъ чрезвычайно обязаны вамъ за средство, предложенное вами; это былобы черезъ-чуръ много!). Онъ говорилъ — nous (мы) потому что генер. Катенинъ находился тутъ-же и вся фигура и выраженіе его лица говорили—«вы нашъ спаситель!»

Если я привожу въ подробности весь этотъ эпизодъ изъ моей службы 1853 года, то это потому, что, будучи назначенъ вслѣдъ затѣмъ флигель-адъютантомъ, я подозрѣвалъ, что это порученіе было мнѣ дано, по приказанію государя, въ видѣ маленькаго испытанія.

Еще прежде расположенія л.-гв. сапернаго баталіона лагеремъ близъ Петергофа, я былъ близко знакомъ съ этимъ лѣтнимъ мѣсто-пребываніемъ двора, кажется съ 1845 года, потому что у меня было много знакомыхъ, постоянно проводившихъ тамъ лѣто, и потому что приглашенія на придворные балы заставляли меня туда ѣздить и искать пріюта въ гостепріимныхъ дачахъ. Между ними, главнѣйшую для меня роль играли дачи Трувелера, гдѣ (жила) княгиня А. С. У — ва и В... — хъ, гдѣ, среди шумнаго Петергофа лѣтомъ и унылаго и безлюднаго зимой, Е..... А..... В — ая, рожденная Ж — ва, въ относительномъ одиночествѣ искупала грѣхи своей слишкомъ расточительной жизни въ Италіи, а именно во Флоренціи, гдѣ она пробыла два или три года.

.... Вообще довольно снисходительное петербургское общество совершенно покинуло дачу В—хъ, гдѣ оно безпрестанно собиралось въ началѣ 1840-хъ годовъ для танцевъ и роскошныхъ ужиновъ въ великолѣпной залѣ огромной оранжереи.

Мужъ Е..... А.....,—получившій отъ своего отца огромное состояніе и отъ правительства, по доброжелательному вліянію кн. Петра Михайловича Волконскаго, министра двора и удѣловъ, 3 милліона руб. сер. ссуды для устройства своихъ пермскихъ желѣзныхъ заводовъ, успѣлъ въ нѣсколько лѣтъ, съ помощью жены, не знавшей никогда цѣны денегъ, не только запутаться, но даже промотать свое колоссальное состояніе. Они жили въ кредитъ—и безпрестанно испытывали (нападенія) отъ кредиторовъ, непремѣнное послѣдствіе — расточительной жизни,

но переносили всѣ эти испытанія не только съ безпечностью и веселостью, но и съ философіею, которыя меня изумляли.

Тѣмъ не менѣе беззаботный Н.... не унывалъ и не упускалъ случая (пошутить). Мужчины усердно посѣщали домъ В.....ъ, и въ числѣ самыхъ усердныхъ посѣтителей и поклонниковъ Е..... А..... былъ въ то время милѣйшій гр. Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, бывшій начальникъ гвардейской кирасирской дивизіи, но въ то время состоявшій при особѣ императрицы Александры Ѳедоровны и исполнявшій съ особенною граціею, достоинствомъ и усердіемъ должность постоянно дежурящаго камеръ-пажа.

У Прасковьи Арсеньевны Жеребцовой я также бывалъ и часто встрѣчалъ у нея старика князя Петра Михайловича Волконскаго, который, вспоминая службу свою при Александрѣ Павловичѣ, иногда разсказывалъ весьма интересные эпизоды своихъ путешествій съ покойнымъ государемъ и кампаніи 1813—1814 годовъ. Онъ заходилъ иногда и къ Е. А. В....., и разъ дорого пришлось ему такое посѣщеніе. Это было уже въ августѣ, въ сумерки; въ шинели и фуражкѣ гвардейскаго генеральнаго штаба, шелъ онъ вдоль забора, обсаженнаго кратегусомъ между дачами Всеволожскаго и Жеребцовой. Его издали замѣтилъ баронъ Мейендорфъ, сынъ Петра Казиміровича, впослѣдствіи убитый въ Севастополѣ, и по воротнику и фуражкѣ принявъ за меня, спрятался въ кратегусѣ и когда старикъ министръ двора и канцлеръ орденовъ съ нимъ поравнялся, съ крикомъ бросился на него. Бѣдный, перепуганный князь съ крикомъ бросился въ сторону, но оступился и упалъ, продолжая кричать:—«фу, фу, что ты, что ты, сумасшедшій, что ли?»

Мейендорфъ сейчасъ узналъ свою ошибку и опрометью бросился бѣжать и, еще запыхавшійся, разсказывалъ мнѣ это приключеніе, которое его перепугало еще болѣе самой жертвы его шалости, князя Волконскаго. Мейендорфъ этотъ былъ въ то время въ академіи генеральнаго штаба, а впослѣдствіи былъ убитъ въ Севастополѣ.

Еще другаго Мейендорфа, а именно старшаго изъ всѣхъ братьевъ Казиміровичей, встрѣчалъ я очень часто въ разныхъ домахъ; это былъ преоригинальный старичекъ, дѣлавшій кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ артиллерійскимъ офицеромъ, командо-

валъ двумя орудіями подъ Касселемъ въ отрядѣ генерала Чернышева и любилъ разсказывать, что Михайловскій-Данилевскій лишь изъ желанія польстить сильному въ то время военному министру поэтизировалъ дѣйствія Чернышевскаго отряда подъ Касселемъ. Послѣ занятія Парижа нашими войсками, Казиміръ Казимировичъ Мейендорфъ стоялъ съ своею батареею въ Мецѣ, влюбился тамъ въ дочь мясника, женился на ней и по окончаніи военныхъ дѣйствій вышелъ въ отставку. Эта француженка, прожившая пятьдесятъ лѣтъ въ Россіи, не научилась говорить порусски . . . . . .

Меня съ ней познакомилъ ея мужъ и, представляя, прибавилъ съ емфазомъ: „officier très distingué aux sapeurs de la garde“ (весьма достойный офицеръ гвардейскаго сапернаго батальона). Послѣ непродолжительнаго разговора, когда я всталъ, чтобы уйти, неуклюжая баронесса обратилась ко мнѣ: „J'espère, Monsieur, qu'en cas d'accident dans notre maison vous aurez la bonté de nous prendre sous votre protection“.

Elle me prenait pour un officier des sapeurs pompiers.

(„Надѣюсь, что, въ случаѣ несчастья въ нашемъ домѣ, вы будете столь любезны взять насъ подъ свое покровительство“.

Она приняла меня за служащаго въ пожарной командѣ).

У этихъ Мейендорфовъ была дочь Léonie, дѣвица уже (среднихъ) лѣтъ, которая сопутствовала своему дядѣ Александру Мейендорфу на Кавказъ, куда тотъ ѣздилъ для статистическихъ и экономическихъ развѣдокъ; дядя взялъ ее съ собой, говоря: c'est au Caucase qu'on saura apprécier ma niéce... (на Кавказѣ съумѣютъ оцѣнить мою племянницу...), и не ошибся—тамъ она вскорѣ вышла замужъ за генерала М—а. Сынъ Казиміра, Félix,— былъ сначала въ университетѣ, потомъ юнкеромъ Саксенъ-Веймарскаго гусарскаго полка, и сильно приставалъ ко мнѣ въ Крыму—для откомандированія его ~~ординарцемъ~~ къ кн. Меншикову. Впослѣдствіи онъ женился на третьей дочери кн. М. Д. Горчакова и сдѣлался извѣстнымъ, когда, служа въ дипломатическомъ корпусѣ, отличился крупнымъ разговоромъ съ его святѣйшествомъ папою римскимъ, вслѣдствіи чего былъ вызванъ изъ Рима, назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Веймаръ къ тому самому великому герцогу, въ полку котораго началъ службу, и нѣсколько лѣтъ спустя скончался.

Еще плачевнѣе былъ конецъ Е. А. В.; положеніе ея

дѣйствительно было невыносимо среди петербургскаго общества; она воспользовалась первою возможностью, чтобы переселиться за границу, гдѣ я узналъ, въ 1858 году, встрѣтивъ ее за рулеткою въ Висбаденѣ, что горькій опытъ и испытанныя ею бѣдствія въ Петергофѣ не послужили ей въ пользу. Она и мужъ ея продолжали жить не по средствамъ, въ кредитъ; сначала И..... В....., а потомъ и ее кредиторы засадили въ тюрьму. Первый умеръ, а она успѣла бѣжать, переодѣвшись въ мужское платье, и, не смотря на преслѣдованія и телеграфы, успѣла возвратиться съ дѣтьми въ Россію чрезъ Константинополь.

Изъ Одессы, гдѣ она прожила нѣсколько мѣсяцевъ и также успѣла надѣлать долговъ, она отправилась на заводы покойнаго мужа въ Пермскую губернію. Я видѣлъ эту замѣчательную во многихъ отношеніяхъ женщину на Курской почтовой станціи, кажется, въ 1862 году. Поселившись на заводахъ, она боролась съ нищетой со свойственною ей энергіею, при чемъ находила возможность дѣлать добро, и два года спустя скончалась en odeur de sainteté (съ ореоломъ святой) среди населенія, между которымъ успѣла пріобрѣсть огромную популярность.

(1863—1873 гг.).

В. И. Денъ.

Поправка. Выше, на стр. 70, въ первыхъ двухъ строкахъ сверху, читай: «le meilleur ami de votre père» (лучшій другъ вашего отца).

IV.

Командировки.

Флигель-адъютантство.—Командировка въ Николаевъ, Одессу и Бендеры. — Въ имѣніи Бронницкихъ.—Новое порученіе.—Генералъ Ѳедоровъ и полковникъ Чудн.—Бендерская крѣпость.—Вопросъ о хлѣбныхъ складахъ. — Поѣздка въ Одессу.—Первые выстрѣлы съ непріятельской эскадры. — Безуспѣшность нашихъ первыхъ дѣйствій.—Реляціи.—Положеніе одесскихъ жителей.

1853—1855.

Въ 1853 году, 6-го декабря, я былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и немедленно отчисленъ въ свиту.

На другой день я представлялся государю Николаю Павловичу. Какъ вспомню теперь, въ 1869 г., какъ государь подошелъ ко мнѣ, какъ обнялъ, поцѣловалъ и какъ сказалъ:

— „Я знаю, я увѣренъ, что ты будешь отличнымъ и безъотказнымъ адъютантомъ",—такъ и теперь сердце бьется сильнѣе, что же дѣлалось со мной тогда? Къ счастью, слова государя не требовали отвѣта, а то врядъ-ли я былъ бы въ состояніи говорить отъ сильнаго чувства и волненія.

Едва успѣлъ я сдѣлать 127 визитовъ, всѣмъ лицамъ, составлявшимъ въ то время la maison militaire, какъ государь приказалъ мнѣ отправиться въ Бѣлую церковь, осмотрѣть тамъ 6-й саперный батальонъ и ускорить выступленіе его въ Севастополь.

Во время этой поѣздки, впервые познакомился я съ ухабами. Зима была снѣжная, мнѣ приходилось ѣхать по пути, по которому тянулись безконечные обозы, и потому по дорогѣ, представлявшей одинъ рядъ сплошныхъ ухабовъ громадныхъ размѣровъ, меня бросало въ кибиткѣ до того, что не только заснуть не было никакой возможности, но, во избѣжаніе ушибовъ, надо было постоянно крѣпко держаться обѣими руками за подушки и сильно упираться въ стѣны кибитки спиной и ногами. Этимъ только, ужасно утомительнымъ, средствомъ я могъ избавиться отъ ушибовъ, уже оставившихъ на мнѣ слѣды, когда я былъ менѣе опытенъ въ началѣ поѣздки.

Въ Кіевѣ я познакомился съ бывшимъ тогда генералъ-губернаторомъ, кн. Илларіономъ Илларіоновичемъ Васильчиковымъ.

Но мое порученіе не требовало никакихъ объясненій съ мѣстною властью и потому мое знакомство заключалось только въ томъ, что̀ я всегда называлъ simagrées mondaines (свѣтскія кривлянья).

Въ Бѣлой церкви мнѣ приготовили квартиру у помѣщика гр. Владислава Браницкаго, и какъ онъ жилъ въ одномъ домѣ съ женатымъ братомъ, то меня пригласили обѣдать къ графинѣ, рожденной Голынской, мужъ которой, Александръ, былъ въ отсутствіи. Это былъ прощальный обѣдъ, даваемый Браницкимъ офицерамъ 6-го сапернаго баталіона, уже 20 лѣтъ расположеннаго въ имѣніи Браницкихъ.

Враждебное польское чувство къ русскимъ я, жившій такъ долго съ поляками въ Царствѣ, испыталъ впервые здѣсь, въ Кіевской губерніи. Оно проглядывало и чувствовалось всюду и потому пребываніе мое въ Бѣлой церкви, не смотря на свѣтскую любезность хозяйки и предупредительную учтивость графа Владислава, оставило во мнѣ грустное, тяжелое чувство. Къ счастію, пробывъ сутки въ Бѣлой церкви, я успѣлъ осмотрѣть батальонъ, за неимѣніемъ хорошаго писаря,—собственноручно написать донесеніе государю и присутствовать при выступленіи баталіона. Потомъ я еще нагонялъ его на дневкѣ въ Бараньемъ полѣ и, благословивъ окончательно въ дальнѣйшій путь, ускакалъ въ Петербургъ. Государь благодарилъ меня такъ милостиво за мое „собственноручное подробное донесеніе“, какъ онъ самъ выразился, что я былъ не только обрадованъ, но и озадаченъ такою неожиданною и незаслуженною похвалою.

Недолго мнѣ пришлось отдыхать отъ ухабовъ въ Петербургѣ. Ровно недѣлю послѣ возвращенія моего изъ Бѣлой церкви, государь потребовалъ меня къ себѣ въ маленькій кабинетъ (въ которомъ онъ впослѣдствіи скончался) и приказалъ мнѣ ѣхать въ Николаевъ, а оттуда въ Одессу и, наконецъ, въ Бендеры. Въ Николаевѣ надлежало мнѣ осмотрѣть строющіяся тамъ батареи, по берегу рѣки Буга, и исправить все, что мнѣ покажется неправильнымъ или не достигающимъ цѣли. Государь приказалъ мнѣ сказать барону Сакену, что я получилъ приказаніе озаботиться пріисканіемъ хорошаго соотвѣтствующаго назначенію помѣщенія въ Тирасполѣ и Бендерахъ для склада провіанта, по требованію фельдмаршала перевозимаго съ большимъ трудомъ и расходомъ изъ Одессы, чтобы не дать возможности непріятелю

сжечь и овладѣть огромнымъ количествомъ хлѣба,—до 200,000 четвертей.

При этомъ государь сказалъ:

— Если, однако, ты не пріищешь нужныхъ строеній, которыхъ можно было бы занять подъ магазинъ, то надо устроить бунты.

Я не зналъ значенія сего послѣдняго слова, въ чемъ сознался государю, который тотчасъ же въ подробности разсказалъ что требуется для сооруженія бунта. Государь затѣмъ приказалъ условиться съ генераломъ Ѳедоровымъ насчетъ наряда рабочихъ на крѣпостныя работы въ Бендерахъ. Впослѣдствіи оказалось, что государь имѣлъ свѣдѣнія о значеніи и состояніи Бендерской крѣпости, когда онъ сказалъ мнѣ въ заключеніе всѣхъ своихъ приказаній:

— Однимъ словомъ, сдѣлай такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, уланы не могли ея взять приступомъ.

Отъ военнаго министра мнѣ было дано предписаніе, содержащее вкратцѣ все, что государь говорилъ подробно, и 5,000 р. на расходъ въ Бендерахъ. Деньги эти я, разумѣется, въ день пріѣзда своего въ Бендеры, передалъ подъ росписку начальнику инженерной команды, подполковнику Казанцову.

Для обезпеченія постоянно затруднительной переправы чрезъ Днѣстръ, государь приказалъ построить два моста на плотахъ или галерахъ, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ, въ случаѣ надобности, могъ быть спущенъ къ низовьямъ Днѣстра. Средства для постройки этихъ мостовъ должны были быть доставлены по распоряженію мѣстнаго гражданскаго начальства.

Генералъ Ѳ*** немедленно командировалъ въ мое распоряженіе состоявшаго при немъ полковника фонъ-Чуди, для наряда рабочихъ, и своего адъютанта, поручика Б***, для распоряженій по закупкѣ и доставленію матеріала для мостовъ.

Баронъ Дмитрій Ерофеевичъ Сакенъ, о которомъ я много слышалъ анекдотовъ какъ о несноснѣйшемъ педантѣ и ханжѣ, показался мнѣ очень кроткимъ, хорошимъ человѣкомъ, но не поразилъ меня ни предпріимчивостью, ни рѣшительностью. Впослѣдствіи я его узналъ гораздо ближе и хотя къ человѣку я получилъ искреннее уваженіе, но къ нему, какъ начальнику, не получилъ того довѣрія, которое умѣютъ внушать подчинен-

нымъ люди съ твердыми убѣжденіями, съ сильною волею, умѣющіе, вѣруя въ себя, возбуждать и распространять между своими подчиненными увѣренность, иногда, можетъ быть, и неосновательную, но всегда необходимую для всякаго военнаго предпріятія.

Генералъ Ѳ—въ произвелъ на меня своею наружностью самое непріятное впечатлѣніе. Хотя я часто обвинялъ себя въ томъ, что я слишкомъ довѣряю впечатлѣнію, произведенному на меня наружностью людей, я былъ убѣжденъ послѣ перваго свиданія съ Ѳ—мъ, что онъ хитрый и на все готовый человѣкъ. Три дня спустя мои инстинктивныя предположенія вполнѣ оправдались. Не смотря на особенное высочайшее повелѣніе, вслѣдствіе тайной сдѣлки съ купцами дозволено было тремъ судамъ, нагруженнымъ хлѣбомъ, выйти въ море. Это происшествіе надѣлало много шума. По высочайшему повелѣнію было наряжено слѣдствіе, но мнѣ неизвѣстно кто его производилъ и чѣмъ оно окончилось. Ѳ—въ до окончанія его умеръ. Во время весьма продолжительнаго служенія своего въ Новороссійскомъ краѣ, онъ составилъ себѣ значительное состояніе. Онъ купилъ очень дешево прекрасное, но пустынное имѣніе въ Бессарабіи, и, употребляя.... свою власть, насильственно заселилъ это имѣніе безпаспортными бѣглыми изъ Россіи. Къ несчастію Ѳ—ва, это имѣніе носило громкое и извѣстное въ Россіи имя Кагулъ. Это дало поводъ князю Александру Сергѣевичу Меншикову—спрашивать говорившихъ съ нимъ про Ѳ—ва—„вы думаете, что Румянцевъ,—нѣтъ Ѳ—въ—кагульскій герой"—затѣмъ слѣдовало повѣствованіе...

Полковникъ фонъ-Чуди, прослуживши весь свой вѣкъ въ полиціи, былъ, что называется, тертый калачъ. Онъ не признавалъ никакихъ затрудненій, когда надо было исполнить волю начальства, но и всякое состраданіе было чуждо его сердцу. Онъ наряжалъ на работу въ Бендеры болгаръ и молдаванъ, составлявшихъ населеніе окрестностей Бендеръ, безплатно, не заботясь о томъ, имѣютъ ли они средства прокормить себя. Убѣдившись, что люди, наряжаемые на работу, въ бѣдственномъ положеніи, я просилъ барона Сакена и генерала Ѳ*** — назначить имъ заработную плату или, по крайней мѣрѣ, устроить кухни и продовольствовать ихъ изъ котла,—но всѣ мои просьбы

остались безъ послѣдствій. Выведенный изъ терпѣнія, я доложилъ государю по возвращеніи въ Петербургъ, что справедливость требуетъ вознагражденія рабочихъ, но что по сіе время несчастные бессарабскіе поселяне работаютъ даромъ. Государь удивился, что мои просьбы на этотъ счетъ не были уважены, и предписалъ немедленно расчитать всѣхъ рабочихъ по 15 коп. сер. въ сутки. Были ли получены эти деньги тѣми, кому онѣ слѣдовали— that is the que tion (вотъ вопросъ). Вѣроятнѣе всего — не получены; впослѣдствіи я имѣлъ неоднократно случай удостовѣряться, что желаніе правительства справедливаго расчета имѣло послѣдствіемъ лишь безплодную потрату огромныхъ суммъ; такъ я приведу впослѣдствіи ужасающій примѣръ мнимой выдачи крестьянскимъ семьямъ денегъ за зачетныя рекрутскія квитанціи на невозвратившихся изъ Крыма ратниковъ курскаго ополченія.

Если бы я имѣлъ тогда хотя маленькую часть своей настоящей опытности, я бы не предоставилъ этихъ распоряженій и выдачъ земской полиціи, хотя бы подъ руководствомъ г. фонъ-Чуди.

Поручикъ Б*** поражалъ меня своею неспособностью, фанфаронствомъ и неграмотностью. У меня сохранились доказательства послѣдняго, а именно нѣсколько его собственноручныхъ рапортовъ ко мнѣ. Въ настоящее время мнѣ страшно объ этомъ вспомнить, потому что этотъ самый Б. [1]) достигъ чина полковника, хочетъ быть генераломъ. . . . . .

. . . . . .

Въ Одессѣ мнѣ, къ счастью, не было дѣла до постройки и вооруженія приморскихъ батарей. Онѣ были построены во всѣхъ отношеніяхъ непростительно дурно, а городскіе жители непремѣнно прибавляли: „и дорого“. Предпринимая эту постройку, порученную, не знаю по какой причинѣ, кавалерійскому или артиллерійскому полковнику Гонгардту, что нынѣ (1869 г.) атаманъ Новороссійскаго казачьяго войска, никто не озаботился провѣрить точность гидрографическихъ картъ Чернаго моря, составленныхъ въ 1820-хъ годахъ, а потому оказалось, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наши карты

[1]) Послѣ удаленія генералъ Ѳ*** отъ должности генералъ-губернатора, этотъ Б. перешелъ къ барону Сакену, а потомъ къ генералу Анненкову. При первомъ онъ прикидывался святошею, при второмъ весельчакомъ, и кромѣ того прибѣгалъ къ разнымъ—пріемамъ, чтобы сдѣлаться не только пріятнымъ своему начальству, но и необходимымъ. В. Д.

показывали глубину въ 4 и 6 футъ, непріятельскія суда нашли глубину въ 12 и 16 футъ и потому безпрепятственно становились на якорь въ такихъ мѣстахъ, которыя не были обстрѣливаемы нашими батареями, вооруженными весьма неудовлетворительно, только частью старыми чугунными 24 ф. пушками. Прочія орудія были еще меньшаго калибра. На мортирной батареѣ, построенной близь дачи Ланжерона, я засталъ мортирныя платформы, поставленныя задомъ напередъ.

Въ Бендеры я пріѣхалъ въ двадцатыхъ числахъ марта 1854 г. и согласно данной мнѣ инструкціи немедленно во всей подробности осмотрѣлъ эту крѣпость. При этомъ былъ моимъ cicerone подполковникъ Казанцевъ, въ которомъ я не замѣтилъ ни свѣдѣній, ни практическаго ума, а просто . . . . . гарнизоннаго офицера, а не инженера. Онъ мнѣ не умѣлъ ничего объяснить, а говорилъ: „слушаюсь, какъ прикажете“ и т. п. Къ счастью моему, скоро послѣ того были присланы отличные офицеры, въ числѣ которыхъ Струве, занимающійся теперь сооруженіемъ мостовъ на желѣзныхъ дорогахъ и пріобрѣвшій большую извѣстность какъ инженеръ-механикъ. Бендеры, послѣ взятія этой крѣпости гр. Панинымъ въ 1770 г., послѣ двухъ мѣсячной осады, и кн. Потемкинымъ, безъ выстрѣла, въ 1789 г., оставались въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ ее оставили турки—за исключеніемъ того, что при туркахъ были устроены отличные водопроводы, и что въ 1854 г. недостатокъ воды былъ весьма ощутителенъ и что надо было возить съ большими затрудненіями мутную и вредную воду изъ Днѣстра. Кромѣ невыгоднаго положенія Бендеръ, ибо окружающая мѣстность съ юга и запада командуетъ крѣпостью, она отличается совершеннымъ отсутствіемъ сводчатыхъ помѣщеній для гарнизона; единственный старый турецкій пороховой погребъ оказался сводчатымъ, но, по удостовѣренію коменданта, не безопасенъ, по случаю трещинъ, замѣченныхъ въ сводахъ. Начальникъ херсонскаго инженернаго округа, ген.-лейт. Лехнеръ, съ заносчивостью, опровергалъ это мнѣніе коменданта, генерала Ольшевскаго, но ничего не доказывалъ и, наконецъ, когда я его спросилъ, какъ же считать пороховой погребъ—годнымъ или опаснымъ, потому что я обязанъ донести объ этомъ государю, старый Лехнеръ сказалъ:

— Донесите государю, что я его считаю прочнымъ и что когда непріятель будетъ бомбардировать Бендеры, я лягу на порохъ подъ самыми трещинами свода.

Я объ этомъ не доносилъ, но впослѣдствіи разсказалъ объ этомъ государю.

Бо́льшая часть исходящихъ угловъ и всѣ рвы не были обстрѣливаемы; но не входя здѣсь во всѣ подробности всего, что я нашелъ или, правильнѣе, чего не нашелъ, скажу только, что Бендеры ни въ какомъ случаѣ не заслуживали названія крѣпости, и я себя утѣшалъ только тѣмъ, что какъ бы то ни было, а государя приказаніе будетъ исполнено и, конечно, уланы не будутъ въ состояніи взять штурмомъ эту крѣпость лишь по названію.

Любопытно мнѣ было отыскать какіе-нибудь слѣды преданія или легенды продолжительнаго пребыванія близь Бендеръ Карла XII. Къ удивленію моему, всѣ старожилы отзывались полнымъ невѣдѣніемъ, указывая только на селеніе Варницы, въ трехъ верстахъ отъ крѣпости, гдѣ, по ихъ словамъ, былъ разбитъ лагерь Карла. Дѣйствительно, въ указываемомъ ими мѣстѣ правильныя неровности почвы даютъ право полагать, что на томъ мѣстѣ что-нибудь было, но болѣе ничего.

Желая исполнить какъ можно лучше словесное приказаніе государя насчетъ устройства склада для хлѣба, перевозку котораго настоятельно требовалъ главнокомандующій, я обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе, но скоро убѣдился, что въ крѣпости, приводимой въ оборонительное состояніе, весьма чувствителенъ недостатокъ помѣщенія, и что объ устройствѣ бунтовъ въ крѣпости и о загроможденіи внутренняго пространства легко воспламеняющимися постройками—и думать нельзя; я объ этомъ сдѣлалъ представленіе, причемъ препровождалъ и разсчетъ громаднымъ издержкамъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись исполненіе требованія генералъ-фельдмаршала, доказывалъ, что уничтоженіе всего находившагося, въ то время, въ Одессѣ хлѣба не повлечетъ за собою тѣхъ убытковъ, которые окажутся отъ спасенія этого хлѣба перевозкою за 100 верстъ. Послѣдствія вполнѣ оправдали мое мнѣніе. Съ неслыханными усиліями перевезено было изъ Одессы въ Тирасполь 17,000 четвертей хлѣба, и эта операція, несмотря на то, что нѣмецкіе колонисты взялись, дви-

жимые чувствомъ патріотизма, перевозить этотъ хлѣбъ безплатно, обошлась въ 96,000 р. сер. Тогда только убѣдились, что выгоднѣе остальной хлѣбъ оставить въ Одессѣ.

9-го апрѣля 1854 г. у меня набралось нѣсколько вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ зависѣло отъ барона Сакена, и потому я поѣхалъ въ Одессу, признаюсь, не безъ радости, хотя на время покидая унылые наводящіе Бендеры. Въ Одессу я пріѣхалъ въ тотъ же день, въ 11 часовъ вечера, и остановился въ Европейской гостинницѣ. Взбираясь по лѣстницѣ въ указанное мнѣ помѣщеніе, встрѣтилъ я А. П. Озерова, бывшаго нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Оттоманской портѣ и послѣ разрыва нашего съ Турціею переѣхавшаго на временное жительство въ Одессу.

А. П. Озеровъ, съ нѣкоторымъ волненіемъ, тутъ же сообщилъ мнѣ подробности переговоровъ, происходившихъ, въ тотъ день, между непріятельскими адмиралами и барономъ Сакеномъ, что дерзкія требованія адмираловъ оставлены безъ отвѣта и что уже нѣтъ сомнѣнія, что, съ разсвѣтомъ, Одесса подвергнется бомбардированію, что всѣ жители оставили городъ, что онъ семейство свое перевезъ въ отдаленное предмѣстье—Молдаванку, и, наконецъ, что, только-что передъ тѣмъ, пріѣхалъ вновь назначенный генералъ-губернаторъ, ген.-ад. Анненковъ. Однимъ словомъ, любезнѣйшій Александръ Петровичъ спѣшилъ мнѣ сообщить всѣ городскія новости; я его отъ всей души благодарилъ, думая про себя: никогда я никуда болѣе кстати не пріѣзжалъ, и вспомнилъ любимое изреченіе Sandoz'a: «voyons voir».

На другой день въ 6 ч. утра—поспѣшно взошелъ ко мнѣ А. П. Озеровъ и разбудилъ, говоря, что непріятель уже открылъ огонь по городу. Я вскочилъ, въ одну секунду одѣлся и отправился отыскивать барона Сакена. Когда я пришелъ черезъ безлюдныя улицы на набережную къ Ришельевскому монументу, моимъ глазамъ представилась великолѣпная картина. — непріятельская эскадра вытянулась почти вся въ одну линію, полукругомъ, загнувъ свой правый флангъ къ Пересыпи [1]) и занимая, къ моему удивленію, тремя большими пароходами ту часть залива,

[1]) Низкая и отдаленная часть города — близь моря, восточнѣе самаго города. В. Д.

которая, по нашимъ свѣдѣніямъ, недоступна, по мелководію, большимъ судамъ. По временамъ слышны выстрѣлы и на ясномъ голубомъ небѣ въ разныхъ мѣстахъ показываются маленькія бѣлыя облачки отъ разрыва въ воздухѣ бомбъ и гранатъ. Съ восхищеніемъ взглянувъ на все это и полагая, что я застану бар. Сакена на одной изъ прибрежныхъ батарей, я началъ спускаться по Ришельевской лѣстницѣ. При этомъ я испыталъ къ своему горю et avec une profonde humiliation (и съ глубокой обидой) что̀ значитъ кланяться непріятельскимъ снарядамъ. Въ то самое время какъ въ воздухѣ разрывало гранаты, надъ моей головой пролетѣлъ испуганный голубь, и отъ его полета по свѣтлой каменной лѣстницѣ, ярко освѣщенной солнцемъ, промелькнула тѣнь,—все это *вмѣстѣ произвело на меня* впечатлѣніе какъ будто надъ самой головой у меня разорвало бомбу—и я поклонился..... Никогда не забуду этого мгновенія; оно сейчасъ же смѣнилось другимъ, въ которое я успѣлъ отдать себѣ отчетъ впечатлѣнія и почувствовалъ, не смотря на мое совершенное одиночество, что я покраснѣлъ, что мнѣ стыдно!..... Но спрашивается—стыдно чего? Самаго естественнаго чувства самосохраненія. Но оттого и цѣнится храбрость—что она составляетъ торжество надъ самымъ натуральнымъ инстинктивнымъ чувствомъ; такъ разсуждая, я далъ себѣ слово наблюдать за собой, впрочемъ, не допуская и мысли, чтобы я могъ оказаться трусомъ.

Я отправился на батарею № 6, получившую впослѣдствіи названіе Щеголевской. Она одна по своему расположенію и по занятой позиціи непріятелемъ могла успѣшно дѣйствовать, но за то и сама болѣе другихъ подвергалась опасности.

Прапорщикъ Щеголевъ довольно удачно посылалъ снаряды въ бока непріятельскихъ пароходовъ, выстрѣлами опредѣливъ разстояніе судовъ отъ берега.

Бар. Сакена уже не было на батареѣ. На полѣ я встрѣтилъ какого-то жандарма, спѣшилъ его, прельстивъ золотымъ, и, вскочивъ на лошадь, поскакалъ отыскивать бар. Сакена по направленію, указанному мнѣ на батареѣ однимъ изъ артиллеристовъ. Взобравшись на гору, я засталъ Дмитрія Ерофеевича со всѣмъ его штабомъ у дома кн. Воронцова. Я объяснилъ ему, что пріѣхалъ по дѣламъ службы и что какъ ему теперь недосугъ принимать доклады, то я прошу позволенія — состоять при немъ.

Въ свитѣ, къ которой я такимъ образомъ присоединился, находились, между прочими, и вновь прибывшій генералъ-губернаторъ, положеніе котораго было видимо неловкое. Будучи начальникомъ, онъ былъ въ неизвѣстномъ мірѣ и потому, не смотря на явное желаніе, онъ не могъ разыгрывать никакой роли. Начальникъ штаба генерала Сакена, генералъ Т—ковъ, и безъ того некрасивой наружности,—не могъ не занимать любознательнаго наблюдателя особеннымъ выраженіемъ *своего лица*—(l'air effaré) (растерянный видъ), на которомъ слишкомъ откровенно обнаруживались впечатлѣнія, подъ которыми онъ находился. Когда къ нему обращались, видно было, что онъ не слышетъ и не понимаетъ,—все вниманіе его было поглощено результатами выстрѣловъ непріятеля. Еще болѣе плачевную роль разыгрывалъ штабсъ-ротмистръ М—мъ, адъютантъ бар. Сакена. Но сей послѣдній не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Мы переѣзжали съ мѣста на мѣсто, но всегда возвращались на набережную. Непріятельскіе снаряды не дѣйствовали разрушительно, какъ можно было ожидать, по случаю особенности матеріала, изъ котораго построены всѣ одесскіе дома. Мягкій камень поглощалъ въ себѣ снаряды, а разрушительнаго сотрясенія не оказывалось. Бо̀льшую часть бомбъ не разрывало. Непріятель дѣйствовалъ также изъ бомбическихъ орудій 120 ф. ядрами; такое ядро попало на моихъ глазахъ—въ монументъ герцога Ришелье и, отколовъ уголъ пьедестала, осыпало насъ пескомъ, поднятымъ осколками гранита. Замѣтивъ толпу всадниковъ близь Воронцовскаго дома—непріятель сталъ стрѣлять по насъ шрапнелевыми гранатами. Но дѣйствительно хорошо, т. е. сильно обстрѣлянною оказалась только Щеголевская батарея. Эта батарея защищалась сколько могла, но ея непростительная постройка была причиною того, что она могла наносить вредъ непріятелю только двумя орудіями, а напослѣдокъ лишь однимъ. Кромѣ того, на полѣ, близь самой батареи, оставался не сломаннымъ какой-то балаганъ, онъ загорѣлся отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, а отъ этого пожара, котораго не успѣли потушить, произошелъ взрывъ и положилъ конецъ дѣйствіямъ Щеголева. Стрѣльба непріятеля оказалась ниже всякой критики; если бы только десятый процентъ выпущенныхъ имъ снарядовъ попадалъ въ батарею, то конечно и слѣдовъ ея не осталось бы; къ счастью, всѣ почти снаряды

чрезъ нея пролетали и этимъ объясняется, что оказалось на этой батареѣ лишь два подбитыхъ орудія и одинъ испорченный мерланъ. Изъ артиллерійской прислуги только одинъ убитый и трое раненыхъ и контуженныхъ нижнихъ чиновъ.

Во второмъ часу пополудни, замѣтивъ, что нѣсколько лодочекъ отдѣляется отъ ближайшихъ къ Пересыпи пароходовъ и что онѣ направляются къ берегу, я поѣхалъ съ капитаномъ Глинкой (не могу припомнить у кого онъ былъ адъютантомъ) на Пересыпь и засталъ тамъ слѣдующее: два баталіона Томскаго и Колыванскаго полковъ стояли въ сомкнутыхъ баталіонныхъ колоннахъ подъ выстрѣлами маленькой непріятельской флотиліи, подъ предлогомъ, что они составляютъ прикрытіе, выдвинутому впередъ къ морскому берегу, дивизіону легкой № 3 батареи 14-й артиллерійской бригады.

Непріятельскіе катера были вооружены небольшими орудіями и ракетными станками. Этихъ катеровъ я насчиталъ до 18. Наши легкія орудія дѣйствовали совершенно безуспѣшно и видно было, какъ наши ядра падали въ воду; картечью же не стрѣляли, не смотря на то, что̀ сказано въ реляціи, потому что непріятель не подходилъ на картечный выстрѣлъ.

Когда я пріѣхалъ къ этимъ батальонамъ, я засталъ полное безначаліе: съ нашей стороны уже было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, при мнѣ взорвало одинъ зарядный ящикъ и подбило два орудія. Нелѣпость всего, что я тутъ увидѣлъ, меня взбѣсила, но отсутствіе начальства и моя пассивная по неволѣ роль не позволяли мнѣ и думать о какой-либо иниціативѣ. Наконецъ, я рѣшился сказать двумъ штабъ-офицерамъ, что имъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, прикрыть свои баталіоны за домами и что я немедленно поѣду доложить бар. Сакену—что эти войска совершенно безполезно теряютъ людей. Видимо было, что цѣль непріятеля заключалась въ томъ, чтобы ракетами поджигать городъ, потому что кромѣ гребцовъ и артиллерійской прислуги на катерахъ никого не было.

Не смотря на это, въ реляціи было сказано, что непріятель покушался сдѣлать высадку на Пересыпь.

Реляція, между прочимъ, повѣствовала:

«Непріятельскіе желѣзные пароходы, не требующіе большой глубины, для

окруженія практическаго мола [1]), сверхъ чаянія, подходила близко къ берегу и одинъ изъ нихъ отдѣлился къ предмѣстью Пересыпи съ гребными судами, которыя конгревыми ракетами зажигали суда на практической гавани и строенія въ предмѣстьѣ Пересыпи и пытались сдѣлать высадку. Но встрѣченныя картечью изъ 4-хъ [2]) полевыхъ орудій легкой № 3 батареи 14 артиллерійской бригады, подъ прикрытіемъ 6-ти ротъ резервнаго и запаснаго батальоновъ Томскаго и резервнаго батальона Колыванскаго и Егерскихъ полковъ, поставленныхъ въ засадѣ, обращены въ бѣгство къ судамъ и, преслѣдуемыя, ядрами, имѣли значительную потерю. У насъ же убито и ранено нѣсколько человѣкъ и подбито два лафета».

Возвращаясь отъ этой поэзіи къ дѣйствительности, я поѣхалъ отыскивать бар. Сакена и встрѣтилъ его ѣдущаго на дрожкахъ съ ген. Анненковымъ у артиллерійскаго дома. Я доложилъ Дмитрію Ерофеевичу о положеніи на Пересыпи несчастныхъ батальоновъ, безъ всякой пользы теряющихъ людей, и просилъ позволенія поставить ихъ внѣ дѣйствія непріятельской артиллеріи. Генералъ Сакенъ не успѣлъ еще отвѣчать, какъ ген. Анненковъ сказалъ мнѣ при Сакенѣ:

— Эти батальоны поставлены по распоряженію начальства, слѣдовательно должны стоять.

Сакенъ, вѣроятно, былъ озадаченъ этимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ только что прибывшаго генералъ-губернатора, но ничего не сказалъ и поѣхалъ къ преосвященному Иннокентію, а я, по глупости, тогда только догадался, что сохраненіе людей иногда совсѣмъ не входитъ въ разсчетъ попечительнаго начальства, и что если бы не было поставленныхъ на убой томцевъ и колыванцевъ, то и не было бы блистательной реляціи слѣдующаго содержанія:

«Богъ видимо оцѣнилъ защитниковъ вѣры, царя и чести Россіи: при смертоносномъ огнѣ непріятельскихъ орудій большаго калибра, дѣйствовавшихъ ядрами, бомбами и картечными гранатами, потеря наша состоитъ изъ убитыхъ 4-хъ нижнихъ чиновъ, раненыхъ: полковника Мещерекаго [3]), нижнихъ чиновъ 45 и контуженныхъ нижнихъ чиновъ 12».

11-го апрѣля, по случаю Свѣтлаго Христова Воскресенія, я отправился христосоваться къ начальству, при этомъ, разговорившись наединѣ съ бар. Сакеномъ, сообщилъ ему, что много

---

[1]) На оконечности этого мола находилась № 6 Щеголевская батарея.

[2]) Ихъ оставалось уже только два. В. Д.

[3]) Онъ былъ только контуженъ. В. Д.

толкуютъ о какомъ-то покушеніи непріятеля сдѣлать высадку, но что я положительно удостовѣряю, какъ очевидецъ (ни Сакена, ни Анненкова не было на Пересыпи), что этого не было. Не смотря на это, донесеніе было отправлено въ тотъ же день къ государю, съ вышеприведеннымъ украшеніемъ мнимой высадки.

Впослѣдствіи, когда я поздравилъ бар. Сакена, по случаю полученія имъ ордена св. Андрея за отличное отраженіе непріятеля, онъ мнѣ говорилъ, вѣроятно, вспоминая то, что ему говорилъ послѣ христосованія, „что ему досадно и больно, что въ донесеніи къ государю было упомянуто о небываломъ намѣреніи непріятеля сдѣлать высадку“.

Въ день 10-го апрѣля 1854 г., въ Одессѣ, среди города, можно было умереть голодною смертью тому, кто не довольствовался изъ котла въ какой нибудь ротѣ или не имѣлъ своего хозяйства; гостинницы и лавки были закрыты, единственная баба, продававшая крашеныя яйца, была убита бомбою, вмѣстѣ съ мужикомъ, торговавшимъ у ней яйца. Жители также, безъ исключенія, выѣхали за городъ, но, къ моему счастью, оставалось въ городѣ хлѣбосольное семейство А. М. Абаза. Въ 7-мъ часу, когда уже давно не было слышно ни одного выстрѣла, я отправился къ нимъ и засталъ у нихъ много военныхъ, давно предупредившихъ меня, и оказалось, что въ цѣломъ домѣ не осталось ничего съѣстнаго, кромѣ хлѣба и соленыхъ огурцовъ, но за то шампанскаго сколько угодно. Три дня спустя, 14-го числа, непріятельская эскадра снялась съ якоря и ушла по направленію частью въ Константинополь, частью въ Севастополь, а я немедленно отправился въ Бендеры наблюдать попрежнему за ходомъ работъ.

Не говоря о невыносимой скукѣ, на которую я былъ осужденъ въ Бендерахъ, мое тамъ положеніе представляло много затрудненій.

Въ дѣлѣ инженерномъ, строительномъ я вовсе не былъ компетентенъ, а на мѣстѣ не было ни одного человѣка, совѣтами котораго я могъ бы воспользоваться. Кромѣ того, я имѣлъ случай ежедневно убѣждаться въ своей неопытности, а это не могло не останавливать моей врожденной, въ то время еще не ослабѣвшей, энергичной дѣятельности. По пріѣздѣ моемъ въ Бендеры, послѣ бомбардированія Одессы, я засталъ тамъ отзывъ

военнаго министра, которымъ онъ меня увѣдомлялъ, что государь вполнѣ одобрилъ сдѣланныя мной распоряженія въ Николаевѣ. Это меня чрезвычайно обрадовало и утѣшило, и вотъ почему: расположеніе и постройка Николаевскихъ батарей зависѣли отъ морскаго вѣдомства, и предоставленною мнѣ властью я отмѣнилъ предположеніе кн. Меншикова и хотя и доносилъ ему въ Севастополь о причинахъ, побудившихъ меня измѣнить устройство Николаевскихъ батарей и увеличить ихъ число постройкой большой батареи, въ видѣ сомкнутаго укрѣпленія близъ села Богоявленскаго, но не получилъ отъ него отвѣта. Впослѣдствіи артиллерійскій офицеръ, капитанъ Шестичъ, увѣдомилъ меня письмомъ, что кн. Меншиковъ изъявилъ полное согласіе на сдѣланныя мною распоряженія и подтвердилъ адмиралу М. Б. Берху усилить средства для скорѣйшаго окончанія начатыхъ работъ. Въ концѣ апрѣля у меня опять накопилось много дѣлъ, которыя требовали словесныхъ объясненій съ бар. Сакеномъ и ген. Лехнеромъ, начальникомъ дунайскаго инженернаго округа, и потому 28-го апрѣля я опять отправился въ Одессу. Баронъ Сакенъ принялъ меня какъ стараго знакомаго, и обѣщался немедленно исполнить все, о чемъ я его просилъ; ген. Лехнеръ оказался также очень податливымъ.

Такимъ образомъ, приведенный въ пріятное расположеніе духа, я рѣшилъ, что могу себѣ дозволить пробыть денька два въ Одессѣ, повидаться съ своими знакомыми и насладиться городскою жизнью, отъ которой я начиналъ отвыкать въ Бендерахъ.

А. П. Озеровъ съ семействомъ, М. Д. Непокойчицкая, сестра А. Д. Герстенцвейга, моего товарища и пріятеля, Николай Ивановичъ Крузенштернъ и нѣсколько молодыхъ людей изъ штаба главнокомандующаго давали мнѣ возможность весьма пріятно провести нѣсколько дней въ Одессѣ, которая, послѣ удаленія непріятельской эскадры, совершенно успокоилась. Бо́льшая часть жителей возвратилась, общественная жизнь оживилась и даже показались объявленія, обѣщавшія, въ непродолжительномъ времени, представленія итальянской оперы.

30-го числа, въ 8 ч. утра, я сидѣлъ у растворенная окна своей квартиры Европейской гостинницы и наслаждался великолѣпнымъ весеннимъ утромъ, въ ожиданіи чая; вдругъ подска-

калъ къ моему окну гр. Медемъ, штабсъ-ротмистръ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, состоявшій ординарцемъ при бар. Сакенѣ, и прежде всего выразилъ свое удивленіе, видя мое спокойствіе, а потомъ и разсказалъ, что море покрыто такимъ густымъ туманомъ, что ничего нельзя различить на самое близкое разстояніе, но что, судя по шуму на берегу моря, близъ дачи Картаци, надо полагать, что близъ самаго берега сталъ на мель непріятельскій пароходъ. Къ этому онъ добавилъ, что войска уже направлены къ этому мѣсту и что баронъ также туда поѣхалъ.

Я немедленно собрался, а въ это же время пріѣхавшій А. П. Озеровъ предложилъ мнѣ свою коляску и мы вмѣстѣ отправились удовлетворять свое любопытство. Проѣхавъ дачу, принадлежавшую одесскому городскому головѣ Картацци, мы застали уже снявшуюся съ передковъ батарею и, какъ мнѣ сперва показалось, стрѣлявшую въ воду. По повѣркѣ оказалось, что англійскій пароходъ Tiger сѣлъ на мель такъ близко отъ берега, возвышающагося отвѣсно надъ моремъ на 16 саженъ, что его можно было видѣть только съ самаго края обрыва. На столь близкое разстояніе наши снаряды производили страшно разрушительное дѣйствіе. Англичане хотя не стрѣляли, но, по близости къ высокому берегу, не могли наносить намъ ни малѣйшаго вреда. Непріятель скоро самъ въ этомъ убѣдился и весь экипажъ Тигра сдался военноплѣннымъ, немедленно перевезенъ на берегъ, положилъ оружіе [1]) и былъ отправленъ подъ конвоемъ въ карантинныя помѣщенія.

Густой туманъ, покрывавшій море и бывшій, вѣроятно, причиною гибели Тигра, разсѣялся къ 11 часамъ утра, и тогда мы замѣтили вдали два приближающихся парохода. Предполагая, что это спутники Тигра, и что они попытаются подать помощь погибающему пароходу, участь экипажа котораго не могла быть имъ извѣстна, бар. Сакенъ приказалъ гранатами зажечь и взорвать Тигръ. Онъ былъ ужъ объятъ пламенемъ и мы ожидали взрыва, когда прочіе пароходы подошли на дальній выстрѣлъ и открыли по насъ огонь. Къ удивленію моему—за нашими 12-ю

[1]) Изъ этого оружія я сохранилъ на память одинъ штуцеръ огромнаго калибра. В Д.

орудіями были построены войска и между прочими два полка уланъ!

Къ счастію, непріятельскіе выстрѣлы не могли наносить намъ большаго вреда, такъ что послѣ двухъ часоваго обстрѣливанія берега у насъ оказалась весьма незначительная потеря, а именно убитыхъ два артиллериста и 3 артиллерійскія лошади и контуженныхъ 2 артиллерійскихъ офицера.

Когда непріятельскіе пароходы удалились, а отъ взорваннаго Тигра остались видными надъ водой лишь однѣ трубы, я отправился обратно въ городъ, гдѣ далъ слово обѣдать у А. М. Абаза. Въ одно время со мной вошла въ домъ и хозяйка, т. е. старушка, мать хозяина, и съ жаромъ разсказала намъ, что и она ѣздила съ какою-то компаніонкою посмотрѣть на англичанъ по любопытству. „Пришли мы, говорила она, къ самой батареѣ, какъ вдругъ стали стрѣлять, мы испугались, бросились бѣжать, но не зная дороги, натыкались на солдатъ, которыхъ умоляли вывести насъ къ экипажу. Во время этихъ переговоровъ раздался крикъ: „ложись“,—мы, батюшка мой, и легли—да вставать-то ужъ и не посмѣли, повѣрите ли—но сіе время пролежали..... какъ насъ не затоптали, право, я и понять не могу, видно, Богъ спасъ“.

Вечеромъ я былъ на оперномъ представленіи, давали „La figlia del regimento“.

— Конечно, думалъ я, возвращаясь домой измученный и сонный, мнѣ ужъ никогда не придется такъ оригинально и разнообразно провести день. Утромъ подъ непріятельскими выстрѣлами, потомъ въ большомъ городѣ, въ которомъ все совершенно спокойно, какъ во время мира, на отличномъ обѣдѣ, а вечеромъ—на представленіи италіянской оперы.

Когда по городу разнесся слухъ, что взято въ плѣнъ множество англичанъ, толпы жителей бросились на встрѣчу плѣннымъ, въ томъ числѣ, на дрожкахъ прежней конструкціи, бѣловласый дюжій купчина; этотъ старикъ, подъѣхавъ къ англичанамъ, оставилъ дрожки, перекрестившись три раза—крикнулъ: «здорово, бусурмане!» и немедленно затѣмъ—закупилъ всѣ лотки снующихъ разнощиковъ и кормилъ съ большимъ усердіемъ матросовъ, которые, проработавъ цѣлую ночь въ надеждѣ сойти съ мели, дѣйствительно были очень голодны.

Послѣ всѣхъ этихъ событій, которымъ мѣстнымъ начальствомъ придавалось бо̀льшее по возможности значеніе, приступили къ работамъ, чтобы воспользоваться остатками погибшаго англійскаго парохода. Оказалось, что машина, за исключеніемъ нѣкоторыхъ поврежденій, еще годится для употребленія, такъ равно и нѣсколько чугунныхъ орудій, но какъ орудія эти были подъ водой, предполагалось ихъ подвергнуть испытанію, прежде чѣмъ сдѣлать изъ нихъ какое либо употребленіе. Новый генералъ-губернаторъ, описывая всѣ послѣднія событія въ донесеніи государю, просилъ дозволенія, въ память гибели „Тигра", поставить два изъ орудій, съ него взятыхъ, по обѣ стороны Ришельевскаго монумента на приморскомъ бульварѣ Одессы. Я ничего объ этомъ не зналъ; гуляя разъ вечеромъ по бульвару, встрѣтилъ я Н. Н. А—а очень озабоченнаго; послѣ обычныхъ привѣтствій онъ мнѣ сказалъ: „Знаете, какое несчастье? сегодня стрѣляли изъ англійскихъ орудій"!

— Что же, перебилъ я его, кого нибудь при этомъ ранили или убили?

— Нѣтъ, слава Богу, были приняты мѣры предосторожности.

— Такъ что же, какое несчастье?

— Два изъ этихъ орудій разорвало, а послѣ этого не найдется двухъ одинаковыхъ.

Я въ недоумѣніи смотрѣлъ на генералъ-губернатора.

— Да помилуйте, я сдѣлалъ представленіе, чтобы поставить два орудія на бульварѣ.

Я весь превратился въ вопросительный знакъ, рѣшительно ничего не понимая; тогда онъ отвѣтилъ протяжно, съ горькою печалью въ голосѣ: „а симетрія?"

Послѣ всѣхъ одесскихъ занимательныхъ событій, Бендеры показались бы мнѣ невыносимымъ мѣстопребываніемъ, если бы не весна, поздняя, давно жданная, со всѣми своими прелестями.

Весна украсила Бендеры цвѣтущими акаціями и огромными жасминными деревьями, которыми было обсажено крыльце дома турецкаго коменданта. Эти деревья, которыхъ я нигдѣ не видалъ кромѣ Бендеръ, были въ то время покрыты мелкими, но весьма душистыми цвѣтами. Необозримыя степи Херсонской губерніи были покрыты дикими тюльпанами и гіацинтами, но кромѣ того меня въ особенности поддерживала надежда скораго возвращенія

въ Петербургъ. Всѣ работы были въ ходу, а предположенное инженернымъ департаментомъ усиленіе бендерской крѣпости передовыми люнетами требовало радикальнаго измѣненія, потому что было сдѣлано безъ соображенія съ условіями мѣстности. Приготовивъ необходимые планы и составивъ критическій разборъ проектовъ департамента, въ половинѣ мая я рѣшился отправиться въ Петербургъ и обо всемъ, до моего порученія относящемся, доложить лично государю.

23-го мая (1854 г.) возвратился я въ Петербургъ, а 24-го, въ 8 час. утра, я уже ожидалъ прохода государя въ галереѣ нижнаго этажа петергофскаго дворца [1]), по которой онъ обыкновенно проходилъ послѣ своей ежедневной утренней прогулки, идя заниматься и принимать министровъ въ свой оффиціальный кабинетъ. Мнѣ и теперь становится весело на душѣ, когда я вспоминаю взглядъ Николая Павловича, завидѣвшаго меня; не знаю, дѣйствительно ли онъ любилъ меня или было имъ принято за правило принимать радостный видъ при представленіи возвращающихся адъютантовъ, но его лицо, вся фигура подтвердили его слова:

— „Очень радъ тебя видѣть“.

Послѣ обмѣна нѣсколькихъ словъ, онъ мнѣ назначилъ въ тотъ же день часъ для доклада. При этомъ докладѣ онъ неоднократно хвалилъ и, наконецъ, одобрилъ все уже сдѣланное и новыя предположенія, но съ тѣмъ, что я долженъ предварительно какого либо исполненія получить согласіе инспектора по инженерной части, присовокупляя: „Ты его еще не видалъ, я тебѣ разрѣшаю къ нему съѣздить въ Кронштадтъ [2])“.

Затѣмъ онъ протянулъ мнѣ руку, говоря: „еще разъ спасибо“, но съ такимъ выраженіемъ и чувствомъ, что невозможно было несчитать себя награжденнымъ не по заслугамъ. Незабвенный

---

[1]) Въ то время особыя представленія назначались очень рѣдко; обязанные же являться адъютанты становились тамъ, гдѣ государь проходилъ, и въ случаѣ надобности въ объясненіяхъ, онъ самъ для этого назначалъ время и тогда принималъ въ своемъ кабинетѣ. В. Д.

[2]) Весною 1854 г., во время моего отсутствія, отецъ мой, не смотря на болѣзненное состояніе—долженъ былъ, по настоятельному требованію государя, принять должность военнаго генералъ-губернатора Кронштадта и командовать расположенными тамъ войсками на правахъ командира отдѣльнаго корпуса въ военное время. В. Д.

Николай Павловичъ имѣлъ особенный даръ благодарить,—его благодарность имѣла особенное свойство воодушевлять людей и подготовить ихъ на всевозможные труды и самопожертвованія.

Пребываніе мое въ Петергофѣ до августа я могу считать самымъ пріятнымъ временемъ моей жизни; государь былъ постоянно особенно ко мнѣ милостивъ; это выражалось очень часто и весьма разнообразно. Когда онъ ѣздилъ въ Кронштадтъ, онъ всегда бралъ меня съ собой, а разъ даже прислалъ за мной великаго князя Константина Николаевича, заставшаго меня въ халатѣ, въ разговорѣ съ Альбединскимъ. 3-го іюля утромъ государь, встрѣтивъ меня въ саду, сказалъ мнѣ, что онъ съ императрицею поѣдетъ въ Саперный лагерь въ 11 часовъ и прибавилъ: „совѣтую и тебѣ туда прокатиться".

Оказалось, что государь, вспоминая въ этотъ день свое назначеніе генералъ-инспекторомъ по инженерной части, два дня послѣ своей свадьбы, хотѣлъ побывать съ государыней въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ 36 лѣтъ тому назадъ впервые былъ привѣтствованъ саперами—какъ главный ихъ начальникъ и шефъ. Онъ туда пріѣхалъ съ Александрою Ѳедоровною и былъ очень милостивъ съ окружившими его саперами. Въ этотъ день я въ первый разъ обѣдалъ у государя въ Александріи—въ cottedge'ѣ. Кромѣ меня были приглашены: начальникъ инженеровъ Андрей Андреевичъ фонъ Цуръ-Мюленъ, котораго солдаты называли Цырмуленъ, и мой старый и добрый командиръ Николай Филиповичъ Хомутовъ. Кто не видалъ Николая Павловича въ Александріи, тотъ, конечно, не имѣетъ понятія о простотѣ и очаровательности его обращенія въ семейномъ кругу; тутъ можно было забыть, что онъ Бѣлый царь и самодержецъ всея Руси, но грандіозность и прелесть его личности всегда сохранялась и привлекала къ нему сердца даже людей, не раздѣлявшихъ его понятій, даже осуждавшихъ его систему, его дѣйствія. На тѣхъ, которые его видѣли въ первый разъ, онъ производилъ поражающее, даже смущающее, впечатлѣніе.

Мнѣ говорила княгиня Елизавета Алексѣевна Паскевичъ, что во время пребыванія государя въ Варшавѣ, совпавшаго съ проѣздомъ генерала Ламорисіера, ѣхавшаго въ Петербургъ представителемъ французской республики, она повезла M-me Lamoricière смотрѣть городъ. Послѣ прохожденія войскъ государь

подъѣхалъ къ ихъ колискѣ и привѣтствовалъ ихъ очень любезно, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ г-жѣ Lamoriciere, которая совсѣмъ растерялась, и какъ только государь отъѣхалъ, республиканка очень наивно и скоро проговорила: „Comme il est beau, votre empereur! mais comme il impose! que lui ai-je dit? Je suis sûre que je lui ai répondu à tort et à travers". („Какъ хорошъ собою вашъ государь! но какая у него внушающая наружность! что я сказала ему? я увѣрена, что я отвѣчала ему не впопадъ).

Въ теченіи іюня и іюля мѣсяцевъ, я чувствовалъ себя необыкновенно спокойнымъ и счастливымъ, но какъ ничего совершеннаго въ сей жизни не бываетъ, то и у меня была печаль.

Отецъ мой видимо слабѣлъ. Въ концѣ іюля у него былъ легкій нервный ударъ, послѣ котораго языкъ не то чтобы отнялся, но говорить онъ сталъ плохо. Это продолжалось не долго и, благодаря особенной преданности и попечительности о больномъ Бориса Антоновича Шванебаха, его адъютанта, почти не отлучно находившагося при немъ, кромѣ его и меня никто не зналъ въ Кронштадтѣ о случившемся.

Въ половинѣ августа государь приказалъ мнѣ опять ѣхать въ Бендеры, а оттуда въ главную квартиру кн. М. Д. Горчакова.

Въ Бендерахъ мнѣ предстояло осмотрѣть произведенныя и еще производившіяся работы, обезпечить хорошія и надежныя помѣщенія для пороха, кромѣ того получить приказанія.

Пробывъ нѣсколько дней въ Бендерахъ, я отправился на Кишиневъ и Скуляны въ Яссы. Приближаясь къ первой станціи отъ Кишинева, поздно вечеромъ, камердинеръ мой Иванъ занемогъ холерою, и при этомъ выказалъ необыкновенное малодушіе, громко молился и прерывалъ свои молитвы жалостными просьбами не покидать его, не дать ему умереть и т. п.

Пріѣхавши на станцію, единственную комнату для пріѣзжающихъ я нашелъ занятою и путешественники, укрывавшіеся въ ней отъ сильной грозы, отказались впустить въ нее моего больнаго. Меня это взорвало; я силою въ нее взошелъ, выломавъ замокъ, и засталъ въ ней испуганнаго старика съ пистолетами въ рукахъ.

Этотъ старикъ оказался бывшій сербскій господарь Милошъ Обреновичъ; при видѣ флигель-адъютанта, онъ успокоился, положилъ свои пистолеты, а я ему объяснилъ исключительность

своего положенія и извинялся за причиненное ему безпокойство. Впослѣдствіи я встрѣчался съ Милошемъ въ Одессѣ, какъ старый знакомый, и съ удовольствіемъ убѣдился, что онъ не сердится на меня за страхъ, испытанный имъ по моей шалости при безцеремонномъ вторженіи моемъ въ занимаемую имъ комнату ночью, во время грозы, среди Сергіевскихъ лѣсовъ, пользовавшихся весьма дурною репутаціею, по случаю довольно часто повторявшихся разбоевъ.

Этотъ страхъ Милоша объяснялся еще тѣмъ, что успѣвъ вывезти значительные капиталы изъ Сербіи, онъ всегда возилъ съ собою много денегъ и большія богатства въ драгоцѣнныхъ камняхъ.

Убѣдившись, что въ станціонномъ, совершенно одинокомъ, домѣ среди лѣса я рѣшительно не имѣю возможности доставить ни малѣйшаго пособія моему Ивану, я рѣшился ѣхать во что бы то ни стало до Сергіева. Въ этомъ гнусномъ городишкѣ я пробылъ двое сутокъ, по истеченіи которыхъ уѣздный врачъ, усердно ходившій за моимъ больнымъ, объявилъ мнѣ, что я могу ѣхать. Я немедленно поскакалъ въ Скуляны, куда прибылъ вечеромъ и сейчасъ же распросилъ, кто изъ женъ военныхъ, находящихся въ Молдавіи, временно пребываютъ въ Скулянахъ, а это потому, что мнѣ было извѣстно общее запрещеніе семействамъ военныхъ чиновъ слѣдовать при мужьяхъ за границу. Оказалось, что графиня Канкрина (Valerien), Екатерина Александровна Тимашева, графиня Сакенъ и т. д. уже давно живутъ въ Скулянахъ. Я немедленно отправился къ нимъ, очень пріятно провелъ у нихъ вечеръ и, возвращаясь домой, совершенно забылъ, что я не въ Петербургѣ.

Зная акуратность и форменность барона Сакена, выѣзжая на другой день изъ Скулянъ въ Яссы и полагая возможною встрѣчу съ Дмитріемъ Ерофеевичемъ, я положилъ возлѣ себя въ коляску каску и шарфъ, чтобы имѣть возможность съ особеннымъ военнымъ приличіемъ явиться, хотя бы въ полѣ.

Предусмотрительность моя оказалась весьма полезною. Подъѣзжая къ Яссамъ, я встрѣтилъ бар. Сакена, объѣзжавшаго верхомъ войска, расположенныя бивуакомъ; я представился ему въ шарфѣ на большой дорогѣ. Онъ мнѣ очень обрадовался и требовалъ, чтобы я ѣхалъ прямо къ нему обѣдать. Въѣзжая въ

Яссы, я встрѣтилъ запыленнаго и измученнаго товарища, гр. Крейца, ѣдущаго въ невыносимой каруцѣ въ Петербургъ съ донесеніемъ отъ кн. Горчакова, главная квартира котораго еще не прибыла въ Яссы. Въ этомъ городѣ меня ожидало ужасное разочарованіе. Я считалъ Яссы, правда, неизвѣстно на какомъ основаніи, европейскимъ городомъ и потому, не безъ непріятнаго чувства, долженъ былъ убѣдиться въ противномъ. Узенькія невымощенныя улицы, дрянные дома, отсутствіе садовъ и гуляній, вотъ въ главныхъ чертахъ вѣрное описаніе города Яссъ. На базарныхъ площадяхъ постоянно двигается и шумитъ толпа грязнаго и празднаго народа; вечеромъ огромное собраніе порядочныхъ и роскошныхъ экипажей, въ голой степи, называемой конo, rendez-vous ясскаго beau-mond'a.

На другой день моего пріѣзда городъ сталъ оживляться появленіемъ многихъ лицъ главной квартиры нашей отступающей отъ Дуная, къ сожалѣнію далеко не побѣдоносной, арміи.

26 августа я присутствовалъ при молебствіи и парадѣ. Бар. Сакенъ—игралъ роль главнаго начальствующаго лица, а бар. А. Н. Б. исправлялъ должность генералъ-губернатора или даже какого-то жалкаго, но сильно раздражительнаго господаря. Этотъ баронъ привелъ меня въ ужасъ (странностью) своего поведенія въ обращеніи съ публикой. На этомъ парадѣ онъ разсердился на какого-то молдаванскаго офицера, не видѣвшаго его и потому не успѣвшаго посторониться. Онъ схватилъ его за эполетъ и дернулъ такъ, что этотъ офицеръ чуть-чуть не упалъ. Потомъ когда при прохожденіи войскъ церемоніальнымъ маршемъ публика выдвигалась впередъ, чтобы лучше видѣть войска, онъ ее осыпалъ бранными словами. Я былъ пораженъ и огорченъ, думая о впечатлѣніи, которое подобное поведеніе должно было оставить въ жителяхъ Яссъ.

Наконецъ, прибылъ въ Яссы главнокомандующій, кн. Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ. Въ разговорѣ съ нимъ о моемъ порученіи онъ мнѣ сказалъ, что ему очень досадно, что недостатокъ надежной переправы при устьяхъ Днѣстра заставляетъ его направлять войска не по прямому пути въ Херсонскую губернію, а на Бендеры. На это я ему предложилъ спустить одинъ изъ мостовъ, построенныхъ подъ моимъ наблюденіемъ, до селенія Маяки, оговаривая, впрочемъ, что мосты, построенные въ Бен-

дерахъ, окажутся, вѣроятно, недостаточными для Днѣстра—при селеніи Маяки [1]), но онъ, не обращая на эти послѣдніе слова вниманія, во все горло закричалъ: „Kotzeboue, Kotzeboue, voilà notre sauveur: il nous donne un pont!“ (Коцебу, Коцебу, вотъ нашъ спаситель, онъ даетъ намъ мостъ). Затѣмъ, не получая никакихъ приказаній, я хотѣлъ откланяться, но князь меня остановилъ: „non, non, je vous garde, vous resterez auprès de moi, j'ai besoin de vous“ (нѣтъ, нѣтъ, я не отпускаю васъ, вы останетесь при мнѣ, вы мнѣ нужны) и т. д. Все это съ тою скороговоркою, которая была свойственна благородному Михаилу Дмитріевичу. Мнѣ, однако, этого очень не хотѣлось, военныя дѣйствія были окончены, или, по крайней мѣрѣ, таковыхъ не предвидѣлось для арміи, находившейся подъ командою кн. Горчакова, въ близкомъ будущемъ, а я надѣялся въ нѣсколько дней окончить все, что мнѣ оставалось сдѣлать въ Бендерахъ, и скакать въ Петербургъ на Вонлярово, гдѣ должна была окончательно рѣшиться моя участь, такъ какъ я имѣлъ основаніе считать себя помолвленнымъ съ Анною Александровною Вонлярлярскою. По этимъ причинамъ, я сталъ увѣрять кн. Горчакова, что мнѣ оставаться при немъ невозможно, что я еще не окончилъ своего порученія, и что когда оно будетъ окончено, то мнѣ предстоитъ лично отдать отчетъ государю. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій со стороны князя, мнѣ удалось настоять на своемъ и я на другой день съ радостью простился съ Яссами и Молдавіею.

---

[1]) Впослѣдствіи оказалось, что не только мой мостъ былъ слишкомъ коротокъ—для ширины Днѣстра при селеніи Маяки, но что по случаю топкихъ, на значительное разстояніе, береговъ рѣки нельзя было достигнуть моста, не устроивъ предварительно плотинъ, т. е. гатей, на что не было ни времени, ни средствъ, ни распоряженія, такъ что войска, направленныя на Маяки, должны были перемѣнить маршрутъ и, сдѣлавъ огромный крюкъ, подняться вверхъ по Днѣстру, чтобы переправиться подъ Бендерами. В. Д.

V.

На Крымскомъ полуостровѣ.

Представленіе Государю.—Вѣсть о сраженіи при Альмѣ.—Командировка въ Крымъ.—Въ долинѣ Бельбека.—Составъ главной квартиры.—Севастопольскія укрѣпленія.—Бодрость и энергія его защитниковъ.—Начальникъ севастопольскаго гарнизона.—Военная прогулка въ Байдарскую долину.—Чангарскій мостъ.—Сивашъ.—Керчь.—Еникале.

Сентябрь 1854 г.

8-го сентября 1854 г. возвратился я въ Петербургъ и немедленно явился въ Гатчинѣ государю. Онъ показался мнѣ особенно озабоченнымъ, и послѣ самаго милостиваго привѣтствія и выслушанія всего, что касалось моего порученія, онъ меня спросилъ, что̀ слышно въ Одессѣ о десантныхъ англо-французскихъ войскахъ, прибавляя:

— „По газетамъ судя, они должны высадиться въ Крыму. Тамъ князь Меншиковъ предполагаетъ встрѣтить непріятеля, какъ онъ доноситъ, на Альмѣ, если непріятель высадится сѣвернѣе,— въ случаѣ же неудачи—у него останутся двѣ позиціи, на Качѣ и Бельбекѣ. О Севастополѣ онъ мнѣ ничего не пишетъ, но я полагаю, что онъ тамъ надѣлалъ много чудесъ“, textuel (дословно)[1]).

Я ничего не зналъ и сказалъ только, что въ Одессѣ ничего не знаютъ кромѣ того, что главныя непріятельскія силы—послѣ несчастной ихъ экспедиціи въ Добруджу сосредоточиваются въ Варнѣ. Затѣмъ государь приказалъ мнѣ ѣхать на сутки къ батюшкѣ въ Кронштадтъ, а потомъ возвратиться въ Гатчино на жительство. Скоро и незамѣтно пролетѣли для меня слѣдующіе 8 дней. Государь и императрица, великіе князья своимъ вниманіемъ и особенно милостивымъ обращеніемъ меня совсѣмъ очаровали. Нѣкоторые любимые товарищи, общество В. А. Нелидо-

---

[1]) Эти чудеса такъ весьма правильно были названы государемъ. Когда Тотлебенъ пріѣхалъ въ Севастополь, онъ засталъ тамъ дѣйствительно много чудесъ, главныя приготовленія для защиты города заключались въ какихъ-то баррикадахъ на улицахъ. Баррикады эти были вооружены фальконетами.—Это все зналъ и самъ видѣлъ князь Меншиковъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, самъ постоянно занимавшійся всѣми отраслями военной науки.

В. Д.

вой, Lise Rauch поглощали все время; я было забылъ и о Черномъ морѣ и о непріятельской армадѣ..... какъ вдругъ 16 числа пробѣжала вѣсть: пріѣхалъ Грейгъ (адъютантъ кн. Меншикова). Государь очень сердился, государь очень опечаленъ, Грейгу запрещено говорить!.... Конечно, если бы я видѣлъ Грейга—я бы что нибудь узналъ, но отъ государя военный министръ увелъ его къ себѣ, а потомъ отправилъ въ Петербургъ, и я съ товарищами оставался въ полномъ невѣдѣніи событій, донесеніе о которыхъ привезено Грейгомъ. 17-го утромъ государь потребовалъ меня къ себѣ въ 11 часовъ утра. Взойдя въ кабинетъ, я засталъ государя сидѣвшимъ за письменнымъ столомъ, на которомъ лежала карта Крыма. Онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:— „Ты меня извини—ты еще не отдохнулъ, а я тебя опять посылаю. Непріятель высадился близъ Евпаторіи, на Альмѣ разбилъ кн. Меншикова, который теперь, вѣроятно, отрѣзанъ отъ Россіи; что сталось съ Севастополемъ—не знаю!“...

При этихъ словахъ, крупныя двѣ слезы скатились съ его глазъ и упали на лежавшую предъ нимъ карту. Я никогда не забуду, — сколько страданія, сколько нѣжной любви я почувствовалъ въ эту минуту къ Николаю Павловичу, котораго и прежде всегда обожалъ. Я не помнилъ себя, обнялъ государя, заплакалъ и сталъ утѣшать того, кому было суждено умереть отъ печали. Что я говорилъ—не помню, но государевы слова какъ будто еще слышу, онъ мнѣ сказалъ протяжно:

— „Да, ты молодъ—тебѣ еще можно все видѣть въ розовомъ цвѣтѣ... для меня же все черно!... Въ настоящее время армія кн. Меншикова, вѣроятно, не существуетъ, или отрѣзана отъ насъ. Теперь намъ надо принять мѣры для возстановленія сообщенія съ арміею кн. Меншикова, если она существуетъ, а во всякомъ случаѣ—не допустить непріятеля занять весь Крымскій полуостровъ. Поѣзжай въ Перекопъ,—постарайся привести крѣпостцу, которая тамъ находится, въ такое положеніе, чтобы затруднить непріятелю занятіе перешейка. Теперь въ Крымъ направлена 12-я пѣхотная дивизія, явись къ генералу Липранди и скажи ему, что я тебѣ приказалъ находиться при его дивизіи, въ качествѣ начальника инженеровъ. Въ случаѣ встрѣчи сильнѣйшаго непріятеля, окапывай ихъ“ (ихъ—предполагалось дивизію Липранди).

Затѣмъ государь меня благословилъ, поцѣловалъ, но я нѣсколько минутъ не выходилъ изъ кабинета, чтобы прислуга не видала меня рыдающимъ... Въ тотъ же день я поѣхалъ въ Петербургъ, а на слѣдующій, 18-го, отправился въ Крымъ.

Прощаясь, государь мнѣ сказалъ:

— „Я уже приказалъ Долгорукову (военный министръ) снабдить тебя инструкціею, деньгами и повелѣніемъ всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ оказывать тебѣ полное содѣйствіе".

Я, дѣйствительно, получилъ краткое предписаніе относительно возобновленія крѣпости, давно не существовавшей; какъ я узналъ впослѣдствіи, на мѣстѣ, она была упразднена въ 1824 году и съ тѣхъ поръ жители ничтожнаго города Перекопа выбирали камни изъ хорошо сохранившагося эскарпа крѣпости для своихъ построекъ.

Грейга я не видѣлъ; военный министръ неопредѣленно отвѣчалъ на мои вопросы и почти только повторялъ уже сказанное мнѣ государемъ, притомъ, какъ всегда, пріятно улыбался — и этимъ дѣлался мнѣ невыносимымъ. Я спѣшилъ его оставить и отправился, озабоченный, взволнованный и преисполненный опасеній. Между Москвою и Тулою, я разъѣхался съ Альбединскимъ, везшимъ донесеніе кн. Меншикова объ извѣстномъ его фланговомъ движеніи, т. е. о томъ, что армія наша не отрѣзана, что Севастополь непріятелемъ не взятъ, и что англо-французы прошли почти въ виду Севастополя на Мекензіевъ хуторъ, въ Балаклаву. Но не видавъ Альбединскаго, я узналъ все это только въ Николаевѣ, при свиданіи съ Липранди. Поэтому можно судить, каково мнѣ было скакать, думая, что и Перекопъ уже, можетъ быть, занятъ непріятелемъ. О томъ, что я видѣлъ и дѣлалъ до прибытія моего въ главную квартиру кн. Меншикова, я здѣсь упоминать не стану; вся моя переписка того времени сохранилась, изъ нея видно, что въ Перекопѣ рѣшительно ничего нельзя было сдѣлать, и въ особенности, что измѣнившіяся обстоятельства дѣлали мое командированіе въ Перекопъ безполезнымъ, но будучи такъ близко отъ театра войны, мнѣ казалось неприличнымъ безъ особеннаго повелѣнія возвращаться въ Гатчину, а потому я написалъ бар. В. К. Ливену и просилъ его выхлопотать мнѣ разрѣшеніе состоять въ распоряженіи главнокомандующаго въ Крыму. Въ ожиданіи результата этого письма, я

отправился въ главную квартиру кн. Меншикова на Бельбекъ, близь станціи Дувалкой.

Кн. Меншиковъ давно былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ, хорошо зналъ въ молодости своей моихъ дядей Ѳедора и Николая, и въ Петербургѣ оказывалъ мнѣ всегда особое вниманіе, такъ что бывало въ Петергофѣ покойный Хомутовъ, мой бывшій добрый командиръ, посылалъ меня къ кн. Александру Сергѣевичу, говоря: „вы съ нимъ хороши — выпросите у него пароходъ для отправленія такой-то команды“. . . . . я все это привожу здѣсь, чтобы объяснить на чемъ была основана моя увѣренность въ хорошемъ пріемѣ главнокомандующаго, которому мнѣ предстояло явиться въ видѣ туриста.

Въ Бахчисараѣ я засталъ на станціи нѣсколько офицеровъ, изъ разговора которыхъ я долженъ былъ заключить, что общественное мнѣніе въ нашей арміи приписывало испытанную неудачу подъ Альмой съ одной стороны превосходству непріятельскаго вооруженія, съ другой—совершенному отсутствію единства распоряженій во время боя. Въѣхавши въ долину Бельбека, я очутился среди оживленія бивуачной жизни, но это оживленіе не представляло ничего веселаго. Мнѣ показалось, что войска упали духомъ; вскорѣ я убѣдился, что первое впечатлѣніе, производимое на меня видомъ солдатъ, было совершенно вѣрно.

23-го сентября 1854 г., подъѣзжая къ бивуачному расположенію главной квартиры, ямщикъ мой остановился, на вопросъ же мой—почему, отвѣчалъ мнѣ: „да вотъ надо подвязать колоколецъ—кн. Меншикъ не любитъ“.

Затѣмъ переѣхавъ Бельбекъ и поднявшись на гору, мы свернули направо и я очутился между палатками, въ которыхъ помѣщалась главная квартира. Тутъ совсѣмъ неожиданно для меня встрѣтилъ меня Левашевъ [1]). Я говорю неожиданно, потому что я его оставилъ въ Гатчинѣ; оказалось-же, что онъ былъ отправленъ двумя днями позже меня, но прибылъ ранѣе, потому что я заѣзжалъ въ Николаевъ и Херсонъ [2]) и пробылъ

---

[1]) Графъ Николай Васильевичъ, штабсъ-ротмистръ кавалергардскаго полка и флигель-адъютантъ.

[2]) Я забылъ сказать, что въ Алешкахъ я видѣлъ флигель-адъютанта Сколкова, которому подъ Альмой оторвало руку и который возвращался въ Россію послѣ перенесенной благополучно ампутаціи. В. Д.

двое сутокъ въ Перекопѣ. Я очень обрадовался этой встрѣчѣ и сталъ немедленно его распрашивать о составѣ главной квартиры, объ отношеніяхъ, предположеніяхъ, слухахъ, ожиданіяхъ и т. д. Къ удивленію моему, отвѣты были крайне неудовлетворительны, составъ же главной квартиры заслуживаетъ особеннаго описанія по своей оригинальности.

Должность начальника штаба и генералъ-интенданта исправлялъ нѣкто Вунишъ (полковникъ), всегда служившій на Кавказѣ, въ линейныхъ батальонахъ; наружность его не представляла ничего привлекательнаго, и всѣ удивлялись, что кн. Меншиковъ соединилъ въ его рукахъ двѣ совершенно различныя и важныя въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ обязанности. При кн. Меншиковѣ состоялъ д. ст. сов. Комовскій, въ качествѣ секретаря. Я его зналъ давно, познакомившись съ нимъ когда еще былъ юнкеромъ въ домѣ командира своего П. А. Витовтова. Онъ всегда служилъ по морскому министерству и если не пользовался довѣріемъ кн. Меншикова — князь А. С., кажется, никогда никому не оказывалъ довѣрія,—то былъ приближеннымъ къ нему подчиненнымъ; я же его считалъ всегда тѣмъ, что Гоголь называетъ „мышиный жеребчикъ“. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, ближе другихъ стоялъ къ главнокомандующему — адъютантъ его Панаевъ, но это, кажется, болѣе по части лошадей. Грейгъ былъ любимый адъютантъ кн. Меншикова, но онъ былъ въ отсутствіи. Еще были у него адъютантами капитанъ 2 ранга К. М. Веригинъ и бар. Виллибрантъ, славная и благородная личность; но его также не было на лицо, мнѣ сказали, что ему поручена какая-то рекогносцировка.

Оправившись немного отъ дорожной пыли, я спѣшилъ явиться главнокомандующему, чтобы объяснить ему мое странное неопредѣленное положеніе и попросить позволенія оставаться при немъ до полученія приказаній отъ государя. Кн. Меншиковъ принялъ меня очень любезно и немедленно пригласилъ меня обѣдать въ каютъ-компанію,—такъ называлась особая, довольно большая, палатка, въ которой обѣдали штабные. Послѣ обѣда, когда всѣ разошлись, кромѣ Левашева и меня, вошелъ къ намъ кн. Александръ Сергѣевичъ; послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ вопросовъ, обращенныхъ ко мнѣ, онъ меня просилъ сказать ему, какое произвело впечатлѣніе въ Петербургѣ извѣстіе, привезен-

ное туда Грейгомъ. — Я еще находился подъ вліяніемъ моего прощанія съ государемъ и потому отвѣчалъ: „самое тяжелое". Послѣ этого не дипломатическаго отвѣта, къ удивленію моему кн. Александръ Сергѣевичъ сталъ говорить шутливымъ тономъ объ Альменскомъ сраженіи и въ заключеніе и уже вставая, чтобы уйти, сказалъ: „he bien, il y avait ce jour là un moment où je croyais qu'on me donnerait le titre du comte d'Almaviva" (знаете-ли, въ этотъ день былъ моментъ, когда я думалъ, что мнѣ дадутъ названіе графа Альмавивы).

Эта выходка меня непріятно поразила, хотя я и привыкъ давно къ шуткамъ кн. Меншикова. Кстати надо упомянуть здѣсь, какъ еще лѣтъ пять или шесть тому назадъ, кн. Александръ Сергѣевичъ меня озадачилъ въ англійскомъ клубѣ. Пріѣхавши въ клубъ послѣ обѣда въ день баллотированія, когда былъ предложенъ въ члены адмиралъ Литке, я встрѣтилъ на лѣстницѣ кн. Меншикова уже уѣзжающимъ; на вопросъ мой, почему онъ такъ рано уѣзжаетъ — онъ мнѣ отвѣчалъ: „je n'étais venu que pour le temps strictement nécessaire pour mettre une boule noire a Lutke".... (я пріѣзжалъ лишь на нѣсколько минутъ, чтобы положить черный шаръ Литке).....

Въ тотъ же день, 23-го сентября, вечеромъ, я предложилъ Левашеву вмѣстѣ отправиться въ Севастополь; я былъ ужасно нетерпѣливъ видѣть эту крѣпость, удостовѣриться лично въ какомъ она состояніи и свидѣться съ Тотлебеномъ, котораго не видѣлъ полтора года. Пріѣхали мы уже поздно — и потому отложили объѣздъ бастіоновъ до другаго дня. 24-го утромъ мы явились къ вице-адмиралу Корнилову, который собирался ѣхать осматривать работы и очень любезно предложилъ намъ лично показать крѣпость и вновь воздвигаемыя укрѣпленія. Не стану описывать здѣсь въ какомъ положеніи я засталъ Севастополь, но не могу умолчать о произведенномъ на меня впечатлѣніи тѣмъ, что я видѣлъ. Я пришелъ въ совершенное отчаяніе при видѣ 5-го и 6-го бастіоновъ — соединенныхъ каменною стѣною, совершенно открытою, 4-й бастіонъ—былъ не что иное, какъ незначительное земляное укрѣпленіе въ видѣ люнета; его соединяли съ флешею, получившею впослѣдствіи названіе 3-го бастіона, траншеею, но траншею эту углублять было очень трудно по случаю каменистой почвы; мы взбирались съ трудомъ по этой траншеѣ на 3-й ба-

стіонъ; моя татарская лошадка неоднократно падала на колѣни, подымаясь по ступенямъ, высѣченнымъ въ камнѣ. Между 3-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ была ложбина, ничѣмъ не прикрытая и не обстрѣливаемая. Малахову башню спѣшили прикрыть гласированною насыпью; за Малаховымъ курганомъ ко 2-му бастіону предполагалось также сдѣлать насыпь съ банкетомъ, волчьими ямами и засѣками впереди, но 24-го сентября ничего этого еще не было, и Корниловъ не отрицалъ, что непріятель легко могъ атаковать на этомъ пунктѣ, даже кавалеріею, съ надеждою на успѣхъ.

Тутъ я вспомнилъ, съ какимъ отчаяніемъ отецъ мнѣ разсказывалъ въ 1850 году, что всѣ его просьбы и убѣжденія укрѣпить Севастополь съ сухопутной стороны, выдвинувъ значительно впередъ линію огня, остались безъ послѣдствій. Николай Павловичъ рѣшительно не хотѣлъ этого и шутилъ, говоря: — „Противъ кого ты это желаешь такъ укрѣплять Севастополь? противъ татаръ? они покорны, а въ случаѣ чего — и сдѣланнаго достаточно".

Возможности высадки государь рѣшительно не допускалъ, не смотря на поразительное пророчество генерала Мормона (Duc de Raguse), который въ своихъ запискахъ, еще въ 1830 годахъ, указывалъ на Крымъ и Севастополь, какъ на вѣроятный театръ войны въ случаѣ разрыва между Англіей, Франціей и Россіею. У меня сохранился планъ Севастополя, на которомъ рукою отца моего указаны предположенныя имъ измѣненія въ расположеніи Севастопольскихъ укрѣпленій. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы выдвинуть впередъ всю лѣвую половину оборонительной линіи и для этого занять тѣ отдѣльныя возвышенія, на которыхъ горькій опытъ заставилъ впослѣдствіи Тотлебена съ большою потерею людей строить Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій редуты. Въ 1857 г., въ Варшавѣ, баронесса Зассъ, рожденная графиня Штакельбергъ — читала мнѣ пространную статью „Times'a, весьма лестную для моего отца, въ которой англичанинъ отдавалъ полную справедливость его предусмотрительности и знанію инженернаго дѣла. Впослѣдствіи я неоднократно старался отыскать эту статью, но не успѣлъ въ этомъ; также мнѣ совершенно неизвѣстно какимъ образомъ редакторъ газеты „Times" могъ получить эти свѣдѣнія. Отецъ былъ мало

сообщителенъ и кромѣ какъ со мной, конечно, ни съ кѣмъ изъ постороннихъ никогда не говорилъ о разговорахъ своихъ съ государемъ.

Послѣ совершившагося десанта англо-французскихъ и турецкихъ войскъ въ Крыму я неоднократно задавалъ себѣ вопросъ, чему приписать рѣшительное мнѣніе государя и многихъ образованныхъ и опытныхъ военныхъ людей того времени, постоянно отвергавшихъ возможность десанта значительнаго отряда. Я полагаю, что въ Россіи не отдавали себѣ отчета въ огромныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ морскими державами, въ особенности же упускали изъ виду грамадное развитіе торговыхъ флотовъ, которое дало возможность собрать до 2,000 судовъ для перевозки десанта маршала Сентъ-Арно въ двое сутокъ изъ Варны къ берегамъ Крыма, не обременяя военныхъ судовъ, предназначенныхъ для встрѣчи нашего флота, на случай, если бы онъ не отказался выйти изъ Севастопольской бухты на неравный бой съ гораздо многочисленнѣйшимъ непріятелемъ, съ одними парусными противъ большаго числа отличныхъ паровыхъ судовъ [1]). Мнѣ также приходила мысль, что можетъ быть рѣшительныя мнѣнія Наполеона I, выраженныя въ письмахъ къ Іосифу, королю Неаполитанскому, опровергающія опасенія сего послѣдняго на счетъ ожидаемаго имъ десанта англичанъ въ Сициліи въ (?) году, можетъ быть, поддерживали въ нашихъ дѣятеляхъ 1854 года убѣжденіе, что значительнаго десанта, снабженнаго запряженною артиллеріею и обозомъ, перевезти невозможно.

Если видъ Севастопольскихъ укрѣпленій не представлялъ ничего утѣшительнаго, зато оживленіе и необыкновенное усердіе войскъ, работавшихъ въ то время на всѣхъ пунктахъ нашей оборонительной линіи, не могли не утѣшать и не радовать русскаго сердца. Въ особенности поражали меня матросы своею находчивостью и ловкостью при перевозкѣ и установкѣ огромныхъ бомбическихъ орудій изъ гавани на бастіоны. Всѣ сознавали, что въ близкомъ будущемъ должна рѣшиться участь Севастополя и судьба нашего славнаго Черноморскаго флота, который еще можно было воскресить, заставивъ непріятеля оставить Крымъ.

---

[1]) У насъ кромѣ четырехъ маленькихъ пароходовъ, всѣ корабли были парусные, изъ которыхъ нѣкоторые были очень ветхи. В. Д.

Возвратившись въ главную квартиру, я узналъ, что обо мнѣ справлялся кн. Меншиковъ, и когда узналъ, что я поѣхалъ въ Севастополь, сказалъ съ гримасою: „за-а-а-а-чѣмъ“? Вообще главная квартира представляла рѣзкій контрастъ съ Севастополемъ. Въ первой—мертвая тишина и уныніе, во второмъ — кипучая дѣятельность, при большихъ надеждахъ, ввзбужденныхъ энергіею Корнилова, необыкновенною заботливостью и самозабвеніемъ Нахимова и уже всѣми оцѣненными знаніемъ дѣла и пламеннымъ усердіемъ, которыми отличался Тотлебенъ. 28-го (сент.) прибылъ изъ Петербурга Альбединскій и привезъ извѣстіе о назначеніи полковника Попова начальникомъ главнаго штаба. Меня поразило, что маленькій Комовскій какъ-то двусмысленно отзывался объ этомъ назначеніи и потому я постарался узнать подробно, какъ это произошло и по чьей иниціативѣ. Оказалось, что при отправленіи Альбединскаго въ Петербургъ, кн. Меншиковъ жаловался на недостатокъ офицеровъ генеральнаго штаба и спрашивалъ его, не знаетъ ли онъ таковыхъ въ Петербургѣ. Альбединскій называлъ кн. Меншикову нѣкоторыхъ изъ нихъ и между прочими Попова, и въ Петербургѣ счелъ долгомъ доложить объ этомъ разговорѣ государю, и затѣмъ послѣдовало назначеніе начальника главнаго штаба. Можетъ быть, и мои свѣдѣнія не совсѣмъ вѣрны, во всякомъ случаѣ дѣло невѣроятное, но подтверждается тѣмъ оригинальнымъ пріемомъ, которымъ кн. Меншиковъ озадачилъ своего новаго начальника штаба. Онъ его принялъ не только сухо, но невѣжливо и приказалъ немедленно отправиться къ ген.-лейт. фонъ Моллеру, номинальному начальнику Севастопольскаго гарнизона, говоря: „у него вы найдете много чертежныхъ и письменныхъ занятій“ [1]).

Ѳ. Ѳ. Моллеръ командовалъ дивизіею, расположенною уже нѣсколько лѣтъ въ Крыму, и потому случайно очутился начальникомъ Севастопольскаго гарнизона, къ чему не имѣлъ ни малѣйшаго призванія. Фигура его напоминала тѣхъ, о которыхъ императоръ Павелъ говорилъ, что онѣ, какъ наводящія уныніе, не должны быть терпимы. Я его еще помнилъ командиромъ л.-гв. Павловскаго полка, въ которомъ онъ пріобрѣлъ извѣстную всей гвардіи весьма не лестную репутацію . . . . . .

[1]) См. «Записки А. Е. Попова» въ «Русской Старинѣ» 1877 г. т. XIX, 1878 г. т. XXI, 1881 г. т. XXXI. Ред.

. . . . Въ Севастополѣ же во время его начальства оказалось, что хозяина не было. Къ счастью, однако, его никто не признавалъ начальникомъ, все было въ рукахъ Корнилова, Нахимова и Тотлебена; но, къ несчастію, прибытіе Попова измѣнило этотъ порядокъ, настолько, что стали появляться приказы и приказанія по войскамъ, напоминающіе о существованіи генерала Моллера. Я говорю „къ несчастію“,—и потому долженъ подтвердить свое мнѣніе примѣромъ: навѣстивъ разъ В. И. Истомина, командовавшаго отдѣломъ первыхъ двухъ бастіоновъ и Малахова кургана, я засталъ Владиміра Ивановича въ бѣшенномъ состояніи. Успокоившись немного, онъ разсказалъ мнѣ причину своего гнѣва такимъ образомъ: „послѣ усиленнаго бомбардированія Севастопольскихъ укрѣпленій 5-го и 6-го октября, начальствующія лица и весь гарнизонъ имѣли полное основаніе ожидать, что непріятель попытается овладѣть Севастополемъ открытою силою, и потому генералъ Моллеръ снабдилъ всѣхъ отдѣльныхъ начальниковъ особыми диспозиціями на случай штурма. Въ диспозиціи, полученной В. И. Истоминымъ, были поименованы полки, которые никогда не входили въ составъ его отряда, а войска, которыя находились подъ его командой—не были вовсе упомянуты. Полученіе такой диспозиціи, когда всѣ ожидали штурма, не могло не взбѣсить положительнаго, основательнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пылкаго человѣка, какимъ былъ В. И. Истоминъ. Онъ немедленно поскакалъ объясниться съ Моллеромъ, который спѣшилъ извиниться и сказалъ при этомъ въ свое оправданіе — „вотъ вы сердитесь, но повѣрите-ли, столько дѣла, что, право, не до письма“.

Этотъ господинъ, хотя номинально, но оставался затѣмъ еще болѣе мѣсяца начальникомъ гарнизона, который никогда его не видалъ. Въ первыхъ числахъ октября Виллебранту поручилъ кн. Меншиковъ сдѣлать маленькую рекогносцировку отъ Байдарской долины къ Балаклавѣ съ цѣлью отодвинуть непріятельскіе аванпосты. Скучая безъ дѣла въ расположеніи главной квартиры, желая ознакомиться съ мѣстностью мало извѣстною вообще,—карты были плохія, а окрестностей Севастополя, отъ Инкермана до Балаклавы, даже вовсе не было карты, до пріѣзда великаго князя Николая Николаевича,—я примкнулъ къ отряду Виллебранта, составленному изъ 2-хъ эскадроновъ сводnаго

резервнаго уланскаго полка, подполковника Еропкина и нѣсколькихъ казаковъ. Къ намъ присоединился еще одинъ туристъ дипломатъ Гротъ, бывшій секретарь константинопольской миссіи, игравшій весьма не видную роль начальника дипломатической канцеляріи у кн. Меншикова, въ то время, когда, по выраженію донесенія маршала Сентъ-Арно своему императору, le canon avait parlé (заговорила пушка). Горными тропинками мы пробрались въ Байдарскую долину съ одними казаками; Еропкинъ долженъ былъ присоединиться къ намъ сутками позже; для ночлега расположились въ татарской саклѣ, очень комфортабельно, и рѣшили на другой день съѣздить на южный берегъ, не смотря на возможность встрѣтить команду французовъ или англичанъ и весьма легко попасть въ плѣнъ. Эта мысль мнѣ пришла три дня спустя, когда мы возвращались домой, а попавъ въ Байдары, мнѣ казалось непростительнымъ не полюбоваться южнымъ берегомъ, о которомъ я слышалъ столько восторженныхъ разсказовъ. Сама по себѣ прекрасная Байдарская долина пріятно поражала меня тѣмъ спокойствіемъ сельской тишины, которую, конечно, никто изъ насъ не ожидалъ найти такъ близко отъ двухъ враждебныхъ лагерей.

Рано утромъ мы отправились, конечно верхомъ, взглянуть на южный берегъ; послѣ значительнаго подъема по извилистому прекрасному шоссе, мы доѣхали до такъ называемыхъ, кажется, Желѣзныхъ воротъ, откуда открывается очаровательный видъ на море и на безконечный рядъ садовъ, защищенныхъ горами отъ сѣвера и потому представляющихъ растительность, напоминающую Неаполь и Генуэзскій заливъ. Я вообще не большой цѣнитель прелестей природы, но на сей разъ я особенно наслаждался всѣмъ, что представлялось моимъ взорамъ. Мы заѣзжали на дачи гр. Перовскаго, Безбородко и другихъ, которыхъ не помню.

Нагулявшись и накупивъ винограду, мы возвратились въ Байдары къ вечеру, разсуждая о томъ, какъ легко мы могли дорого поплатиться за наше любопытство. На другой день, рано утромъ, мы выступили уже, съ присоединившимся къ намъ Еропкинымъ, къ Балаклавѣ. Дорогою, уже въ виду непріятельскихъ аванпостовъ, я замѣтилъ Еропкину, что онъ безоруженъ, полагая, что онъ забылъ пристегнуть саблю. Но онъ пресерьезно мнѣ отвѣчалъ: „зачѣмъ мнѣ сабля? пусть наскочетъ, я и безъ оружія приму

какъ слѣдуетъ", при этомъ онъ показалъ кулакъ. Я принялъ это тогда за фанфаронство армейской удали, но каково было мое удивленіе, двѣ недѣли спустя, когда мнѣ разсказали, что въ дѣлѣ 14-го октября, когда англійская кавалерія лорда Кардигана атаковала нашъ отрядъ въ Кадыкіойской долинѣ, и англійскій драгунскій офицеръ наскочилъ на Еропкина, то сей послѣдній выждалъ его на мѣстѣ и ударомъ кулака сшибъ съ лошади. Наша военная прогулка окончилась безъ приключеній, непріятель отодвинулъ свои аванпосты, а мы возвратились на скучнѣйшій Бельбекъ.

Въ это время находился въ Крыму адъютантъ харьковскаго генералъ-губернатора, фамилію котораго не могу припомнить, онъ уѣзжалъ и потому охотно продалъ мнѣ свою добрую татарскую сѣрую лошадку съ сѣдломъ и принадлежностями. Не помню, котораго числа Левашевъ хотѣлъ пробовать покупаемую имъ лошадь и предложилъ мнѣ вмѣстѣ проѣхаться верхомъ. Только что спустились мы въ долину Бельбека, какъ встрѣтили фельдъегера. Поровнявшись съ нами, онъ остановился и подалъ мнѣ пакетъ отъ военнаго министра. Это было высочайшее повелѣніе съ полученіемъ немедленно отправиться на Чангарскій мостъ въ Еникале и въ Арбатскую крѣпость и представить свои соображенія, если я найду полезнымъ и возможнымъ укрѣпить Чангарскій мостъ и въ Еникалѣ проходъ въ Сивашъ, а что касается Арбата—только осмотрѣть производимыя тамъ работы. Мы, конечно, съ Левашевымъ повернули назадъ; дорогой онъ мнѣ сказалъ, что ему пробуемая имъ лошадь не нравится—и предложилъ мнѣ оставить мою лошадь у него, а для предстоявшей мнѣ поѣздки взять въ замѣнъ его тарантасъ (у меня экипажа не было)—я такъ спѣшилъ, ѣдучи въ Крымъ, что не успѣлъ купить таковаго въ Москвѣ. Я объ этомъ такъ распространяюсь по двумъ причинамъ, во-первыхъ потому, что эта сдѣлка съ Левашевымъ была единственная выгодная афера въ жизни моей, а во-вторыхъ—по печальнымъ послѣдствіямъ, которыя она имѣла для (Н. В.) Левашева.

Хотя я и не зависѣлъ отъ кн. Меншикова, я отправился къ нему, объявилъ ему о полученномъ мною высочайшемъ повелѣніи и на другой день рано утромъ поскакалъ на Симферополь къ Чангарскому мосту. Впослѣдствіи я узналъ, что кн. Мен-

шикову не нравились мои прямыя отношенія къ военному министру, а Грейгъ, по возвращеніи изъ Петербурга, называлъ меня шутя индепендентомъ, вѣроятно вслѣдствіе разговора съ Александромъ Сергѣевичемъ, который съ тѣхъ поръ сталъ обнаруживать свое ко мнѣ недоброжелательство. Не стану распространяться и входить въ подробности моего путешествія; я ѣхалъ по дорогѣ пустынной, степной, по которой распорядительный таврическій губернаторъ г.-л. Пестель направилъ, немедленно послѣ полученнаго извѣстія о высадкѣ непріятельскихъ войскъ, огромный обозъ со всѣмъ архивомъ и дѣлами симферопольскаго губернскаго правленія. По распоряженію кн. Меншикова эта глупость была скоро исправлена. Мнѣ предстояло положительно убѣдиться, какой опасности могъ подвергаться Чангарскій мостъ—еслибы непріятель, уничтоживъ всѣ препятствія, устроенныя при входѣ въ Азовское море противъ Керчи и Еникале, проникъ бы не только въ Азовское море, но и успѣлъ послать вооруженные катера чрезъ узкій проливъ между Геническомъ и оконечностью Арбатской косы, въ Сивашъ (гнилое море). Слѣдовательно, я долженъ былъ собрать свѣдѣнія—совершенно отсутствующія, hélas, и въ главной квартирѣ и въ военномъ министерствѣ,—о степени возможности и удобства прохода для мелкихъ судовъ чрезъ вышеуказанный проливъ въ Геническѣ и плаванія по Сивашу. По тщательнымъ справкамъ оказалось, что Сивашъ бываетъ судоходенъ для гребныхъ судовъ лишь при сильномъ восточномъ вѣтрѣ и то по небольшой части своего пространства, что 60 саженный проливъ на сѣверной оконечности Арбатской косы во всякое время можетъ быть легко загражденъ затопленіемъ всегда имѣющихся въ Геническѣ баржъ и другихъ мелкихъ судовъ. Пробывъ въ Геническѣ двое сутокъ и убѣдившись, къ удивленію своему, что запасы провіанта, о которыхъ я много слышалъ въ главной квартирѣ, совсѣмъ не такъ значительны, какъ меня увѣряли, я отправился по Арбатской косѣ въ Керчь. Я выѣхалъ изъ Геническа вечеромъ, ночью поднялась буря и мнѣ представилось рѣдкое зрѣлище: мѣстами Арбатская коса не шире ста саженъ между Сивашемъ и Азовскимъ моремъ, первое остается почти покойнымъ, но Азовское сильно бушуетъ; огромные валы набѣгаютъ на косу и постоянно угрожаютъ, по крайней мѣрѣ такъ кажется, поглотить несчастнаго путешественника и увлечь его въ море....

На слѣдующее утро я благополучно прибылъ въ Керчъ; погода была прекрасная, солнце ярко освѣщало бѣлые дома, Митридатову гору и на ней—Керченскій музей, напоминающій своею архитектурою Пестумъ и развалины храма Нептуна. Оказалось, что бо́льшая часть археологическихъ драгоцѣнностей, собранныхъ въ этомъ музеѣ, была уже вывезена, остальное было упаковано и ожидало отправленія; такимъ образомъ, мнѣ не удалось осмотрѣть этой рѣдкой коллекціи,—все, что было найдено при раскопкѣ кургановъ восточной части Крымскаго полуострова. Я немедленно явился къ ген.-ад. Хомутову, войсковому атаману войска Донскаго, прибывшему форсированными маршами изъ Новочеркаска, немедленно по полученіи извѣстія о высадкѣ непріятеля въ Крыму, съ нѣсколькими наскоро собранными полками. Полки эти были расположены вдоль морскаго берега, въ видѣ наблюдательныхъ постовъ, но, какъ мнѣ показалось, не могли принести ни малѣйшей пользы. Градоначальникъ князь Гагаринъ поразилъ меня равнодушіемъ, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ новѣйшимъ событіямъ, такъ сильно взволновавшимъ всю Россію. Инженерный полковникъ Натъ показывалъ мнѣ Павловскую батарею, построенную верстахъ въ четырехъ отъ города, для обстрѣливанія эстакады, изъ, сколько помнится, 70-ти потопленныхъ судовъ, запирающей входъ въ Керченскій проливъ. На другой день я осматривалъ старую турецкую крѣпостцу Еникале, вооруженную какими-то древними чугунными коронадами, которыми мечтали обстрѣливать другую эстакаду, преграждающую проходъ чрезъ проливъ Еникальскій. Впослѣдствіи оказалось, что эстакады эти не представляли никакой прочности, вѣроятно, суда, ихъ составлявшія, не были довольно нагружены камнемъ или якоря были малы, или канаты, которыми они прикрѣплялись, были гнилы, но, какъ извѣстно, непріятель свободно прошелъ въ Азовское море, не бывъ даже вынужденъ разбирать этихъ эстакадъ. Планъ этихъ фантастическихъ сооруженій у меня сохранился. На обратномъ пути въ Севастополь, я осмотрѣлъ Арбатскую, soi-disant, крѣпость, которую приводилъ въ оборонительное положеніе инженерный оберъ-офицеръ, фамилію котораго не могу припомнить, но помню, что онъ со мною согласился, что его труды совершенно безполезны.

VI.

Военныя дѣйствія въ октябрѣ 1854 г.

Чѣмъ было вызвано сраженіе подъ Кады-Кіой. — Отношеніе главнокомандующаго къ войску.—Полное отсутствіе картъ.—Инкерманское сраженіе.—Причины нашихъ неудачъ. — Отступленіе войскъ. — Способы перевозки раненыхъ.

15-го октября, пополудни, въ знойный день, не смотря на позднее время года, возвратился я въ Симферополь, голодный и уставшій, не смотря на Левашевскій тарантасъ; я велѣлъ себя везти прямо въ гостинницу „Золотаго якоря“ и немедленно заказалъ себѣ обѣдъ, въ ожиданіи котораго я ходилъ по комнатѣ. Не успѣли мнѣ еще подать обѣда, какъ вдругъ звукъ колокольчика и шумъ подъѣзжавшей телѣги привлекли мое вниманіе на улицу. Къ подъѣзду „Золотаго якоря“ подкатила телѣга, на которой сидѣлъ въ солдатской шинели и адъютантской фуражкѣ арапъ, съ большимъ, никогда не виданнымъ въ Африкѣ, носомъ. Къ моему неописанному удивленію оказалось, что это Левашевъ, возвращавшійся изъ Бессарабіи, куда на другой же день моего отъѣзда изъ главной квартиры посылалъ его кн. Меншиковъ; тогда-то оказалось, что въ то время, какъ моя лошадь отдыхала на Бельбекѣ на продовольствіи Левашева, какъ я пользовался удобствами тарантаса Левашева, онъ самъ прокатился въ телѣгѣ, на солнцѣ и пыли, до Бендеръ и обратно.

Пообѣдавъ съ Левашевымъ, мы вмѣстѣ отправились въ главную квартиру, которую застали гораздо бодрѣе, чѣмъ оставили; причина тому была побѣда, одержанная 13-го октября подъ селеніемъ Кады-кіой. Героемъ этого эфемернаго успѣха, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ Липранди. Я не имѣю намѣренія описывать главныя событія кампаніи 1854—1855-хъ годовъ, они принадлежатъ исторіи и уже давно получили общую извѣстность, но я знаю, по опыту, что важныя событія происходили иногда отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ, иногда совсѣмъ независимо отъ тѣхъ лицъ, которыя, послѣ удачнаго результата, приписывали себѣ, своимъ соображеніямъ, своей дальновидности и мудрости успѣхъ, для нихъ самихъ неожиданный, случайный... Поэтому, по моему мнѣнію, интересны всѣ подробности, имѣющія какое-либо отношеніе къ главнымъ событіямъ военнаго времени.

11-го октября кн. Меншиковъ потребовалъ къ себѣ адъютанта своего, барона Виллебранта, и сообщивъ ему, что государь упрекаетъ ему его бездѣйствіе, приказалъ немедленно отправиться къ генералу Липранди, въ Чаргунскій отрядъ, и спросить его: «не можетъ-ли онъ завтра съ своимъ отрядомъ «помаячить» textuel (дословно). Подобная опредѣлительность приказаній всегда отличала главное командованіе кн. Меншикова въ Крыму. Само собой разумѣется, генералъ Липранди былъ озадаченъ подобнаго рода предложеніемъ и просилъ отвѣчать, что завтра онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ ничего предпринять, но что онъ употребитъ слѣдующій день для осмотра позицій непріятеля и можетъ быть 13-го сдѣлаетъ нападеніе на высоты, лежащія впереди селенія Кады-кіой,—высоты, на которыхъ непріятель устроилъ и уже началъ вооружать батареи. Такимъ образомъ состоялось дѣло 13-го октября, получившее громкую извѣстность истребленіемъ нашею артиллеріею почти всей отборной англійской, весьма немногочисленной, кавалеріи, которая по недоразумѣнію, подъ предводительствомъ лорда Кардигана, безумно атаковала нашу полевую артиллерію и попала подъ перекрестный огонь нашихъ батарей. Настоящій результатъ маяченія генерала Липранди состоялъ въ уничтоженіи двухъ непріятельскихъ батарей, еще не вполнѣ вооруженныхъ турецкими орудіями, прислуга и прикрытіе которыхъ бѣжали послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ двухъ полевыхъ орудій, увезенныхъ турками, и еще въ томъ, что вниманіе непріятеля было обращено на Кады-кіойскую долину и на дорогу, ведущую чрезъ эту долину въ Севастополь. Съ тѣхъ поръ непріятель сильно укрѣпилъ высоты, командующія долину Кады-кіой, и расположилъ свои батареи такъ, что вышеозначенная дорога могла быть сильно перекрестно обстрѣливаема. Не смотря на это, съ этого времени начали составлять у насъ предположенія атаковать непріятеля на этомъ пунктѣ—и только откладывали его исполненіе до ожидаемаго прибытія 10-й и 11-й пѣхотныхъ и 2-й драгунскихъ дивизій [1]), шедшихъ на присоединеніе къ намъ форсированными маршами.

---

[1]) Здѣсь, кажется, память мнѣ измѣнила... кажется, 2-я драгунская дивизія пришла гораздо ранѣе и вотъ почему: по возвращеніи моемъ изъ Керчи, не помню котораго именно числа, я видѣлъ въ главной квартирѣ—нѣсколько лошадей Каргопольскаго драгунскаго полка и слышалъ весьма любопытный раз-

Я привожу этотъ любопытный фактъ, во-первыхъ, потому, что я могу ручаться за его достовѣрность (мнѣ объ этомъ говорилъ В. И. Истоминъ), во-вторыхъ, потому, что онъ доказываетъ справедливость моихъ словъ относительно состоянія нашей оборонительной линіи между 3-мъ бастіономъ и Малаховой башнею, и между сей послѣдней и 2-мъ бастіономъ. Дѣйствительно, хорошо должно было быть устройство нашей обороны, когда такой офицеръ, какъ В. И. Истоминъ, ни минуты не усумнился, когда ему доложили, что непріятель атакуетъ кавалеріею и приказалъ открыть огонь по несчастнымъ каргопольскимъ лошадямъ, топотомъ своимъ во тьмѣ ночной произведшимъ тревогу на всей дистанціи контръ-адмирала Истомина.

16 или 17 октября, главная квартира передвинулась къ селенію Чаргунъ, гдѣ сосредоточивались всѣ войска, прибывающія къ намъ на подкрѣпленіе. Тутъ мнѣ случилось объѣзжать въ свитѣ кн. Меншикова вновь пришедшія войска; при приближеніи главнокомандующаго къ одному изъ пѣхотныхъ полковъ, солдаты, со всѣхъ концовъ своего расположенія, бѣгомъ бросились на встрѣчу главнокомандующему; это видимо не понравилось Александру Сергѣевичу, который нѣсколько разъ сказалъ: „qu'est-ce qu'ils me veulent?“ (чего они хотятъ отъ меня?), потомъ какъ-бы не хотя тихимъ голосомъ поздоровался—и уѣхалъ. Я себѣ при этомъ тщетно задавалъ вопросъ: „русскій-ли это главнокомандующій?“ Мнѣ было и больно и грустно, и жаль бѣдныхъ недоумѣвающихъ солдатъ. Прибытіе на подкрѣпленіе арміи кн. Меншикова двухъ дивизій пѣхоты и одной драгунской насъ чрезвычайно ободрило и всѣ дѣлали различныя предположенія относительно вѣроятнаго и близкаго перехода нашихъ войскъ въ наступленіе. Кн. Меншиковъ былъ еще таинственнѣе, чѣмъ обыкновенно, штабныя фигуры были мнѣ антипатичны до нельзя, слѣдовательно я отъ нихъ не могъ ничего узнать, а потому я терпѣливо ожидалъ событій. Наконецъ, 20-го октября, Левашевъ провѣдалъ, что генералъ Данненбергъ—

сказъ о томъ, какъ ночью съ бивуака шарахнувшіяся лошади Каргопольскаго полка поскакали во всю конскую прыть—мимо Кады-кіой—по Балаклавской дорогѣ, прямо въ англійскій лагерь. Будучи встрѣчены батальнымъ огнемъ озадаченными англичанами, лошади эти поскакали далѣе по направленію къ Малахову кургану и 2 бастіону, откуда по нимъ открыли огонь наши войска.

В. Д.

представилъ главнокомандующему предположеніе атаковать непріятеля отъ Инкермана и лѣваго фланга Севастопольской оборонительной линіи, привлекая предварительно все вниманіе непріятеля на правый флангъ нашей оборонительной линіи сильною вылазкою. Носились слухи, что это предположеніе одобрено главнокомандующимъ, и что для приведенія его въ дѣйствіе главныя наши силы будутъ въ скоромъ времени передвинуты на Мекензіеву гору и къ сѣверной сторонѣ Севастополя. Все это оказалось основательнымъ и войска стали понемногу, не измѣняя положенія бивуаковъ, расположенныхъ впереди Чаргуна, переходить на вновь назначенныя имъ позиціи. 21 октября главная квартира оставила свое Чаргунское бивуачное расположеніе и перешла на сѣверную сторону Севастополя. До выступленія нашего, меня потребовалъ главнокомандующій и объявилъ, что *государю* угодно, чтобы я состоялъ при немъ и при этомъ, кривя душой, сказалъ мнѣ нѣсколько весьма не искреннихъ любезностей.

Между тѣмъ, ожидали прибытія великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, говорили также, что наступательныя наши дѣйствія начнутся не 23 числа, какъ было предположено сначала, а 24, чтобы дать возможность великимъ князьямъ участвовать въ дѣлѣ. Какимъ образомъ всѣ эти толки и предположенія могли оставаться тайною для непріятеля—для меня до сихъ поръ непостижимо!... Наконецъ, великіе князья пріѣхали, принятая диспозиція генерала Данненберга съ поправками, сдѣланными въ ней, какъ тогда говорили, по иниціативѣ полковника Попова, должна была приводиться въ исполненіе съ разсвѣтомъ 24-го октября. Въ настоящее время всѣмъ давно извѣстны всѣ событія, всѣ ошибки плачевнаго для насъ 24-го октября, но есть обстоятельства, которыя остались тайною, вѣроятно, потому, что ихъ разоблаченіемъ уже слишкомъ должно было страдать самолюбіе дѣйствующихъ лицъ. Напримѣръ, всѣ говорили, всѣ писали, что генералъ Соймоновъ не исполнилъ своего движенія на точномъ основаніи диспозиціи, что онъ перешелъ Киленбалку когда ему слѣдовало подвигаться по лѣвому ея краю и т. д.

Но никто откровенно не сознается, что ни въ главной квартирѣ, ни въ Севастопольскомъ гарнизонѣ не было ни одной, даже посредственной, карты Севастополя, и въ особенности той мѣст-

ности, на которой предполагалось дѣйствовать 24-го октября. Между тѣмъ великій князь Николай Николаевичъ привезъ съ собой одну небольшую, весьма удовлетворительную карту, полученную имъ отъ ген. Анненкова въ Одессѣ. Карта эта, литографированная въ топографическомъ депо, какъ оказалось впослѣдствіи, хранилась въ большомъ числѣ экземпляровъ, но въ строжайшей тайнѣ, въ архивѣ главнаго штаба въ Петербургѣ. Никто не говоритъ въ оправданіе генерала Соймонова, что онъ ссылался на свое незнаніе мѣстности и на неимѣніе картъ и плановъ, что вслѣдствіе этого къ нему были откомандированы 23-го числа, вечеромъ, два матроса, въ качествѣ проводниковъ, но что матросы эти, на разсвѣтѣ 24-го октября, когда ожидалась отъ нихъ важная услуга, оказались пьяными и не могли служить путеводителями.

Инкерманское сраженіе или, какъ его называли въ оффиціальной корреспонденціи того времени, „большая вылазка“, уже подробно, неоднократно описано, — я не буду входить въ подробности и въ критическій разборъ распоряженій начальства до и во время самаго дѣла. Многіе обвиняютъ генерала Данненберга и считаютъ его виновникомъ неудачи, этой единственной серьезной и хорошо задуманной попытки заставить непріятеля отказаться отъ осады Севастополя. Я не раздѣляю этого мнѣнія и всегда отвѣчалъ на сильныя выходки порицателей ген. Данненберга, что, не защищая сего послѣдняго, я не могу признать виновнымъ подчиненнаго, дѣйствующаго на глазахъ своего начальника, котораго обязанность была исправить замѣченныя ошибки, если онъ не успѣлъ предупредить ихъ. Кн. Меншиковъ, очевидно, не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности за послѣдствія предпріятія, одобреннаго имъ въ военномъ совѣтѣ, и потому не спѣшилъ выѣхать на поле сраженія. По диспозиціи ген. Данненбергъ долженъ былъ начать свое наступательное движеніе въ 5 час. утра; зная это, весь штабъ кн. Меншикова, въ томъ числѣ и я, былъ готовъ и на коняхъ ранѣе 5 ч., но намъ пришлось прождать до 8-ми час. и тогда только двинулись мы по направленію къ Инкерманскому мосту, т. е. въ то время, когда стремительно атакующія войска наши уже выбили непріятеля изъ укрѣпленій, составлявшихъ крайній правый флангъ расположенія англійскихъ войскъ. Мостъ, при впаденіи рѣки

Черной въ Севастопольскую бухту, приказано было возобновить, чтобы не привлечь вниманія непріятеля, лишь наканунѣ вечеромъ: матросы, которымъ были поручены эти работы, усердно проработали всю ночь и, не смотря на это, задержали наступленіе авангарда генер. Данненберга, подъ командою ген. Павлова. Когда главнокомандующій съ великими князьями и свитою проѣзжалъ чрезъ Инкерманскую гать и мостъ, уже встрѣчались раненые [1]), съ ассистентами; тутъ мнѣ объяснили, что это дѣло у насъ обыкновенное; когда раненый выбываетъ изъ строя, къ нему пристаютъ, въ видѣ провожатыхъ, двое-трое или болѣе товарищей, отстаютъ отъ своихъ частей и тѣмъ, безъ надобности, въ огромныхъ размѣрахъ увеличиваютъ число выбывшихъ изъ строя. Въ самомъ началѣ дѣла, послѣ занятія двухъ непріятельскихъ укрѣпленій, наши передовыя части сильно страдали отъ непріятельской артиллеріи, наша отстала, ее искали, самъ главнокомандующій подгонялъ обгонявшія насъ батареи, при этомъ замѣтна была какая-то зловѣщая неурядица, суетливость, просто, безпорядокъ. Такъ въ этой суматохѣ одинъ фейерверкеръ упалъ и чрезъ него переѣхало орудіе. Все это не предвѣщало ничего добраго.

Взобравшись, наконецъ, на возвышенную плоскость, пересѣченную только нѣсколькими оврагами и называемую Сапунъ-гора, я надѣялся получить хотя слабое понятіе о движеніи и дѣйствіи нашихъ войскъ, но надежда эта не сбылась. Кн. Меншиковъ не двигался впередъ, не получалъ донесеній, не посылалъ приказаній, однимъ словомъ, уничтожилъ всѣ мои понятія о ходѣ сраженій вообще. Разъ только онъ сказалъ Альбединскому проѣхать впередъ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Другой разъ приказалъ Владимірскому пѣхотному полку, проходившему мимо насъ, перемѣнить направленіе. Мы были такъ далеко отъ непріятеля, что до насъ долетали почти только безвредные снаряды. Изъ всего этого видно, что никто изъ составлявшихъ свиту главнокомандующаго не могъ получить и малѣйшаго понятія о ходѣ дѣла, и еще менѣе получить право критики.

Вслѣдъ за нами взобрались на Сапунъ-гору многочисленные

---

[1]) Въ лазаретномъ фургонѣ перевязывали раненаго полковника Бибикова, командира Охотскаго егерскаго полка. В. Д.

провіантскіе полуфурки, нагруженные турами, съ помощью которыхъ надѣялись наскоро устроить нѣсколько полевыхъ укрѣпленій, чтобы удалить непріятеля отъ Севастополя и чтобы имѣть точку опоры для предвидѣннаго сильнаго натиска французовъ. Дѣйствительно, сіи послѣдніе не дались въ обманъ вылазкою, сдѣланною ген. Тимоѳеевымъ, и, оставивъ противъ его отряда небольшую часть своихъ войскъ, послали весь корпусъ генерала Bosquet, au pas gymnastique, на выручку отступающихъ англичанъ. Говорятъ, что Bosquet, проходя мимо дороги, ведущей отъ Кады-кіой, и видя многочисленный отрядъ нашихъ войскъ, повидимому, готовый двинуться впередъ въ Чаргунской долинѣ, пріостановилъ свои войска, но чрезъ нѣсколько минутъ продолжалъ свое движеніе, которому и были обязаны англичане своимъ спасеніемъ, а мы потерею не только сраженія, но и надежды въ будущемъ заставить непріятеля снять осаду и оставить Крымъ.

Послѣ Инкерманской нашей неудачи много было толковъ; одни обвиняли Липранди въ его бездѣйствіи, другіе правильнѣе—кн. Н. Д. Горчакова, которому Липранди былъ подчиненъ, и потому самостоятельно не имѣя право дѣйствовать, не несъ и отвѣтственности. По моему мнѣнію, неслыханное дѣло совершеннаго бездѣйствія отряда кн. Горчакова, сильнаго кавалеріею и потому имѣвшаго возможность доставить огромный перевѣсъ нашему оружію противъ непріятельскаго, должно пасть исключительно на отвѣтственность кн. Меншикова, доставившаго готовую, хотя, можетъ быть, и не удовлетворительную, отговорку кн. Горчакову измѣненіемъ редакціи диспозиціи. Въ диспозиціи этой было сказано, между прочимъ, что когда атакующія войска отъ Инкермана оттѣснятъ англичанъ и будутъ подходить къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, защищающимъ Воронцовскую дорогу, ведущую мимо Кады-кіой отъ Комары въ Севастополь, отряду кн. Горчакова „атаковать“ и т. д. [1]).

Окончательно пересматривая эту диспозицію, кн. Меншиковъ вычеркнулъ слово: атаковать. и замѣнилъ его другимъ: отвлекать, вслѣдствіе чего кн. Горчаковъ и полагалъ, что онъ въ точности исполняетъ приказаніе главнокомандующаго, маневрируя со своимъ отрядомъ и стрѣляя изъ орудій на басно-

[1]) Не сохранивъ этой диспозиціи, я, конечно, не ручаюсь за точность выраженій.

словное разстояніе, не дѣлавъ ни малѣйшей попытки — взойти на Сапунъ-гору. Само собой разумѣется, опытнаго генерала Боске этою демонстраціею обмануть было трудно; не задумываясь долго, онъ двинулъ всѣ свои войска въ подмогу англичанамъ, оставивъ для наблюденія за Чаргунскимъ отрядомъ лишь одну бригаду. Генералъ Липранди въ своемъ донесеніи писалъ, не знаю на какомъ основаніи, что: „наступленіе его дивизіи достигло вполнѣ желаемой цѣли“ и т. д. Мнѣ по сіе время также осталось неизвѣстнымъ, почему генералъ Липранди доносилъ объ этихъ продѣлкахъ,—дѣломъ ихъ назвать нельзя,—а не кн. Горчаковъ, который командовалъ всѣмъ Чаргунскимъ отрядомъ, состоявшимъ приблизительно изъ 25,000 человѣкъ и, кажется, имѣлъ до 100 орудій, а потому мнѣ кажется объ одной дивизіи генерала Липранди не должно было быть и рѣчи.

Любопытно еще, что въ то время за бездѣйствіе Чаргунскаго отряда никто и не думалъ обвинять кн. Горчакова, а всѣ очень сильно порицали Липранди, и говорили, что сей послѣдній, какъ самолюбивый эгоистъ, не хотѣлъ, чтобы кн. Горчаковъ атаковалъ непріятеля, предвидя, что въ случаѣ успѣха, честь этого дѣла будетъ принадлежать старшему, въ случаѣ же неудачи, обвинятъ Липранди почему-де онъ не воспротивился распоряженіямъ кн. Горчакова. Изъ этого видно, что въ то время въ нашей арміи противодѣйствіе прямому начальству считалось дѣломъ обыкновеннымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—считалось обязанностью. Вообще меня поражали часто и наводили на грустныя размышленія примѣры совершенной распущенности, явно доказывающіе, что настоящая дисциплина достигается не варварскою строгостью, а примѣромъ старшихъ [1]).

Когда я приходилъ въ ужасъ при видѣ разныхъ, по моему мнѣнію непростительныхъ, безпорядковъ, меня называли новичкомъ, прибавляя: „это вѣдь все Красное село“. Конечно, это меня нисколько не убѣждало, ибо по моему мнѣнію въ Красномъ селѣ пріучали насъ къ порядку, точности исполненія приказаній и строгому пониманію долга не для Краснаго села, а для военнаго времени, когда всякій безпорядокъ, всякое даже

[1]) Въ нашей арміи въ то время, и даже позже, когда я командовалъ полкомъ, я считалъ (нѣкоторыхъ) офицеровъ гораздо менѣе солдатъ заслуживающими уваженія. В.

мелкое упущеніе влечетъ за собой неминуемо самыя вредныя послѣдствія. Мнѣ случилось видѣть, какъ раненый въ ногу солдатъ отбивалъ прикладъ своего ружья, бросалъ штыкъ и употреблялъ стволъ въ видѣ палки. При отступленіи нашихъ войскъ за Черную рѣчку по гати, Бородинскій полкъ стрѣлялъ въ воду, ни одинъ офицеръ не обратилъ на это вниманія; я наконецъ не выдержалъ и обратился къ одному изъ офицеровъ съ вопросомъ: „что они дѣлаютъ"?—онъ отвѣчалъ: „это—такъ, ничего"...

Офицеръ этотъ оказался самъ командиръ полка, полковникъ Гордѣевъ, шедшій пѣшкомъ между солдатами, повидимому совершенно отказавшійся отъ того значенія и вліянія, которыя возлагались на него его званіемъ и чиномъ. Впослѣдствіи я съ удовольствіемъ читалъ, что онъ уволенъ въ отставку уже въ чинѣ генералъ-маіора. На этой гати, куда я былъ посланъ кн. Меншиковымъ [1]) когда уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что мы окончательно были разбиты, я засталъ страшный безпорядокъ, объясняющійся вполнѣ безучастіемъ и совершенною пассивностью начальствовавшихъ лицъ. Генералъ Павловъ проѣхалъ съ видимымъ удовольствіемъ куря сигару, но не обращая ни малѣйшаго вниманія на поспѣшное отступленіе войскъ. Разныя повозки—лазаретные фургоны двигались медленно на измученныхъ лошадяхъ, часто останавливаясь и заграждая дорогу—отступающимъ полкамъ. Съ удовольствіемъ отдаю справедливость Селенгинскому и Якутскому полкамъ, которые хотя потерпѣли не менѣе другихъ и даже должны были отступать еще съ бо́льшею поспѣшностью, чѣмъ другіе, потому что, до послѣдней ми-

[1]) Для наблюденія за порядкомъ и немедленнымъ уничтоженіемъ моста послѣ окончательнаго отступленія всѣхъ нашихъ войскъ. Когда я скакалъ по приказанію кн. Меншикова къ устью Черной рѣчки мимо зарядnаго ящика, лошади котораго были убиты, одна изъ нихъ, пристяжная, еще не окончательно издохла и въ тотъ самый моментъ, когда я поровнялся съ нею, съ успѣхомъ и глухимъ стономъ приподнялась и перевернулась на спинѣ. Это моего татарскаго скакуна до того озадачило, что онъ совсѣмъ для меня неожиданно сдѣлалъ огромный прыжекъ вправо, я съ трудомъ усидѣлъ, но не могу сказать въ сѣдлѣ, а почти на передней лукѣ казачьяго сѣдла, къ которому не привыкъ и терпѣть не могу, и ужасно ушибся, такъ что, какъ говорятъ въ простонародіи, искры изъ глазъ посыпались, но задумываться было некогда и кромѣ легкой боли въ теченіи нѣсколькихъ дней никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ того ушиба не было. В. Д.

нуты составляя лѣвое крыло нашей арміи, они рисковали быть отрѣзанными французами, сильно налегавшими на нашъ лѣвый флангъ, проходили въ порядкѣ, и по моему предложенію, пройдя гать, полковникъ Лабошинскій, командиръ Селенгинскаго полка, немедленно построилъ свой полкъ въ колонны къ атакѣ для встрѣчи непріятеля, еслибы онъ вздумалъ преслѣдовать насъ за правый берегъ Черной рѣчки.

На правомъ берегу Черной рѣчки, близь дороги, у подошвы скалистаго возвышенія расположенъ былъ перевязочный пунктъ, гдѣ человѣкъ двадцать медиковъ исполняли свою трудную обязанность, дѣлая перевязки и ампутаціи, при этомъ видно было и нѣсколько священниковъ. Еще не всѣ полки спустились въ долину Черной рѣчки, когда непріятель, поставивъ два орудія на отвѣсномъ возвышеніи, составляющемъ лѣвый берегъ Черной рѣчки, открылъ огонь по нашимъ отступающимъ войскамъ. Какъ скоро первая граната упала въ долину, все бросилось бѣжать; тщетно я старался возстановить порядокъ, никто меня не слушался: пробѣгая мимо, солдаты съ удивленіемъ смотрѣли на посторонняго человѣка, старавшагося о томъ, что̀ такъ мало занимало ихъ прямое, большею частью отсутствовавшее, начальство. Другая граната упала въ центръ перевязочнаго пункта, гдѣ находилось до 400 раненыхъ и изувѣченныхъ, въ одно мгновеніе при раненыхъ не оказалось ни одного доктора, ни одного священника: какъ и куда они такъ скоро исчезли—для меня по сіе время остается дѣломъ не разгаданнымъ. Этотъ фактъ можетъ показаться невѣроятнымъ и потому я охотно ссылаюсь на свидѣтелей, могущихъ подтвердить его, а именно на адъютанта кн. Меншикова, капитанъ-лейтенанта Веригина, присланнаго, какъ и я, для наблюденія за порядкомъ, и на капитана Алабина, старшаго адъютанта, кажется, 11 дивизіи, съ необыкновеннымъ усердіемъ и самоотверженіемъ хлопотавшаго объ успокоеніи раненыхъ и о перевозкѣ ихъ въ госпитали и лазареты. При этомъ я впервые убѣдился, что при нашей арміи для перевозки больныхъ и раненыхъ не имѣется никакихъ приспособленій. Фургоны и телѣги могутъ считаться инструментами пытки, а никакъ не удобнымъ средствомъ перевозки раненыхъ, наконецъ и тѣхъ и другихъ слишкомъ недостаточно. Отвоевавъ у подводчиковъ телѣги, нагруженныя турами, съ которыми они никакъ

не хотѣли разстаться, я присутствовалъ при томъ, какъ капитанъ Алабинъ съ заботливостью, выше всѣхъ похвалъ, съ помощью нѣсколькихъ фельдшеровъ и нижнихъ чиновъ укладывалъ раненыхъ на телѣги. Но при этомъ не могу не сказать, что я никогда не забуду страданій, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Можно нѣтъ, кажется, невозможно себѣ представить, что̀ долженъ испытывать раненый, когда его подымаютъ на неуклюжую высокую телѣгу—бока которой, благодаря желѣзнымъ гакамъ для прикрѣпленія брезента, не представляютъ нигдѣ ничего гладкаго. На днѣ телѣги только одинъ человѣкъ можетъ лежать на спинѣ по случаю полукруглаго дна ея, другіе должны лежать бокомъ, отчасти придавливая перваго—положить же болѣе трехъ значитъ убить первыхъ. Затѣмъ когда лошади тронули и привели въ движеніе этотъ смертоносный для больныхъ инструментъ, называемый телѣгою, по неровной каменистой крымской дорогѣ, раненые издавали такіе звуки, что я и по сіе время не могу вспомнить о нихъ не содрогаясь. Понемногу число раненыхъ перевязочнаго пункта уменьшилось, проходили уже только одиночные отсталые; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ нашей телеграфной батареи, непріятельскія орудія умолкли и водворилась полная тишина.

Я уже хотѣлъ приказать ломать мостъ, но вдругъ вспомнилъ, что съ войсками не отступала артиллерія и страшное безпокойство овладѣло мной. Я бы долго оставался въ этомъ мучительномъ недоумѣніи, еслибы не пріѣхалъ молодой артиллерійскій офицеръ сказать мнѣ, что вся полевая артиллерія отступила въ Севастополь. Капитанъ Алабинъ объявилъ мнѣ, что имъ замѣчено большое скопленіе раненыхъ по ту сторону Черной рѣчки, и что было бы безчеловѣчно оставить ихъ, прибавляя, что они понемногу приползутъ къ Черной. На это мичманъ съ парохода „Херсонесъ“ предложилъ оставить два барказа въ устьѣ рѣки Черной и доставить на нихъ всѣхъ раненыхъ, которые будутъ приходить прямо въ Севастополь.

Уже смеркалось, было, кажется, семь часовъ вечера, мостъ мигомъ разобрали; можно было думать и о себѣ,—ѣсть страшно хотѣлось, лошадка моя была измучена, а до моей палатки считали не менѣе шести верстъ. Константинъ Михайловичъ Веригинъ вывелъ меня изъ этого раздумья превосходнымъ предло-

женіемъ, а именно отправить лошадей домой съ казаками, а самимъ попросить шлюпки съ „Херсонеса“ и отправиться на этотъ пароходъ попросить чаю у капитана Руднева, знакомаго Веригина, и потомъ шлюпки для возвращенія домой водой. Само собой разумѣется, что я съ восторгомъ принялъ это предложеніе и чрезъ четверть часа любезный и гостепріимный капитанъ „Херсонеса“ угощалъ насъ яйцами въ смятку и чаемъ, о чемъ я по сіе время вспоминаю съ живѣйшею благодарностью. Уже былъ 11-й часъ, когда я возвратился къ Севастополю и явился главнокомандующему, чтобы ему доложить объ исполненіи моего порученія. Онъ мнѣ показался совершенно разстроеннымъ, убитымъ, тѣмъ не менѣе приготовлялъ донесеніе государю о несчастныхъ событіяхъ дня. Получивъ лаконическую благодарность, я отправился домой, гдѣ былъ радостно встрѣченъ не только товарищами, но и великими князьями, потому что до нихъ дошелъ какой-то слухъ, что я раненъ или даже убитъ. Въ тотъ же вечеръ кн. Меншиковъ потребовалъ Левашева и объявилъ ему, чтобы онъ приготовился немедленно ѣхать съ донесеніемъ въ Петербургъ, прибавляя — „ce serait le tour de Dehn, mais il a une si étrange manière de voir—que je préfère, que cela soit vous“ (по настоящему—очередь Дена, но у него такіе странные взгляды, что я предпочитаю послать васъ).

Напрасно кн. Меншиковъ давалъ себѣ трудъ говорить о моемъ образѣ мыслей. Гр. Н. В. Левашевъ раньше меня прибылъ въ главную квартиру, слѣдовательно не мнѣ, а ему слѣдовало считаться на первой очереди для отправленія съ донесеніемъ.

VII.

После Инкерманскаго сраженія.

Неудовлетворительность медицинской помощи.—Главная квартира. — Мародерство.—Буря и наше неумѣніе ею воспользоваться.—Госпитальная часть. — Новый начальникъ Севастопольскаго гарнизона.

Ноябрь и декабрь 1854 г.

Не могу сказать, чтобы намъ было весело послѣ Инкерманскаго дѣла, не смотря на всевозможныя удобства, которыя доставляло намъ присутствіе великихъ князей. Меня помѣстили въ одной комнатѣ дома, занимаемаго великими князьями, съ Краснокутскимъ и Павломъ Шуваловымъ, адъютантами в. кн. Николая Николаевича; для чая, завтрака, обѣда и вечерняго чая собирались всѣ въ большой палаткѣ великихъ князей, разбитой на дворѣ занимаемаго нами домика. Погода стояла пасмурная, дождливая, великіе князья безпрестанно посѣщали госпиталя, дома и казармы, въ которыхъ помѣщались раненые. Видъ сихъ послѣднихъ наводилъ на меня грусть неописанную; казалось, что кн. Меншиковъ, давая сраженіе, не допускалъ и мысли, что будетъ много раненыхъ; такъ мало было замѣтно, чтобы что либо было приготовлено для успокоенія страдальцевъ, которые лежали въ грязныхъ комнатахъ на грязныхъ нарахъ, а многіе даже на постоянно сыромъ полу безъ всякой подстилки, кромѣ собственныхъ питановъ. Медицинскаго пособія было также недостаточно, перевязки дѣлались рѣдко,—тифъ распространялся съ неимовѣрною быстротой—смертность даже между легко ранеными была очень значительная. Ежедневно до насъ доходили звуки музыки, съ которою хоронили офицеровъ, между тѣмъ незамѣтно было, чтобы принимались какія либо мѣры для устраненія всѣхъ недостатковъ нашихъ лазаретовъ; кн. Меншиковъ относился ко всему очень равнодушно, и тѣмъ возмущалъ меня противъ себя.

Не знаю, было-ли то уступка, сдѣланная общественному мнѣнію или просьбамъ великихъ князей, но вскорѣ послѣ Инкерманскаго сраженія полковникъ Вуншъ снизошелъ до скромной

должности старшаго адъютанта или дежурнаго штабъ-офицера, а начальникомъ главнаго штаба былъ назначенъ ген.-м. Семякинъ, командиръ 1 бригады 12 пѣхотной дивизіи. Это былъ хитрый хохолъ, ужасный говорунъ и балагуръ, приводившій въ отчаяніе добрѣйшаго Алексѣя Илларіоновича Философова, которому онъ рѣшительно не давалъ слова вымолвить, когда обѣдалъ у великихъ князей. Однако, упражненіе языка было настоятельною потребностью для Алексѣя Илларіоновича. Онъ уже всѣмъ изъ насъ поочередно, а потомъ и всѣмъ вмѣстѣ неоднократно разсказалъ, какъ онъ былъ раненъ подъ Силистріею, Карсомъ или Ахалцыхомъ—не помню; его разговоры съ разными значительными лицами, разные анекдоты и т. п., такъ что бывало, когда онъ начнетъ разсказъ, то слушатель, перебивая его и дѣлаясь въ свою очередь разсказщикомъ, досказывалъ начатый имъ разсказъ или анекдотъ. Это показалось невыносимымъ Алексѣю Илларіоновичу, и мы замѣтили, что онъ сталъ удаляться немедленно послѣ обѣда. Въ это время пріѣзжалъ въ Севастополь адъютантъ военнаго-министра гр. Петръ Шуваловъ. Онъ между прочимъ хотѣлъ удостовѣриться, хорошо-ли содержатся раненые, взятые въ плѣнъ французы и англичане и потому ходилъ въ отведенное для нихъ помѣщеніе въ укрѣпленіе № 4, въ двухъ шагахъ отъ домика, занимаемаго нами. Одинъ изъ плѣнныхъ французовъ, отвѣтивъ на вопросы Шувалова о его содержаніи и леченіи, сказалъ ему, что не только заботятся объ ихъ леченіи, но и объ ихъ удовольствіи, что ежедневно, послѣ обѣда, приходитъ какой-то старый плѣшивый farceur, по его словамъ, qui nous blague, que c'est une bénédiction. L'autre jour il nous assurait qu'il était grand-officier de la légion d'honneur (чудакъ, по его словамъ смѣшившій ихъ до слезъ. На дняхъ онъ увѣрялъ насъ, что онъ имѣетъ большой крестъ почетнаго легіона).... Послѣднее обстоятельство разъяснило намъ дѣло: оказалось, что Философовъ нашелъ между ранеными французами пріятныхъ и покорныхъ слушателей и предпочиталъ ихъ общество нашему.

Нѣсколько дней послѣ Инкерманскаго сраженія, пріѣхалъ къ намъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Щаскевичъ изъ Кишинева, любознательности ради. Онъ поселился на яхтѣ кн. Виктора Ивановича Барятинскаго, стоявшей на рейдѣ, но ежедневно приходилъ съ нами обѣдать, а потомъ играть въ карты.... это

было единственно возможное развлеченіе. Какъ пріѣзжаго, я его сопровождалъ на южную сторону Севастополя, гдѣ мы объѣхали вмѣстѣ всѣ бастіоны на лошадкахъ, обязательно мнѣ доставленныхъ милымъ Шестаковымъ. Этотъ Шестаковъ былъ адъютантомъ Корнилова, считался прекраснымъ офицеромъ, я его зналъ какъ пріятнаго и образованнаго собесѣдника и съ искреннимъ сожалѣніемъ узналъ впослѣдствіи, что онъ погибъ во время ночнаго нападенія непріятеля на Волынскій редутъ, но не помню, было-ли это во время перваго штурма этого укрѣпленія, блистательно отбитаго храбрымъ Хрущевымъ, или при окончательномъ взятіи этого редута непріятелемъ.

Между тѣмъ,—въ особенности это стало замѣтнымъ послѣ Инкерманскаго сраженія,—значительно начало развиваться у насъ мародерство; во всѣхъ селеніяхъ, отдѣльныхъ домахъ, дачахъ, садахъ и виноградникахъ стали показываться праздношатающіеся солдаты, которыхъ не досчитывались въ полкахъ и показывали, кого убитыми, кого безъ вѣсти пропавшими. Въ одномъ Бахчисараѣ, по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до главнокомандующаго, такихъ мародеровъ скопилось больше тысячи. Это доказываетъ, какой порядокъ соблюдался въ арміи кн. Меншикова и какъ исправно исполняли свою обязанность корпусные и дивизіонные гевальдигеры. Донесеніе о разныхъ безпорядкахъ, насильствахъ и даже грабежахъ побудили, наконецъ, кн. Меншикова командировать меня въ Бахчисарай съ порученіемъ, посредствомъ мѣстной и военной полиціи, переловить солдатъ, укрывающихся въ Бахчисараѣ и окрестностяхъ и, составляя изъ нихъ правильныя команды, направлять въ части, которымъ онѣ принадлежали. Въ трое сутокъ удалось мнѣ составить 17 такихъ командъ, благодаря усердному содѣйствію подполковника Шостака, бахчисарайскаго полиціймейстера, и возвратить въ полки болѣе двухъ тысячъ человѣкъ; къ сожалѣнію, должно сознаться, что въ этомъ числѣ были и офицеры....

Возвратившись въ главную квартиру, я засталъ тамъ вновь прибывшаго товарища Даню Гербеля, еще совершенно измученнаго дорогой, т. е. ужаснымъ, но уже слишкомъ мнѣ знакомымъ способомъ путешествія на перекладной. Для Гербеля же, постоянно страдавшаго мигренями, трясская телѣга была совершенно невыносима и онъ 400 верстъ проѣхалъ въ телѣгѣ стоя.

Это кажется невѣроятнымъ, но Гербель еще живъ (1863 г.), слава Богу, и можетъ подтвердить мои слова. Уже прошло нѣсколько дней послѣ пріѣзда Гербеля и я съ удивленіемъ видѣлъ, что онъ и не помышляетъ объѣхать бастіоны. Я ему намекнулъ на это, говоря: „*помилуй, каждаго изъ насъ главнокомандующій* можетъ ежеминутно отправить къ государю съ донесеніемъ. Государь непремѣнно будетъ каждаго разспрашивать, вникая даже въ подробности.... если ты будешь отвѣчать: не знаю, не видѣлъ —государь непремѣнно скажетъ“....

Гербель поспѣшилъ перебить меня и сказалъ: „дуракъ!“

На другой же день онъ перебывалъ на всѣхъ бастіонахъ и благодарилъ меня за то, что я надоумилъ его это сдѣлать.

2-го ноября была необыкновенно сильная буря, до того сильная и опасная въ Черномъ морѣ для судовъ—заблаговременно не успѣвшихъ удалиться отъ береговъ Крыма, что мы имѣли основаніе ожидать совершенной гибели, если не всѣхъ судовъ, то, по крайней мѣрѣ, большей части непріятельскаго флота. Волненіе было такъ сильно, вѣтеръ такъ порывистъ, что много купеческихъ судовъ выбросило на берегъ и разбило о камни. Пароходы непріятельскіе лишь съ большими усиліями избѣгали этой участи, на всѣхъ парахъ съ трудомъ удерживаясь на мѣстѣ. Большія непріятельскія суда, стоявшія противъ устьевъ рѣки Качи, закрыли свои люки и не были въ состояніи наносить намъ ни малѣйшаго вреда, даже если-бы приведенная къ этому мѣсту наша полевая артиллерія открыла по нимъ огонь. Для меня осталось не разъясненнымъ, почему начальство не разсудило полезнымъ содѣйствовать разъяреннымъ стихіямъ и увеличить бѣдствія непріятеля. Я убѣжденъ, что можно было заставить нѣсколько военныхъ кораблей спустить флаги. Увы, и этотъ случай имѣть какой-нибудь успѣхъ былъ упущенъ. На другой день буря стала утихать, вѣтеръ перемѣнился и всякая опасность для непріятельскаго флота миновала. Генералъ Данненбергъ двигалъ свои войска къ устьямъ рѣки Качи безъ всякой пользы,—главнокомандующій, сколько мнѣ извѣстно, посылалъ приказаніе жечь суда, подошедшія на выстрѣлъ... результатовъ не оказалось никакихъ.

Въ началѣ ноября общество, постоянно собиравшееся у великихъ князей, значительно уменьшилось: Альбединскій и

Грейгъ, контуженные оба однимъ ядромъ, отправлены для леченія въ Симферополь; Владиміръ Меншиковъ, также контуженный, еще ранѣе переѣхалъ въ гостинницу „Золотаго якоря", зато пріѣхали къ намъ Генгі Крейцъ и Анатолій Барятинскій. Сей послѣдній состоялъ въ то время адъютантомъ военнаго министра и постоянно разъѣзжалъ для ускоренія доставки въ Севастополь пороха, потребленіе котораго, въ особенности въ первое время обороны Севастополя, производилось въ огромныхъ размѣрахъ и не соотвѣтствовало имѣвшимся запасамъ, — и въ особенности медленной доставки изъ заводовъ. Переписка и пререканія объ этомъ между военнымъ министромъ и главнокомандующимъ велись самыя дѣятельныя; кн. Меншиковъ безпрестанно объ этомъ говорилъ и не затруднялся громогласно и при всѣхъ порицать бездѣйствіе, безпечность и несообразительность кн. Долгорукова. Разъ, повидимому, выведенный изъ терпѣнія какой-то бумагой, полученной имъ отъ военнаго министра, кн. Меншиковъ разсказывалъ, какъ мало у него пороху, какъ доставка его ежедневно дѣлается затруднительнѣе, по случаю портившихся дорогъ по времени года и въ заключеніе сказалъ про кн. В. А. Долгорукова: „J'ai beau lui écrire, lui qui ne l'a pas inventée, qui ne l'a jamais tentée—ne sait pas même, comment s'y prendre pour m'en envoyer". (Напрасно я пишу ему объ этомъ; не выдумавъ пороха, никогда не пробовавъ это, онъ не знаетъ даже, какъ мнѣ его доставить).

Гербель былъ командированъ въ Симферополь для устройства госпиталей и для наблюденія за отправкою всѣхъ раненыхъ и больныхъ, которые въ состояніи перенести перевозку въ дальніе госпитали, Перекопъ, Херсонъ, Николаевъ, Бериславъ и Екатеринославъ. Къ несчастію, и въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ нигдѣ ничего не было приготовлено для успокоенія большаго числа больныхъ; отсутствіе заботливости и предусмотрительности военнаго министерства—меня поражали и приводили въ негодованіе.

Въ это время кн. Меншиковъ далъ мнѣ порученіе, которое меня удивило, по своей очевидной несвоевременности и безполезности, и явно указывало на то, что мое присутствіе при великихъ князьяхъ не нравилось главнокомандующему, который придумывалъ предлоги для удаленія меня изъ главной квартиры;

онъ мнѣ поручилъ отыскать удобное мѣсто на Салгирѣ за Симферополемъ, для устройства обширнаго ретраншемента для обозовъ всей арміи, и просилъ сдѣлать соображеніе и проектъ для укрѣпленнаго вагенбурга. Я очень хорошо понялъ настоящую цѣль кн. Меншикова и первый разъ въ жизни приступилъ къ исполненію возложеннаго на меня порученія безъ энергіи и усердія, однако немедленно отправился въ Симферополь, откуда предполагалъ дѣлать поиски для выбора удобнаго мѣста для вагенбурга на рѣкѣ Салгирѣ.

Въ теченіи трехъ дней я по утрамъ ѣздилъ на развѣдки, но возвращался ежедневно въ Симферополь, гдѣ мы всѣ собирались для обѣда. Я говорю всѣ, подразумѣвая всѣхъ изгнанниковъ по разнымъ причинамъ изъ главной квартиры, т. е. Альбединскаго, Грейга, Меншикова, пользовавшихся отъ контузіи, Гербеля, съ ранняго утра хлопотавшаго о больныхъ и часто разсказывавшаго намъ разные ужасы, какъ о положеніи раненыхъ, о недостаткѣ госпитальной прислуги, бѣлья, медицинскаго пособія и т. п. Окончивъ мое порученіе, т. е. выборъ мѣста для вагенбурга, и написавши черновое предположеніе съ отвратительнымъ чертежемъ (я никогда, даже въ молодости, не умѣлъ чертить), прежде чѣмъ возвратиться въ Севастополь—я хотѣлъ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія по госпитальной части и потому разговорился съ полковникомъ Кинбурнскаго драгунскаго полка, барономъ Кюстеромъ [1]), служившимъ прежде въ гвардейскомъ конно-піонерномъ эскадронѣ, а тогда назначеннымъ завѣдывать всѣми госпиталями въ Симферополѣ. Онъ мнѣ сообщилъ много неутѣшительнаго, но въ особенности меня поразило слѣдующее обстоятельство: когда баронъ Кюстеръ былъ назначенъ на его настоящую должность, онъ уже засталъ нѣсколько тысячъ раненыхъ и больныхъ, размѣщенныхъ во многихъ частныхъ домахъ Симферополя, и при первомъ его посѣщеніи этихъ домовъ, называвшихся госпиталями только потому, что въ нихъ помѣщались больные, безъ всякихъ госпитальныхъ приспособленій, ему всѣ раненые жаловались, что они не ви-

[1]) Постоянныя посѣщенія госпиталей не прошли для него безнаказанно; на 3-мъ мѣсяцѣ его дѣятельности онъ скончался отъ тифозной горячки. Д.

дятъ лекарей и что, по неимѣнію прислуги, больнымъ некому даже воды подать, не говоря уже о томъ, чтобы перемѣнить бѣлье, поправить постель и т. д.

Вслѣдствіе этихъ заявленій, онъ дѣлалъ представленія по командѣ и, дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени (но я увѣренъ, что раненымъ и больнымъ оно показалось безконечнымъ), прибыло нѣсколько лекарей и 400 человѣкъ изъ разныхъ полковъ, для ухода за больными. По приходѣ этой импровизированной госпитальной прислуги, возникъ вопросъ, какимъ порядкомъ, на какія средства и кому именно слѣдуетъ продовольствовать этотъ маленькій батальонъ въ 400 человѣкъ? Между тѣмъ эти несчастные голодали. Чтобы не дать имъ умереть голодною смертью, баронъ Кюстеръ обратился въ Симферопольскую провіантскую компанію, которая, въ отвѣтъ, потребовала аттестатовъ на провіантъ. Оказалось, что таковые не высланы изъ полковъ и людямъ на руки выдаваемы не были. Все это происходило въ теченіи нѣсколькихъ дней, а когда, вслѣдствіе сношенія съ полками, были получены аттестаты на провіантъ, съ объясненіемъ, что по случаю поспѣшности, съ которою требовались нижніе чины въ Симферополь для прислуги въ госпиталяхъ, не успѣли имъ выдать аттестатовъ, вся эта прислуга, отъ изнуренія и госпитальнаго уже заразительнаго воздуха, сама собой превратилась въ больныхъ; эти несчастные валялись на грязныхъ, сырыхъ полахъ, никто ихъ не пользовалъ, не кормилъ, а госпитальное начальство сдѣлало вновь представленіе о недостаткѣ госпитальной прислуги.

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ этихъ ужасныхъ результатовъ страшной неурядицы, безтолковія, безпечности и равнодушія, которыя составляли отличительную черту и характеристику Меншиковской военной администраціи, я поскакалъ къ главнокомандующему и съ негодованіемъ доложилъ ему о всемъ, что происходило въ Симферополѣ. Я воображалъ, что будетъ назначено строжайшее слѣдствіе и что всѣ виновные, а по моему мнѣнію ихъ было много, получатъ должное возмездіе за ихъ тяжелыя прегрѣшенія. Князь Меншиковъ сказалъ мнѣ очень спокойнымъ, тихимъ голосомъ:

— „Pouvais-je soupçonner, que la stupidité humaine pouvait aller jusque-là!“ (Могъ-ли я думать, чтобы людская глупость доходила до такой степени).

Затѣмъ потребовалъ отъ меня отчета въ исполненіи даннаго мнѣ порученія и съ большимъ вниманіемъ прослушалъ мои предположенія для устройства совершенно безполезнаго вагенбурга, къ укрѣпленію котораго нельзя было приступить, не отвлекая рабочихъ силъ отъ Севастополя, гдѣ ихъ было недостаточно. Это происходило вечеромъ; на другой день я отправился къ начальнику главнаго штаба, чтобы узнать, что̀ приказано главнокомандующимъ вслѣдствіе моего вчерашняго доклада. Семякинъ мнѣ отвѣчалъ, что кн. Меншиковъ ничего ему не говорилъ.

Тогда я вспомнилъ Константина Ивановича Истомина, называвшаго всегда кн. Меншикова „аспидомъ".

— Повѣрьте, повторялъ онъ,—это аспидъ, а не человѣкъ.

Послѣ этого, мнѣ оставалось только возложить всю надежду на генерала Семякина; я ему сообщилъ все, что зналъ о симферопольскихъ госпиталяхъ и упрашивалъ его немедленно принять рѣшительныя мѣры для исправленія ихъ отчаяннаго положенія. Еще до Инкерманскаго сраженія носились слухи, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ Миллеръ, уже достаточно доказавшій свою полную, никѣмъ не оспариваемую, неспособность командовать Севастопольскимъ гарнизономъ, будетъ смѣненъ въ непродолжительномъ времени, но не было слышно, кѣмъ онъ будетъ замѣненъ. Когда я ѣхалъ въ Симферополь, между станціею Дувалкой и Симферополемъ, встрѣтилъ я, къ моему большому удивленію, бар. Дмитрія Ерофеевича Сакена, съ его адъютантомъ Гроттусомъ; Дмитрій Ерофеевичъ, увидѣвъ меня, приказалъ остановиться, вышелъ изъ своего грузнаго тарантаса, шагомъ тащившагося по глубокой и вязкой грязи и, послѣ обычныхъ объятій и цѣлованій, жадно сталъ распрашивать меня о положеніи Севастополя;—затѣмъ объявилъ мнѣ, что онъ назначенъ начальникомъ Севастопольскаго гарнизона, а фл.-адъют. кн. Викторъ Илларіоновичъ Васильчиковъ его начальникомъ штаба.

Я искренне обрадовался этой новости, въ убѣжденіи, что эти двѣ благородныя личности съумѣютъ поднять духъ гарнизона, придать желанное и совершенно отсутствующее единство распоряженіямъ и дѣятельности начальствующихъ лицъ, которыя, по сіе время, хотя съ самоотверженіемъ и усердіемъ выше всякой похвалы, исполняли свои обязанности, но безъ того согласія и

желанія помогать другъ другу, которое не можетъ существовать безъ сильнаго всесосредоточивающаго начала. Взявъ съ меня обѣщаніе посѣщать его, какъ скоро возвращусь въ Севастополь, бар. Сакенъ продолжалъ свой путь.

День спустя послѣ моего возвращенія въ главную квартиру, я отправился къ бар. Сакену, думая спокойно побесѣдовать съ нимъ за чашкою чая. Какъ оказалось, я совершенно ошибался: не смотря на поздній часъ (уже было 8 ч. вечера) и страшную темноту, которая заставляетъ жителей Крыма даже въ деревняхъ не ходить безъ фонарей, Дмитрій Ерофеевичъ куда-то собирался... Почти въ одно время со мной, пришелъ и кн. Васильчиковъ. Оказалось, что въ 9 ч. должны были дѣлать вылазку съ 4-го бастіона и бар. Сакенъ желалъ при этомъ присутствовать. Осѣдланныя лошади стояли у подъѣзда, мнѣ оставалось только сопутствовать начальнику гарнизона, и потому я попросилъ лошади и позволенія присоединиться къ этой ночной экспедиціи, которой не могъ себѣ объяснить. Спускаясь по лѣстницѣ, кн. Васильчиковъ просилъ меня уговорить бар. Сакена не ѣхать, говоря очень основательно, что присутствіе главнаго начальника совсѣмъ не нужно при маленькой вылазкѣ, разсчитанной для уничтоженія непріятельскихъ траншейныхъ работъ. Я, конечно, совершенно раздѣлялъ это мнѣніе, но пока мы говорили, Дмитрій Ерофеевичъ уже сѣлъ на лошадь и мы должны были послѣдовать его примѣру. Съ нами ѣхалъ адъютантъ барона, Гроттусъ, и два жандарма. Когда мы выѣхали въ сады, отдѣлявшіе городъ отъ 4-го бастіона, лошадь бар. Сакена стала сильно спотыкаться и, наконецъ, чуть-чуть не упала. Онъ приказалъ двумъ жандармамъ ѣхать какъ можно ближе, по обѣ его стороны, а кн. Васильчиковъ еще разъ просилъ меня уговорить барона не ѣхать далѣе, говоря:

— Помилуй, у него куриная слѣпота, онъ въ потьмахъ ничего не видитъ.

Послѣ этого я рѣшился употребить свое жалкое краснорѣчіе, чтобы убѣдить Дмитрія Ерофеевича возвратиться; я его убѣждалъ, что онъ ничего не увидитъ, что войска не узнаютъ, что онъ между ними, а что если, чего Боже упаси, одна изъ бомбъ, которыя поминутно, но только на мгновенье, освѣщали мѣстность, убьетъ его, то это будетъ для него смерть безславная, для защиты Севастополя безполезная, и для довершенія прибавилъ:

— А меня въ какое положеніе вы ставите предъ Анною Ивановной [1]); она мнѣ никогда не проститъ, что я не съумѣлъ отговорить васъ безъ пользы подвергать себя опасности.

Эти послѣднія слова подѣйствовали; подозвавъ Гроттуса, онъ приказалъ ему ѣхать на четвертый бастіонъ и, по окончаніи вылазки, доложить ему о результатѣ ея. По возвращеніи домой, бар. Сакенъ обнялъ меня, благодарилъ за Анну Ивановну и прибавилъ:

— Vous m'avez empêché de faire une bêtise (вы помѣшали мнѣ сдѣлать глупость).

Все, что я только что разсказалъ, произвело на меня непріятное впечатлѣніе. Мнѣ показалось, что между начальникомъ и его начальникомъ штаба нѣтъ полнаго довѣрія, и въ особенности кн. Васильчиковъ, не привыкшій къ странностямъ барона Сакена и подъ впечатлѣніемъ ихъ, не отдавалъ справедливости дѣйствительно рѣдкимъ качествамъ Дмитрія Ерофеевича.

Въ концѣ ноября мнѣ пришлось еще разъ побывать на севастопольскихъ бастіонахъ, для сопровожденія полковника Гангардта, моего стараго одесскаго знакомаго — прибывшаго въ Крымъ съ какимъ-то порученіемъ отъ новороссійскаго генералъ-губернатора. Въ то время до насъ ежедневно доходили слухи о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ непріятельскими войсками, о недостаткѣ пищи, теплой одежды, которыя при изнурительныхъ осадныхъ работахъ порождали болѣзни и распространяли деморализацію,—въ особенности въ рядахъ англичанъ. Эти слухи подтверждались большимъ числомъ перебѣжчиковъ. Кромѣ того я былъ увѣренъ, что мы воспользуемся жалкимъ состояніемъ непріятельскихъ войскъ, чтобы въ теченіи зимы дѣйствовать наступательно, и потому очень понятно, что въ разговорахъ съ полковникомъ Гангардтомъ я не допускалъ и мысли, чтобы Севастополь могъ быть взятъ непріятелемъ или оставленъ нами. Впослѣдствіи, къ моему неописанному удивленію, Н. Н. Набоковъ, служившій въ то время въ военномъ министерствѣ, разсказывалъ мнѣ, что онъ самъ читалъ всеподданнѣйшее донесеніе генералъ-адъютанта Анненкова, въ которомъ сей послѣдній писалъ, между прочимъ: „флигель-адъютантъ Деп полагаетъ, что Севастополь не будетъ взятъ".

[1]) Его жена, которую онъ страстно любилъ. Д.

VIII.

Послѣдніе дни царствованія и кончина Николая Павловича.

Вѣсть о болѣзни императрицы.—Обѣдъ у кн. Барятинскаго.—Отправленіе курьеромъ въ Петербургъ. — Утомительный переѣздъ.—Отношеніе ко мнѣ двора.—Награды.—Болѣзнь государя.—Его кончина.—Слухи, ходившіе въ Петербургѣ.—Рѣчь молодаго государя.—Дежурство въ первый день новаго царствованія.—Командировки флигель-адъютантовъ.—Похороны императора Николая Павловича.

ноябрь 1854 г.—февраль 1855 г.

Въ послѣднихъ числахъ ноября, великіе князья получили извѣстіе объ опасной болѣзни императрицы и вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе немедленно возвратиться въ Петербургъ; не помню 1-го, 2-го или 3-го декабря они отправились въ путь. Мы ихъ провожали до десятой версты верхомъ и тогда уже окончательно простились. Мнѣ и въ голову не приходило — что я съ ними разстаюсь только на нѣсколько дней. У насъ никакихъ замѣчательныхъ событій не было и потому нельзя было предвидѣть отправленія кого либо изъ насъ курьеромъ. Не прошло и часу послѣ нашихъ проводовъ великихъ князей, какъ какой-то писарь пришелъ меня звать къ главнокомандующему. Кн. Александръ Сергѣевичъ, подергивая ртомъ (привычка, которая у него обнаруживалась въ особенности когда ему что-нибудь было непріятно), спросилъ меня—готовъ-ли я ѣхать съ донесеніемъ въ Петербургъ. На мой утвердительный отвѣтъ, онъ приказалъ зайти къ нему за депешами на другое утро въ 6 ч. и потомъ, по французски, взялся дѣлать мнѣ топографическое описаніе южной части Крыма, доказывать непроходимость дорогъ и совершенно упуская изъ виду, что онъ самъ себя, какъ главнокомандующаго, жестоко обвиняетъ, рѣшительно совѣтывалъ мнѣ ѣхать до Симферополя верхомъ. По свойственной мнѣ глупости я только гораздо позже догадался, что въ разсчеты князя входило, чтобы поѣздка въ Петербургъ курьеромъ изнурила меня до одуренія и чтобы я не былъ въ состояніи передать своихъ впечатлѣній государю. Послѣ этого милаго разговора съ главнокомандующимъ, я отправился на импровизированный пиръ къ кн. Анатолію Ивановичу Барятинскому. Я говорю „импровизированный“, потому что, послѣ

неожиданнаго отъѣзда великихъ князей, мы еще не поспѣли и подумать объ устройствѣ какого-либо хозяйства, т. е. артели. Барятинскій жилъ въ одномъ домѣ съ Крейцомъ, въ такъ называемой, вѣроятно въ насмѣшку, сухой балкѣ, ибо когда я шелъ обѣдать, я совершенно завязъ и, послѣ большихъ усилій, хотя мнѣ и удалось дойти до назначенія, но безъ сапога на лѣвой ногѣ. Тутъ меня ожидалъ самый пріятный сюрпризъ; Барятинскій, узнавъ отъ меня, что я на другой день долженъ ѣхать, объявилъ мнѣ, что онъ также уѣзжаетъ въ Черниговскую губернію и предложилъ мнѣ въ колескѣ довести меня до Перекопа. Не будь этого благопріятнаго обстоятельства, я бы, можетъ быть, послушался совѣтовъ Александра Сергѣевича и, проѣхавъ верхомъ до Симферополя, не выдержалъ бы пытки ѣзды на перекладной и Богъ вѣсть когда доставилъ бы свои депеши, впрочемъ, какъ оказалось, важныя только по ихъ адресу.

5-го декабря 1854 года оставилъ я Севастополь не безъ горестнаго чувства; я былъ свидѣтелемъ многихъ подвиговъ храбрости, самоотверженія; большинству изъ нихъ суждено было пройти безплодно, безслѣдно. Впервые мнѣ приводилось видѣть въ ея гнусной наготѣ—дурную сторону всего человѣческаго, но надо сознаться, что, вѣроятно, рѣдко можно встрѣтить въ жизни примѣры эксплуатаціи бѣдствій, порождаемыхъ войной, и человѣческихъ страданій, какихъ я былъ свидѣтелемъ въ Крыму. Но и себя я не могу не обвинять въ эгоизмѣ когда вспоминаю, что я не безъ радости оставлялъ мѣста, гдѣ безропотно погибали тысячи людей, съ однимъ большею частью безсознательнымъ инстинктивнымъ чувствомъ исполненія долга и служенія отечеству.

Съ Анатоліемъ Ивановичемъ мы благополучно доѣхали до Перекопа [1]). Здѣсь я купилъ нагольный тулупъ, чтобы предо-

[1]) Не бывавшій въ то время въ Крыму не можетъ себѣ представить въ какомъ состояніи тамъ были дороги: отъ долины Бельбека до Симферополя намъ пришлось ѣхать по глубокой грязи, въ которой нашли смерть сотни изнуренной скотины. Переѣзжая черезъ трупы верблюдовъ и воловъ, невозможно было ускорить ѣзду, а между тѣмъ зараженный воздухъ раздагающимися тѣлами не позволялъ отнимать носоваго платка отъ носа. Но это страданія только физическія, къ которымъ должно присоединить и моральныя... Какъ тихо мы ни ѣхали, однако обгоняли цѣлые караваны раненыхъ, мучившихся отъ неудобства телѣгъ, въ которыхъ ихъ везли, и испускавшихъ такіе жалостные стоны, что у меня слезы неудержимо лились изъ глазъ и сердце ныло...

хранить себя отъ холода, который начиналъ дѣлаться весьма чувствительнымъ, въ особенности для меня, потому что, получивъ приказаніе въ Гатчинѣ немедленно отправиться въ Крымъ, я не имѣлъ никакой возможности позаботиться о своемъ гардеробѣ, и при мнѣ оказалась только шинель, подбитая щелкомъ, и солдатская шинель. Не смотря на курьерскую подорожную и отсутствіе всякаго багажа, я ѣхалъ относительно весьма медленно, въ особенности по случаю темныхъ ночей. Недалеко за Перекопомъ, мой ямщикъ сбился съ дороги, возилъ меня по полямъ цѣлую ночь и къ разсвѣту привезъ къ той самой станціи, въ которой я перепрягалъ лошадей наканунѣ вечеромъ. Уже совершенно измученный, я подъѣзжалъ къ станціи въ сѣверной части Екатеринославской губерніи, съ твердымъ и рѣшительнымъ намѣреніемъ отдохнуть и напиться чаю, какъ вдругъ ямщикъ сбился опять съ дороги и опрокинулъ мою телѣгу въ канаву, наполненную водой. Промокшіе до костей, съ трудомъ выбравшись изъ канавы, мы проѣздили еще болѣе часу и, наконецъ, доѣхали до станціи, гдѣ я надѣялся согрѣться и обсушиться.

Но моимъ надеждамъ не было суждено осуществиться; на станціи, куда я прибылъ весь измокшій, ночевалъ цѣлый транспортъ сестеръ милосердія, отправленныхъ въ Крымъ для ухода за больными, по распоряженію великой княгини Елены Павловны. Этихъ сестеръ было слишкомъ 30, онѣ расположились во всѣхъ комнатахъ, не исключая смотрительской, и мнѣ, по неволѣ, не оставалось ничего, кромѣ продолженія путешествія, уже превратившагося въ мученіе. Всю Харьковскую губернію я проѣхалъ по замерзшей грязи, проклиная судьбу; въ Бѣлгородѣ я долженъ былъ бросить тулупъ, купленный въ Перекопѣ, и свою солдатскую шинель, которыя до того измокли, покрылись и пропитались грязью, что давили плечи и до нихъ нельзя было дотронуться безъ отвращенія. Лицо мое было покрыто грязью и могло уподобиться ласточьему гнѣзду; съ помощью запаса носовыхъ платковъ, мнѣ удавалось лишь расчищать глаза. Въ Бѣлгородѣ я купилъ новый тулупъ и мужицкій зипунъ, въ которомъ благополучно доѣхалъ до Курска. Въ этомъ городѣ, меня ожидала двойная радость: во-первыхъ, я засталъ тамъ отставшаго отъ великихъ князей Павла Шувалова, во-вторыхъ, мнѣ объявили на станціи, что отъ Курска начинается санный

путь и что меня повезутъ въ кибиткѣ. Радость моя была неописанная; я тотчасъ же предложилъ Шувалову, ради скорости, оставить его коляску и ѣхать со мной, съ условіемъ платить за меня прогоны, потому что я предчувствовалъ, что я неминуемо засну мертвымъ сномъ—и, дѣйствительно, я проспалъ до Тулы. Подъѣзжая къ Москвѣ, мы встрѣтили Герстенцвейга и Волкова, отправленныхъ въ Крымъ, но разъѣхались такъ быстро, что не могли сказать другъ другу ни одного слова.

На седьмыя сутки послѣ моего отъѣзда изъ Севастополя, т. е. 12-го декабря, къ вечеру, нашъ возокъ остановился въ Москвѣ у гостинницы Шевалье. Но и тутъ нельзя было отдыхать; я приказалъ освѣтить и затопить камины въ цѣлой амфиладѣ бель-этажа, приготовить роскошный обѣдъ, а самъ поскакалъ на извощикѣ на Петербургскую желѣзную дорогу объявить о своемъ пріѣздѣ и просить начальника станціи медленно приготовлять для меня поѣздъ, т. е. не торопясь топить локомотивъ, чтобы дать мнѣ время и возможность оправиться отъ дороги и на другое утро въ приличномъ видѣ предстать предъ лицомъ моего обожаемаго государя. Начальникомъ станціи былъ полковникъ путей сообщенія Шернваль, весьма любезный и услужливый финляндецъ. Его поразилъ мой эксцентрическій костюмъ и онъ предложилъ мнѣ свою енотовую шубу. Принявъ съ благодарностью это милое предложеніе, я возвратился въ гостинницу Шевалье, гдѣ засталъ нѣсколько ожидавшихъ меня любопытныхъ москвичей, въ томъ числѣ Михаила Лонгинова, Ипата Бартенева и другихъ, которыхъ не помню. Оставивъ ихъ съ Шуваловымъ, я занялся туалетомъ, послѣ чего сѣлъ за хорошо сервированный столъ съ такимъ наслажденіемъ, что, конечно, я не въ состояніи его передать.

Въ 11 ч. вечера — мы съ Шуваловымъ вдвоемъ въ вагонѣ 2-го класса помчались по направленію Петербурга. Въ 10 ч. утра 13-го декабря, Николай Павловичъ принялъ меня съ радушіемъ, только ему свойственнымъ, въ его кабинетѣ Гатчинскаго дворца, въ мундирѣ л.-гв. Финляндскаго полка, потому что собирался отправиться на полковой праздникъ этого полка въ С.-Петербургъ. Прочитавъ депеши, мною привезенныя, при военномъ министрѣ, государь поѣхалъ на желѣзную дорогу и, посадивъ меня въ свой вагонъ, не переставалъ дѣлать мнѣ раз-

ные вопросы до пріѣзда нашего въ Петербургъ. Съ желѣзной дороги государь поѣхалъ въ Михайловскій манежъ, а я на дежурной или фельдъегерской тройкѣ въ инспекторскій департаментъ, чтобы, наконецъ, избавиться отъ ненавистной сумки съ бумагами. Эта несчастная сумка сдѣлалась мнѣ ненавистною потому, что въ теченіи секунды, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Тулы, была безвинно причиною самаго ужаснаго испуга, который я когда либо въ жизни имѣлъ случай испытать. Я уже упоминалъ о томъ, что въ Курскѣ, расположившись очень комфортабельно въ прекрасной зимней кибиткѣ, заплативъ прогоны до Орла и поручивъ дальнѣйшія дорожныя распоряженія моему милому и любезному спутнику, я спалъ почти до Тулы. Проснувшись, оказалось, что моей сумки у меня на груди не было; вмѣсто того, чтобы хорошенько поискать въ саняхъ, мнѣ представился въ одно мгновеніе весь ужасъ моего положенія; если я ее не найду, думалъ я, то для поисковъ придется потерять много времени и я доставлю свои депеши, когда уже другіе, позднѣе отправленныя изъ Крыма, будутъ въ рукахъ государя, если же мнѣ не удастся ее найти—какъ я явлюсь къ государю?—я уже живо представлялъ себя осрамленнымъ, обезчещеннымъ, когда Шуваловъ вскрикнулъ: „вотъ она"! доставая сумку, (которую я, вѣроятно, снялъ во снѣ) изъ-подъ сѣна, которымъ для тепла наполнена была наша кибитка. Я ожилъ, но еще долго не могъ успокоиться и оправиться отъ испытаннаго испуга.

Наконецъ, я вышелъ изъ инспекторскаго департамента и поскакалъ къ отцу, жившему тогда совершенно одиноко въ Эртелевомъ переулкѣ. Никогда между мной и отцомъ не бывало никакихъ сердечныхъ изліяній, экспансивность были всегда чужды нашимъ характерамъ, но я хорошо зналъ, какъ нѣжно онъ меня любитъ и потому нечего говорить, съ какимъ радостнымъ чувствомъ мы обнялись послѣ четырехъ-мѣсячной разлуки.

Императрица послѣ тяжкой болѣзни оправлялась и, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи государь могъ успокоиться. Пробывъ только трое сутокъ въ Петербургѣ, я поспѣшилъ возвратиться въ Гатчину, гдѣ я былъ встрѣченъ великими князьями особенно нѣжными демонстраціями, вѣроятно въ качествѣ боеваго товарища (послѣ Инкерманскаго сраженія, за которое они уже получили Георгіевскіе кресты). Изъ Крыма никакихъ особенныхъ извѣстій

послѣ моего пріѣзда не получали, и гатчинская жизнь текла тихо и не представляла ничего замѣчательнаго. Наконецъ, 24-го декабря доктора разрѣшили императрицѣ переѣхать въ Петербургъ и потому весь дворъ оставилъ Гатчину 24-го декабря.

Ma faveur à la cour était à son apogée (отношеніе ко мнѣ двора было въ высшей степени милостивое): меня безпрестанно приглашали на вечера и неоднократно ѣздовые отыскивали меня у знакомыхъ и даже въ театрѣ, чтобы звать на вечеръ къ императрицѣ. При этомъ удобномъ случаѣ я могу отдать себѣ справедливость, что я никогда не увлекался расположеніемъ ко мнѣ членовъ императорской фамиліи, не смотря на искреннюю признательность, которую я и по сіе время сохранилъ къ Николаю Павловичу и Александрѣ Ѳеодоровнѣ за ихъ постоянныя ко мнѣ милости. Никогда я не создавалъ никакихъ честолюбивыхъ плановъ, основанныхъ на довѣріи или благосклонности, оказываемыхъ мнѣ великими князьями.

Теперь, ... я не могу безъ нѣкоторой гордости вспомнить, что я не только всегда былъ чуждъ всякаго искательства, но даже изъ опасенія быть заподозрѣннымъ въ таковомъ, былъ часто слишкомъ рѣзокъ въ сужденіяхъ и разговорахъ и иногда безъ надобности, что французы называютъ, „cassant“ (рѣзокъ) во всѣхъ моихъ отношеніяхъ съ лицами вліятельными и высокопоставленными, вполнѣ сознавая, впрочемъ, что это невыгодно.

Гордость мнѣ никогда не дозволяла хлопотать объ отличіяхъ или наградахъ или даже жаловаться на то, что мнѣ могло казаться несправедливымъ.

Будучи флигель-адъютантомъ Николая Павловича, который имѣлъ особенный даръ награждать выше всякихъ заслугъ однимъ словомъ или пожатіемъ руки, мнѣ и въ голову не приходили расчеты о наградахъ или повышеніяхъ. Такъ и послѣ Инкерманскаго сраженія, въ которомъ я не оказалъ и не могъ оказать ни отличія, ни услугъ,—я и не думалъ, чтобы я могъ быть награжденъ, и потому съ большимъ удивленіемъ и радостью получилъ, въ половинѣ февраля, золотую саблю „за храбрость“, по представленію кн. Меншикова, хотя, по предоставленной ему власти, онъ имѣлъ полное право прислать мнѣ эту саблю самъ. Впослѣдствіи я узналъ черезъ товарищей, оставшихся въ Крыму, послѣ моего

отправленія курьеромъ, какъ явно при этомъ высказалось расположеніе ко мнѣ кн. Меншикова, и что я обязанъ весьма лестнымъ для меня отличіемъ Грейгу. Вотъ что по этому (поводу) разсказали мнѣ нѣкоторые товарищи, а именно: Исаковъ, графъ Крейцъ, Альбединскій и другіе. Въ день моего отъѣзда изъ Севастополя, Исаковъ, состоявшій въ то время начальникомъ штаба 6-го пѣхотнаго корпуса, пріѣхалъ по дѣламъ службы къ главнокомандующему; по окончаніи дѣловаго разговора, князь Меншиковъ сказалъ Исакову, съ видимою радостью:

— „J'ai trouvé moyen d'expédier Daehn et il sera bien malin, s'il trouve quelque chose à raconter, je ne lui ai rien dit!“ (Я нашелъ предлогъ отослать Дена; врядъ ли ему удастся что-либо разсказать, я ничего не сообщалъ ему).

Въ половинѣ декабря всѣ мои товарищи, состоявшіе при кн. Меншиковѣ во время Инкерманскаго сраженія, получили отъ него непосредственно награды и были удивлены, что въ числѣ награжденныхъ не было меня. Грейгъ это объяснялъ очень просто тѣмъ, что, какъ отсутствующаго, меня забыли, что онъ обо мнѣ напомнитъ и что невольная ошибка будетъ немедленно исправлена. Но когда онъ дѣйствительно говорилъ кн. Меншикову объ этомъ, сей послѣдній ему отвѣчалъ:

— „Que puis-je lui donner? Il a tout...“ (Что я могу дать ему! Онъ все имѣетъ...) и никакого результата не послѣдовало Уже въ январѣ 1855 года, по настоянію Грейга, кн. Меншиковъ рѣшился сдѣлать представленіе, вслѣдствіе котораго я получилъ золотую саблю. Вотъ почему я всегда и при всякомъ удобномъ случаѣ заявлялъ впослѣдствіи, что за Инкерманское дѣло я былъ награжденъ Грейгомъ. Утвержденіе же представленія кн. Меншикова о награжденіи меня золотою саблею послѣдовало при послѣднемъ докладѣ военнаго министра государю Николаю Павловичу.

Во время послѣдней болѣзни императрицы, жизнь которой была въ опасности, государь проводилъ бо́льшую часть ночей безъ сна и, такимъ образомъ, къ нравственнымъ потрясеніямъ присоединилось физическое разстройство, еще усугубленное системою леченія доктора Мандта, основанною на діетѣ. Государь былъ ужасно блѣденъ и замѣтно похудѣлъ, но онъ ни въ чемъ не измѣнялъ образа жизни и, конечно, никто не подозрѣвалъ,

что дни его уже были сочтены. Между тѣмъ, не смотря на холодную погоду, онъ осматривалъ всѣ войска, ежедневно частями проходившія черезъ Петербургъ въ Финляндію. Наконецъ, сколько могу припомнить, въ первой половинѣ февраля, числа не припомню, пріѣхавъ въ манежъ Инженернаго замка, гдѣ былъ назначенъ высочайшій смотръ одного изъ проходящихъ маршевыхъ баталіоновъ, мнѣ сказали, что государь, по нездоровью, поручилъ наслѣднику произвести смотръ. Это заставило меня сильно призадуматься, зная какъ мало государь бережетъ себя; но меня со всѣхъ сторонъ успокоивали, увѣряя, что у государя простой гриппъ, къ которому всѣ жители такъ привыкли, что о немъ говорятъ, какъ о самомъ обыкновенномъ насморкѣ. Наконецъ, 15-го февраля я встрѣтилъ государя въ саняхъ катающимся по городу, и совершенно успокоился на счетъ его здоровья.

18-го числа, утромъ, въ 10 часовъ, пріѣхалъ ко мнѣ фельдъегерь и сказалъ: „пожалуйте къ государю“. Въ теченіи 1854 г., я получилъ пять разъ подобное приказаніе въ такой же формѣ, и потому убѣжденный, что дѣло идетъ о командировкѣ, уѣзжая изъ дому, я приказалъ камердинеру своему немедленно все приготовить для вѣроятнаго отъѣзда. Нельзя себѣ представить моего ужаса, когда я пріѣхалъ въ Зимній дворецъ и засталъ тамъ уже собранныхъ почти всѣхъ генералъ-адъютантовъ и флигель-адъютантовъ, которые мнѣ объявили, что государь умираетъ!!!

Въ часъ и пять минутъ государь скончался, а чрезъ четверть часа вышелъ къ намъ гр. Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, облитый слезами, и объявилъ, что можно проститься съ покойнымъ. Въ маленькомъ кабинетѣ, на походной желѣзной кровати, покрытый старою шинелью, съ выцвѣвшимъ бобровымъ воротникомъ, лежало тѣло только что преставившагося самодержца всея Руси, столько лѣтъ бывшаго рѣшителемъ судебъ Европы... Съ истинно горькою печалью простился я съ своимъ бывшимъ „генераломъ“ и, машинально вышедши изъ этой комнаты, былъ пораженъ безпорядкомъ и суетой, которые были уже замѣтны во всемъ дворцѣ. Двери были открыты, прислуга бѣгала; наверху, въ большомъ коридорѣ, встрѣтилъ я бѣгущую великую княжну Марію Николаевну, въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ,—куда, зачѣмъ такъ поспѣшно, когда уже нельзя было

ничему помочь, ничего измѣнить—осталось для меня неразъясненнымъ.

Французы говорили въ старину: „le roi est mort, vive le roi!“ (король умеръ, да здравствуетъ король!). Я вспомнилъ, что я наряженъ дежурнымъ на слѣдующій день, и разсудилъ, что поэтому, не ожидая общей присяги, мнѣ слѣдуетъ немедленно присягнуть новому государю. Я отправился въ большую дворцовую церковь, гдѣ уже многіе присягали. Совершивъ обрядъ присяги и выходя изъ церкви, я встрѣтилъ А. П. Самсонова, адъютанта наслѣдника, а со времени кончины Николая Павловича—государя. Онъ меня остановилъ, чтобы объявить, что отнынѣ ботфорты отмѣняются. Я на него смотрѣлъ въ недоумѣніи, какъ бы не понимая его словъ.... тогда онъ счелъ нужнымъ подтвердить эту важную новость — шепелявя по его привычкѣ, и съ необыкновеннымъ, удивительнымъ для меня, присутствіемъ духа, уже называя наслѣдника государемъ, объявилъ, что приказано адъютантамъ не заводить ботфортовъ, которыхъ болѣе носить небудутъ....

Когда я вышелъ изъ дворца чрезъ Салтыковскій подъѣздъ, меня подозвала къ своей каретѣ, стоявшей у тротуара, графиня Анна Баранова, какъ видимо еще ничего незнавшая и только что подъѣхавшая ко дворцу, чтобы разспросить о томъ, что происходило во дворцѣ. Когда я ей объявилъ, что государь скончался, она стала метаться въ каретѣ и громко кричать.... я крикнулъ ея кучеру: домой!—а самъ поѣхалъ объявить горестную новость отцу. Увидѣвъ меня, отецъ угадалъ мое горе и сказалъ только: „итакъ, все кончено?“

Крупныя слезы брызнули изъ его глазъ. Для него это была потеря еще болѣе чувствительная, чѣмъ для меня; онъ близко зналъ Николая Павловича съ конца 1812-го года, былъ имъ переведенъ въ гвардію при формированіи л.-гв. сапернаго батальона и постоянно съ тѣхъ поръ пользовался его милостями и особеннымъ расположеніемъ.

Быстро разнесшаяся вѣсть о кончинѣ государя привела весь городъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Никто къ ней не былъ приготовленъ, многіе не подозрѣвали даже, что государь боленъ. Немедленно затѣмъ начали ходить нелѣпѣйшіе слухи объ отравѣ; одни обвиняли доктора Мандта, утверждая, что онъ самъ давалъ

принимать государю какіе-то порошки его собственнаго, таинственнаго приготовленія, другіе увѣряли, что государь самъ отравился, объясняя это тѣмъ, что онъ въ своей гордости не могъ перенести нашихъ неудачъ, какъ дипломатическихъ, такъ и военныхъ и не хотѣлъ пережить русскаго престижа, сильно поколебленнаго въ Европѣ событіями послѣдняго года. Мнѣ кажется, было бы лишнимъ пояснять всю нелѣпость этихъ толковъ. Мандта я видѣлъ только два раза у отца; какъ человѣка его не зналъ и никакихъ предположеній не считаю себя вправѣ дѣлать о томъ—есть-ли возможность его заподозрить въ такомъ ужасномъ преступленіи. Что касается другаго предположенія, то я его рѣшительно отвергаю.... Кто зналъ близко Николая Павловича—не могъ не оцѣнить глубоко религіознаго чувства, которое его отличало и которое, конечно, помогло бы ему съ христіанскимъ смиреніемъ перенести всѣ удары судьбы, какъ-бы тяжки, какъ-бы чувствительны для его самолюбія они бы ни были.

Молодое поколѣніе большею частью привѣтствовало происшедшую перемѣну—если не радостью, то по крайней мѣрѣ надеждами на болѣе либеральное направленіе новаго правителя, на бо́льшій просторъ мысли, на воцареніе легальности и огражденіе личныхъ и имущественныхъ правъ, о которыхъ, не могу не сознаться, еще мало имѣли настоящаго понятія въ Россіи. При этомъ нельзя не сказать, что эти самые господа увлекались и были убѣждены, что для всѣхъ желаемыхъ ими реформъ достаточно одного или нѣсколькихъ указовъ, забывая, что безъ надлежащимъ образомъ подготовленныхъ исполнителей указы остаются мертвою буквою, что у насъ и прежде были законы—законы мудрые, но законности все-таки не было. Въ то время говорили, что Николай Павловичъ на смертномъ одрѣ просилъ наслѣдника, не откладывая и не смотря на сознаваемыя имъ препятствія, освободить крестьянъ, говоря, что, не смотря на искреннее желаніе, онъ не успѣлъ въ этомъ во время своего царствованія.

19-го февраля праздновалось восшествіе на престолъ. Въ 10 часовъ утра государь принималъ свиту покойнаго государя, къ которой самъ принадлежалъ по званію генералъ-адъютанта. Онъ обратился къ намъ съ прекрасною рѣчью, въ которой, по волѣ покойнаго государя, благодарилъ насъ за вѣрную и усердную службу и выразилъ убѣжденіе, что мы и ему съ такимъ же усердіемъ и

преданностью служить будемъ. Въ заключеніе государь сказалъ, взявшись правою рукою за генералъ-адъютантскій аксельбантъ:

„Я считаю однимъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни тотъ, въ который я получилъ этотъ аксельбантъ, и потому сохраню его навсегда".

Въ 11 часовъ государь со всѣмъ императорскимъ домомъ, за исключеніемъ вдовствующей императрицы, оставшейся въ своихъ покояхъ по нездоровью, пошелъ чрезъ залы Зимняго дворца, наполненныя знатными обоего пола особами (какъ тогда еще писали въ камерфурьерскихъ объявленіяхъ) въ большую дворцовую церковь, гдѣ послѣ литургіи гр. Панинъ (министръ юстиціи) прочиталъ манифестъ, которымъ государь объявилъ своему народу о своемъ восшествіи на прародительскій престолъ, и наконецъ присягу, во время чтенія которой еще не присягнувшіе стояли съ поднятою правою рукою. Всѣ дамы, во время этого выхода, отличавшагося необыкновенною торжественностью и совершеннымъ безмолвіемъ, были въ бѣлыхъ платьяхъ и напоминали большой выходъ друидовъ въ Нормѣ.

Дежурство мое въ этотъ первый день новаго царствованія было для меня ужасно грустнымъ, не смотря на то, что не было такъ монотонно, какъ прежнія дежурства. Оставаясь цѣлый день во дворцѣ, я еще разъ ходилъ въ кабинетъ покойнаго государя, предварительно убѣдившись, что тамъ никого не было! Это было передъ вечеромъ; покойникъ лежалъ, по прежнему, на желѣзной кровати, но уже былъ покрытъ парароднымъ покрываломъ, и что меня поразило: я нашелъ его черты совсѣмъ измѣнившимися. Утромъ, т. е. нѣсколько минутъ послѣ смерти, я замѣтилъ на лицѣ государя выраженіе утомленія и страданія, вечеромъ, напротивъ, я засталъ лице спокойное, съ той улыбкой, которая придавала, при жизни покойнаго Николая Павловича, особенную прелесть его правильнымъ чертамъ. Сегодня, конечно, никто не заподозритъ меня въ лести, да кто же и льститъ покойникамъ? а потому я положительно утверждаю, что я никогда не видѣлъ ничего прелестнѣе, прекраснѣе лица государя вечеромъ 19-го февраля, т. е. за нѣсколько часовъ до той минуты, когда, предоставленное неопытнымъ врачамъ, тѣло покойнаго было обезображено, а лице искажено неудавшимся бальзамированіемъ.

Вечеромъ, государь Александръ Николаевичъ принималъ

разныхъ лицъ, назначенныхъ сообщить иностраннымъ дворамъ о понесенной имъ утратѣ и о восшествіи своемъ на престолъ. Въ числѣ ихъ были Г. А. Гринвальдъ, ѣхавшій въ Берлинъ; Г. А. Будбергъ—въ Гагу, Ганноверъ, Саксонію, Дармштадтъ, д. ст. сов. Дмитрій Нессельроде въ Штутгардтъ, кн. Ѳ. И. Паскевичъ въ Крымскую армію и многіе другіе, отправляемые въ разные концы имперіи. Ахматову пришлось ѣхать въ Иркутскъ, такъ что ему и не суждено было проводить своего „генерала" до его послѣдняго жилища. Въ этотъ же вечеръ я выпросилъ у Гримма, камердинера покойнаго государя, себѣ на память саперную фуражку Николая Павловича, въ которой онъ ѣзжалъ въ саперный лагерь въ Петербургѣ [1]).

По случаю командированія многихъ флигель-адъютантовъ, насъ было такъ мало въ Петербургѣ въ февралѣ 1855 года, что 26-го числа я опять былъ дежурнымъ, т. е. уже во второй разъ по восшествіи государя Александра Николаевича на престолъ. Когда я вошелъ въ пріемную залу, чтобы смѣнить капитана 1-го ранга бар. Фредрикса, на дежурствѣ котораго скончался Николай Павловичъ, военный министръ кн. Долгоруковъ выходилъ изъ кабинета государя. Завидѣвъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ и поздравилъ съ чиномъ полковника. Оказалось, что государь только что подписалъ или, правильнѣе, утвердилъ приказъ, которымъ я былъ произведенъ на вакансію со старшинствомъ. Это исключеніе было сдѣлано на томъ основаніи, что какъ батальонный адъютантъ я имѣлъ право на производство со старшинствомъ на основаніи существовавшихъ правилъ, а званіе флигель-адъютанта не должно было лишать меня преимуществъ, предоставленныхъ мнѣ прежнею службою и званіемъ.

Такимъ образомъ мнѣ пришлось надѣть полковничьи эполеты —покрытыя крепомъ.

Похороны покойнаго государя происходили съ большою торжественностью, гробъ былъ вынесенъ и поставленъ на колесницу на подъѣздѣ главнаго двора Зимняго дворца, соотвѣтствующемъ Іорданскому; до того я рѣшительно никогда не замѣчалъ, чтобы кто либо пользовался этимъ выходомъ. Кучеръ

---

[1]) Она у меня хранится въ Петербургѣ, съ бумагами и другими для меня драгоцѣнными предметами. Д.

покойнаго государя, Яковъ, съ трудомъ справлялся съ лошадьми, которыя не дружно трогали, и притомъ обливался слезами. Изъ всѣхъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ отдать послѣднюю честь Николаю Павловичу, мнѣ особенно памятенъ—австрійскій эрцъ-герцогъ Вильгельмъ, по случаю удивленія, котораго онъ не могъ скрыть при видѣ многочисленнаго войска, разставленнаго по пути печальнаго шествія. Всѣ резервные гвардейскіе полки были на лицо и это изумляло австрійца, убѣжденнаго, что военныя демонстраціи Австріи заставили Россію сосредоточить всѣ свои силы на югѣ и юго-западѣ.

IX.

Первый годъ царствованія Александра II.

Положеніе дѣлъ послѣ кончины императора Николая.—Увольненіе гр. Клейнмихеля.—За обѣдомъ у императрицы.—Смотръ гренадерскаго корпуса.—Отзывъ гр. Вл. Ѳед. Адлерберга о почтовыхъ трактахъ.—Назначеніе командиромъ 13-го Смоленскаго полка.—Представленіе Александру II. — Сборы. — Прощальные обѣды. — Прощальная аудіенція у императрицы Александры Ѳедоровны.

1855 г.

Первое время послѣ кончины Николая Павловича многіе петербургскіе жители, въ томъ числѣ и я, совсѣмъ пріуныли; не смотря на неудачи и удары, нанесенные національному чувству, въ послѣдніе дни царствованія Николая Павловича, довѣріе къ его величественно-энергической личности было еще такъ сильно, что когда его не стало, всѣ себѣ задавали неразрѣшаемый вопросъ: что теперь будетъ?

Дѣйствительно, обстоятельства были далеко не утѣшительныя. Крымская армія, разобщенная отъ центра Россіи, не смотря на всевозможныя усилія, не могла получать во время необходимѣйшихъ средствъ не только для военныхъ дѣйствій, но и для существованія. Съ наступленіемъ весны надо было ожидать появленія вновь непріятельскихъ эскадръ въ виду Кронштадта; заграничная торговля была почти совсѣмъ пріостановлена, отпускъ нашего товара заграницу производился медленно, съ большими затрудненіями, по одному лишь Петербурго-варшавскому шоссе на прусскую границу. Не смотря на преклонность лѣтъ и

совсѣмъ разстроенное здоровье, батюшка мой не могъ не уступить настояніямъ государя—и потому, какъ въ 1854-мъ году, до вскрытія Невы переѣхалъ со своимъ штабомъ въ Кронштадтъ; къ счастію, ему были даны въ 1855-мъ году другіе помощники, а именно гг. Граббе и Шварцъ.

Въ теченіи всего лѣта 1855 года я не получалъ никакихъ особенныхъ порученій, но приходилось часто ѣздить съ государемъ въ Кронштадтъ и Ораніенбаумъ. Съ катальной горы государь часто слѣдилъ посредствомъ телескопа за движеніями непріятельскаго флота, желая угадать его намѣренія. Я по сіе время не могу понять бездѣйствія англо-французовъ въ Финскомъ заливѣ и ихъ чрезмѣрную осторожность. Гидрографическія карты у нихъ были чуть ли не лучше нашихъ; въ 1854-мъ году они дѣлали во многихъ мѣстахъ безпрепятственно промѣры; кромѣ того, къ нимъ перебѣжало много англичанъ, проживщихъ цѣлые годы въ Петербургѣ и Кронштадтѣ, и потому мы не могли льстить себя надеждой, чтобы имъ были неизвѣстны наши слабыя стороны, а у насъ—„къ чему лукавить“—было ихъ много.

Не смотря на все это, непріятель ограничился бомбардированіемъ на огромномъ разстояніи Свеаборга, въ которомъ, не смотря на большой расходъ дорогихъ снарядовъ, причинялъ не много вреда и, наконецъ, взятіемъ Аландскихъ укрѣпленій, —подвигъ, о которомъ всѣ газеты въ одинъ голосъ кричали какъ о необыкновенномъ военномъ успѣхѣ, не упоминая о томъ, что Аландскія укрѣпленія далеко не были окончены удовлетворительно и только отчасти вооружены, и не могли вмѣщать значительнаго гарнизона. Въ сентябрѣ 1855 г. главныя силы англо-французовъ спѣшили оставить Финскій заливъ, оставляя только нѣсколько судовъ для блокады нашихъ гаваней; тогда государь уступилъ своему давнишнему желанію побывать на южномъ театрѣ военныхъ дѣйствій и отправился въ городъ Николаевъ, гдѣ Тотлебенъ послѣ оставленія нами Севастополя, превращеннаго въ груду камней, строилъ огромныхъ размѣровъ укрѣпленный лагерь. Я былъ назначенъ сопутствовать государю, но по болѣзни долженъ былъ отложить отъѣздъ свой на нѣкоторое время....

По отбытіи всѣхъ непріятельскихъ судовъ изъ Финскаго залива, отецъ мой поѣхалъ инспектировать крѣпости западнаго

инженернаго округа. Немедленно по пріѣздѣ государя въ Николаевъ, было отправлено гр. А. Ѳ. Орловымъ письмо къ главноуправляющему путями сообщенія гр. П. А. Клейнмихелю, письмо, которымъ сей послѣдній, по волѣ государя, приглашался оставить занимаемый имъ постъ. Я упоминаю объ этомъ, повидимому, незначительномъ событіи потому, что это было одно изъ первыхъ популярныхъ дѣйствій императора Александра Николаевича. Гр. Клейнмихель, объ интимныхъ отношеніяхъ котораго къ покойному государю ходило въ то время столько нелѣпыхъ и неосновательныхъ слуховъ, котораго называли Аракчеевымъ царствованія Николая Павловича, никогда не имѣлъ и сотой доли силы и вліянія своего покровителя Аракчеева; чѣмъ именно гр. Клейнмихель пріобрѣлъ всеобщую ненависть, я и по сіе время не знаю; онъ былъ грубъ, несвѣдущъ, надмѣненъ, но безкорыстенъ, это я утверждаю не смотря на весьма распространенное совершенно противоположное мнѣніе. Какъ бы то ни было, увольненіе его отъ должности составило настоящее „événement“ (событіе) въ Петербургѣ; даже люди, никогда не бывшіе съ нимъ въ соотношеніи, радовались и поздравляли другъ друга съ его удаленіемъ и, какъ я говорилъ императрицѣ, это увольненіе заставило забыть въ два дня полученное въ то время печальное извѣстіе объ отбитомъ штурмѣ Карса Н. Н. Муравьева. Впослѣдствіи я неоднократно упрекалъ себя за неосновательное увлеченіе общественнымъ мнѣніемъ; министерство путей сообщенія переходило отъ гр. Клейнмихеля къ Чевкину, а отъ сего къ Мельникову. Чевкинъ былъ умнѣе своего предшественника и контрастомъ его по образованности; Мельниковъ человѣкъ честный, спеціально образованный и все-таки, еще годъ тому назадъ (1870 г.), я имѣлъ случай слышать отъ людей свѣдущихъ, что какъ главноуправляющій путями сообщенія гр. Клейнмихель былъ лучше и Чевкина, и Мельникова. Чтобы хотя отчасти дать понятіе какъ велись дѣла при гр. Клейнмихелѣ, какъ онъ входилъ въ дѣла, понималъ планы и т. д., я не могу не привести здѣсь того, что слышалъ отъ своего тестя Александра Александровича Вонлярлярскаго, имѣвшаго разныя столкновенія съ гр. Клейнмихелемъ по случаю постройки взятой на себя Лярскимъ шоссейныхъ дорогъ между Москвой и Брестомъ и впослѣдствіи между Рославлемъ и Витебскомъ.

При одномъ изъ еженедѣльныхъ докладовъ у государя Николая Павловича, гр. Клейнмихель представилъ государю проектъ шоссе отъ Рославля на Смоленскъ къ Витебску. Государь, разсмотрѣвъ планъ, упрекнулъ гр. Клейнмихеля въ томъ, что въ проектѣ не обращено вниманія на неоднократныя требованія государя, заключавшіяся въ томъ, чтобы вновь устраиваемыя дороги направлялись такъ, чтобы по возможности сокращать число мостовъ и, указывая на планъ, съ сердцемъ сказалъ:

— „А здѣсь полюбуйся: твоя дорога въ трехъ мѣстахъ пересѣкаетъ Днѣпръ".

Гр. Клейнмихель, котораго самолюбіе было очень чувствительно, привезъ домой неутвержденный проектъ, созвалъ къ себѣ цѣлый департаментъ чиновниковъ и, осыпавъ ихъ предварительно бранными словами, объяснилъ причину неудовольствія государя. Составитель проекта просилъ указанія, въ какихъ мѣстахъ именно государемъ замѣчены эти пересѣченія Днѣпра дорогою. Тогда гр. Клейнмихель, тыкая пальцемъ бумагу, закричалъ:

— „Вотъ, вотъ и вотъ"....

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, отвѣчалъ чиновникъ, что на указываемыхъ вами мѣстахъ проектированное шоссе пересѣкаетъ не Днѣпръ, а старую дорогу [1]).

Клейнмихель опять взбѣсился и закричалъ: „какъ же я теперь это доложу государю?"—и, конечно, государю никогда не было доложено, что онъ принялъ старую, чрезвычайно извилистую, дорогу за рѣку и что гр. Клейнмихель не понималъ никакого плана, да и не давалъ себѣ труда разсматривать и изучать что либо подробно.

Наконецъ, кажется это было въ октябрѣ 1855 г., я оправился отъ лихорадки, которою страдалъ, и поѣхалъ въ Царское село, откланяться императрицѣ и спросить не будетъ ли порученій къ его величеству. Императрица оставила меня обѣдать въ Царскомъ селѣ. За обѣдомъ только и было разговору о Севастополѣ, потому что въ числѣ трехъ приглашенныхъ былъ кн. Викторъ Иларіоновичъ Васильчиковъ, прославившійся храбростью, а еще болѣе примѣрнымъ самоотверженіемъ, и послѣдній оставилъ Севастополь, предварительно принявъ всѣ надлежащія мѣры для

---

[1]) Государь Николай Павловичъ не различалъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ. В. Д.

благополучной переправы всего гарнизона на сѣверную сторону. Князь Васильчиковъ между прочимъ за этимъ обѣдомъ отзывался съ большою похвалою о службѣ моего брата Ивана въ Севастополѣ и говоря, что онъ присутствовалъ при перевязкѣ его раны послѣ того, что, будучи раненъ осколкомъ гранаты въ лѣвую челюсть, онъ пѣшкомъ добрелъ до перевязочнаго пункта. Съ ужасомъ онъ говорилъ объ этой ранѣ и прибавилъ, что онъ никогда не видывалъ такихъ нервовъ, какъ у моего брата, съ геройскою стойкостью перенесшаго продолжительную и мучительную операцію, не подавая ни малѣйшаго признака страданія.

Императрица не поручила мнѣ ничего кромѣ передачи ея поклона государю и прибавила, что государя я врядъ-ли застану въ Николаевѣ; военный министръ подтвердилъ то же самое и потому я отправился на Кіевъ, ибо обратно государь предполагалъ ѣхать на этотъ городъ.

До Кіева я доѣхалъ быстро и благополучно, но далѣе мнѣ пришлось испытать всѣ мученія, которымъ въ то время подвергались всѣ обыкновенные смертные, вынужденные проѣзжать по тракту, подготовляемому тогда усердными исправниками и становыми для высочайшаго проѣзда. Осень была прекрасная, народу на дорогѣ было вездѣ множество, дорогу ровняли и гладили, но чтобы ее сохранить въ ея дѣвственномъ видѣ для государя, вездѣ были устроены барикады и злосчастные путешественники должны были ѣхать возлѣ дороги, но пахотѣ, рытвинамъ и канавамъ.

При свиданіи съ государемъ въ Бакчисараѣ, я не упустилъ доложить по какой причинѣ я медленно ѣхалъ отъ Кіева, говоря, что въ этой губерніи земскія власти ожидаютъ его съ барикадами... Я не смущался; не въ первый разъ и не въ послѣдній разъ мнѣ приходилось обращать вниманіе государя на слишкомъ большое усердіе чиновнаго люда, вслѣдствіе котораго возбуждается ропотъ не противъ... начальства, а, увы, противъ высшей власти, не подозрѣвающей до какой утонченной изобрѣтательности доходитъ—чиновничья угодливость.

Государя я не засталъ въ Николаевѣ, онъ только что отправился въ Севастополь или, правильнѣе, въ Бахчисарай, ибо Севастополь былъ занятъ непріятелемъ и государь помѣстился въ частномъ домѣ въ Бахчисараѣ, а оттуда объѣзжалъ расположеніе войскъ и сѣверныя укрѣпленія. На 2-ое ноября (1855 г.) былъ наз-

наченъ смотръ Гренадерскому корпусу, собранному близъ станціи „Трехъ Абломовъ“ въ голой степи. Зная, что въ день выѣзда государя мнѣ никакъ не удастся достать лошадей, я уже наканунѣ вечеромъ оставилъ Бахчисарай и поѣхалъ просить ночлега у г.-л. (Вл. Ив.) Фелькнера, бывшаго моего начальника, когда я былъ юнкеромъ, а въ то время состоявшаго начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса у генерала Плаутина. Мои предвидѣнія вполнѣ оправдались: вмѣсто многочисленной свиты, ожидающей обыкновенно государя въ томъ мѣстѣ, гдѣ государь садится на лошадь, оказался всего одинъ адъютантъ! Мое присутствіе удивило государя, который меня разспросилъ, какъ я успѣлъ пріѣхать.

Гренадерскій корпусъ представлялъ печальное зрѣлище: малое число рядовъ, изнуренный видъ нижнихъ чиновъ — все свидѣтельствовало о тѣхъ лишеніяхъ, которымъ подвергались эти полки, расквартированные въ безлюдной мѣстности окрестностей Евпаторіи. Но видно было, что присутствіе государя оживляло и радовало солдатиковъ.

Послѣ смотра, у государя обѣдали въ станціонномъ домѣ всѣ начальствующія лица въ одной комнатѣ, въ другой же расположились лица свиты, въ томъ числѣ гр. Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, еще завѣдывавшій почтовымъ вѣдомствомъ.

Не помню, кто именно изъ флигель-адъютантовъ воспользовался присутствіемъ главы почтоваго департамента, чтобы представить довольно рѣзкими красками печальное состояніе почтовыхъ трактовъ, преимущественно главнаго, служившаго единственнымъ сообщеніемъ Москвы съ Крымомъ; я упоминаю объ этомъ разговорѣ потому, что не могъ надивиться безцеремонности отвѣта гр. Владиміра Ѳедоровича, котораго мы привыкли считать человѣкомъ умнымъ и образцемъ самой утонченной учтивости. На этотъ разъ, вѣроятно раздраженный рѣшеніемъ государя ѣхать до Москвы не съ нимъ, а съ его сыномъ, Александромъ, онъ вдругъ напустился на остроумнаго разскащика и заключилъ слѣдующими словами, обращаясь уже ко всѣмъ:

„Вы, гг., забываете, что почтовая гоньба была установлена, въ царствованіе императрицы Анны Ивановны, исключительно для казенной надобности, и если вамъ теперь дозволено ею пользоваться, то будьте благодарны, а не порицайте и не глумитесь“.

Я былъ пораженъ и, конечно, еще бы долго оставался въ видѣ истукана, если бы не подали экипажъ государя...

Я поѣхалъ въ расположеніе Азовскаго пѣхотнаго полка, которымъ въ то время командовалъ бар. Виллибрантъ, съ тѣмъ чтобы, переночевавъ въ его саклѣ, на другой день отправиться также въ Петербургъ, но не на Одессу, чтобы не ѣхать на лошадяхъ, измученныхъ проѣздомъ 18 нумеровъ, составлявшихъ императорскій поѣздъ. Въ это время, а именно 3-го ноября, настали значительные для Крыма морозы, доходившіе до 8-ми градусовъ; въ холодныхъ станціяхъ безъ зимняго платья это было очень непріятно, но зато захваченная морозомъ сухая гладкая дорога представляла идеальное шоссе, по которому я скоро и благополучно доѣхалъ до Москвы. Здѣсь меня ожидалъ сюрпризъ; желая отдохнуть, я хотѣлъ пробыть сутки въ Москвѣ и побывать у старыхъ знакомыхъ. Пріѣхалъ къ Аннѣ Евграфовны Шиповой—она встрѣтила меня поздравленіемъ, ... я сначала не понималъ, потомъ не вѣрилъ, наконецъ, принесли наканунѣ полученный въ Москвѣ высочайшій приказъ отъ 6-го ноября, которымъ я назначался командиромъ 13-го Смоленскаго полка, бывшаго слишкомъ 20 лѣтъ герцога Веллингтона. Мнѣ страннымъ показалось одно, что если государь имѣлъ намѣреніе мнѣ дать это назначеніе, что онъ мнѣ объ этомъ не сказалъ ни слова въ Крыму, гдѣ видѣлъ и полкъ и меня, во вторыхъ, мнѣ казалось это назначеніе, въ смыслѣ удаленія отъ государя, обиднымъ, тѣмъ болѣе, что до тѣхъ поръ подобныя назначенія считались немилостью (disgrâce), что кромѣ кн. Михаила Волконскаго еще никто изъ флигель-адъютантовъ не получилъ подобнаго назначенія, и наконецъ, что еще при жизни покойнаго Николая Павловича я всегда принадлежалъ къ числу флигель-адъютантовъ, которымъ можно было давать порученія. По всѣмъ этимъ причинамъ мнѣ нелегко было свыкнуться съ мыслью, что государь удаляетъ меня отъ себя.... Какъ бы то ни было, мнѣ надо было спѣшить въ Петербургъ и распорядиться тамъ своими дѣлами, чтобы спокойно вновь, уже третій разъ, отправиться въ Крымъ.

На другой день послѣ возвращенія моего въ Петербургъ, я, какъ всегда, отправился въ Царское село, для представленія государю, не подозрѣвая, что меня тамъ ожидало неиспытанное мной дотолѣ огорченіе. Представляющихся было довольно много и, вѣроятно, по этой причинѣ ихъ не звали, какъ это дѣлалось

обыкновенно, къ государю въ кабинетъ, а приняли въ маленькой пріемной, украшенной статуетками конныхъ ординарцевъ разныхъ полковъ. Обходя представляющихся,—государь, проходя мимо меня, показалъ видъ, что меня не замѣчаетъ, но когда возвращался въ кабинетъ, взглянувъ сердито на меня, сказалъ: „а ты подожди, я тебя позову". При Николаѣ Павловичѣ во время моей службы при немъ, я не испытывалъ никогда ничего подобнаго; за всѣ исполненныя мною порученія я получалъ только благодарности, и не имѣлъ еще случая навлечь на себя немилость—и вовсе не былъ, да и по характеру и убѣжденіямъ своимъ, не могъ быть подготовленъ (къ немилости).

Гордость моя,—а надо сознаться, что я мало грѣшилъ христіанскимъ смиреніемъ,—возмутилась и когда чрезъ пять минутъ меня позвали къ государю, я уже все передумалъ и твердо рѣшился объявить государю, что подаю въ отставку..... Въ кабинетѣ меня государь встрѣтилъ словами: „по какому случаю ты здѣсь?"

Я отвѣчалъ, что возвращаясь вслѣдъ за нимъ изъ Крыма, я, совсѣмъ неожиданно для себя, въ Москвѣ прочиталъ въ приказѣ о новомъ назначеніи и пріѣхалъ въ Петербургъ сдѣлать необходимыя распоряженія и проститься съ отцомъ, который, какъ оказалось еще, не возвратился изъ Варшавы.

На это государь сказалъ: „такъ ты не отказываешься?"

Тутъ я разсказалъ государю—что еще при моемъ назначеніи флигель-адъютантомъ, Николай Павловичъ выразилъ убѣжденіе, что я буду усернымъ и неотказнымъ адъютантомъ, что я никогда ни отъ какой службы не отказывался и что въ военное время отказываться отъ командованія полкомъ, расположеннымъ въ виду непріятеля, считаю безчестнымъ и потому до пріема въ той комнатѣ мнѣ и въ голову не приходило отказываться. Послѣ этихъ словъ государь совсѣмъ измѣнился, поцѣловалъ меня нѣсколько разъ и прежде чѣмъ отпустить, позволилъ выждать въ Петербургѣ возвращенія отца. Само собой разумѣется, что мысль объ отставкѣ исчезла, но неукрощенное самолюбіе мнѣ твердило: „а всетаки, всѣ сегодня представлявшіеся видѣли (немилость къ тебѣ) государя"; къ стыду своему долженъ сознаться, что эта мысль еще долго меня язвительно преслѣдовала.

Отецъ возвратился въ Петербургъ лишь въ началѣ декабря, а между тѣмъ я успѣлъ приготовиться къ предстоявшей мнѣ новой жизни. Всеволодъ Стремоуховъ, служащій аматёромъ, послѣ 26 лѣтъ проведенныхъ въ отставкѣ, въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку и пріѣхавшій въ Петербургъ, по разнымъ порученіямъ своего полковаго командира кн. А. М. Дондукова-Корсакова, былъ мнѣ очень полезенъ своими совѣтами и даже содѣйствіемъ при заказахъ щегольской палатки, со всѣми принадлежностями походной посуды, и т. п.

Между тѣмъ, для арміи были отмѣнены эполеты, далѣе—сабли, вмѣсто полусабель, кивера уменьшены, вообще форма упрощена до того, что портупеи были просто кожаныя, не обшитыя галуномъ. Само собой разумѣется, что я обмундировался немедленно по новой формѣ. Никогда не забуду, какъ я впервые показался въ публикѣ въ новомъ мундирѣ,—это было въ Михайловскомъ театрѣ, гдѣ, какъ нарочно, въ тотъ вечеръ собралось много монхъ знакомыхъ. Я не успѣлъ найти своего кресла и усѣсться, какъ уже всѣ бинокли были направлены на меня.... дѣйствительно форма была не красива: красный воротникъ, обшитый узкимъ золотымъ галуномъ, уподоблялъ меня кадету, говорили дамы,—писарю, говорили мущины; —*j'aime à* constater cette différence d'appréciation, selons les sexes!! (любопытно отмѣтить эту разницу въ выраженіяхъ лицъ разнаго пола).

Въ это время я получилъ нѣсколько анонимныхъ записокъ съ пожеланіями, образокъ и медальонъ на счастье и сохраненіе дней — отъ неизвѣстныхъ доброжелательницъ, а Иванъ Ивановичъ Набоковъ подарилъ мнѣ древній крестъ, которымъ его благословила бабушка, и просилъ принять и носить для предохраненія отъ всякихъ невзгодъ. Не могу вспомнить безъ живѣйшей признательности, что не только товарищи, Николаевскіе флигель-адъютанты, но и старые саперные сослуживцы, пожелали на прощаніе пообѣдать со мной и выпить за мое здоровье. Первые давали мнѣ обѣдъ у Дюссо, вторые—у Дононъ. Этотъ послѣдній былъ два раза прерванъ, потому что вдовствующая императрица Александра Ѳедоровна, никого не принимавшая по болѣзни, назначила мнѣ аудіенцію въ 7 часовъ вечера, когда саперный обѣда, назначеннаго въ тотъ самый день, нельзя было отмѣнить, — и потому я во время обѣда поѣхалъ въ Аничкинъ

дворецъ; тамъ мнѣ сказано, что императрица еще не вставала и проситъ пріѣхать въ 8 часовъ. Я возвратился въ веселый товарищескій кружокъ, но въ 8 часовъ уже опять былъ во дворцѣ.

Вдовствующая императрица, постоянно страдавшая недугами, которыхъ не дано было разгадать всѣмъ извѣстнѣйшимъ европейскимъ медикамъ, подвергалась еще душевнымъ страданіямъ, при ея положеніи неизбѣжнымъ; она испытывала горечь неблагодарности облагодѣтельствованныхъ ею въ теченіи десятковъ лѣтъ приближенныхъ къ ней людей; кромѣ того, не могла не замѣчать, что въ отношеніи къ ней многіе измѣнились; подъ этимъ впечатлѣніемъ она при мнѣ разъ говорила — въ Царскомъ селѣ:

— „J'ai été bien heureuse dans ma vie; un de mes grands bonheurs a été celui d'avoir toujours été aimée de mes serviteurs— il m'ont toujours bien servie et ne m'ont j'amais quittée.... cependant il faut faire une exception—Gibbon et Sch***. [1]) m'a abandonnée". (Я была очень счастлива въ жизни; одно изъ величайшихъ для меня счастій—была любовь, которую оказывали мнѣ всегда мои служащіе—они всегда хорошо служили мнѣ и никогда не покидали меня.... за двумя лишь исключеніями, Гиббона и Ш***, которые покинули меня).

Я засталъ Александру Ѳеодоровну окруженною великою княгинею Александрою Іосифовною, великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, Лизою Раухъ, впослѣдствіи графинею Ферзенъ и маленькою Б—вою, которая впослѣдствіи сошла съ ума и была помѣщена въ одной изъ Дрезденскихъ лечебницъ. Императрица, бывшая всегда ко мнѣ чрезвычайно милостивою, и при этомъ случаѣ не измѣнила своему обычаю; много меня разспрашивала о Крымѣ, моемъ новомъ назначеніи, говорила о новой формѣ, причемъ замѣтила, что она никогда не привыкнетъ къ отсутствію эполетъ. Я защищалъ новую форму, представляя всѣ удобства и говоря, что мнѣ стоитъ только снять единственный мой Анненскій крестъ, чтобы оказаться въ сюртукѣ; при этихъ словахъ я взялся за верхнюю пуговицу мундира, чтобы отцѣпить крестъ. Показалось-ли „им-

[1]) Гиббонъ былъ французскій поваръ, а покойный гр. Ш*** сначала гофъ, а потомъ оберъ-гофмаршалъ двора, поспѣшившій оставить императрицу Александру Ѳеодоровну и пристроиться къ новому большому двору послѣ кончины Николая Павловича. В. Д.

ператрицѣ, что я собираюсь снимать мундиръ, я не знаю, но она замахала руками, и когда, снявши крестъ, я объявилъ, въ доказательство моихъ доводовъ на счетъ удобства моей формы, что я въ сюртукѣ, она много и громко смѣялась. Это обрадовало и развеселило всѣхъ ея окружавшихъ; одна изъ присутствовавшихъ потомъ вспоминала мнѣ этотъ эпизодъ при каждой встрѣчѣ, даже много лѣтъ спустя, и всегда повторяла: „je n'oublierai jamais comme vous avez fait rire maman, qui n'a pas souri depuis la mort de l'empereur Nicolas". (Я никогда не забуду, какъ вы разсмѣшили maman, которая ни разу не улыбнулась со смерти императора Николая). Затѣмъ императрица, показывая на свое рукодѣліе, сказала, что это для меня она вяжетъ манжетки (Pulswärmer), что она постарается на другой день ихъ кончить и что поручитъ гр. Тизенгаузенъ мнѣ ихъ доставить [1]); просила кланяться князю Радзивиллу-Леону и графу Кутузову [2]), которые оба въ то время находились въ Крыму, и, пожелавъ счастья и всякихъ успѣховъ, отпустила. Вспоминая съ сладостнымъ чувствомъ существовавшія въ то время и при Николаѣ Павловичѣ отношенія между государемъ, его семействомъ и его

---

[1]) Красныя гарусныя манжетки эти, дѣйствительно, мнѣ были на другой день доставлены графинею Е. Ѳ. Тизенгаузенъ, при письмѣ, которое я храню съ грамотами и дипломами на чины.

[2]) Гр. Кутузовъ, Василій Павловичъ, въ концѣ 1820-хъ годовъ служилъ въ кавалергардскомъ полку полковникомъ и флигель-адъютантомъ. Государь Николай Павловичъ, (такъ какъ Кутузовъ не хорошо ѣздилъ верхомъ), перевелъ его въ Преображенскій полкъ.... Кутузовъ оставилъ затѣмъ службу, оставался въ отставкѣ до 1854 г., но тогда поступилъ прежнимъ чиномъ въ Кіевскій гусарскій полкъ, принадлежавшій Крымской арміи. Впослѣдствіи этотъ самый графъ Кутузовъ былъ назначенъ командиромъ Кіевскаго гусарскаго полка и флигель-адъютантомъ, произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Е. В. и, наконецъ, назначенъ состоять при Е. В. королѣ прусскомъ, при которомъ ему суждено было быть свидѣтелемъ кампаніи 1866 г. противъ австрійцевъ и 1870 г. противъ Наполеона. Кутузова очень любятъ при прусскомъ, нынѣ (1871) германскомъ дворѣ. Пріятель мой, прусскій генеральный консулъ въ Варшавѣ, бар. Рейхенбергъ разсказывалъ мнѣ, что однажды у короля Вильгельма, послѣ охоты и хорошаго обѣда, когда пили крѣпкій пуншъ, разговорились о фамиліи Кутузовыхъ. Василій Павловичъ разсказывалъ, что его предки—германскіе выходцы и что первоначальная ихъ фамилія была просто Куту; это подхватилъ присутствовавшій при этомъ графъ Эйленбургъ и сказалъ: «ja, den Soff haben sie sich schon später angethan». «Да, пьяницами они стали лишь впослѣдствіи». Игра словъ: Soff по нѣмецки значитъ пьянство). В. Д.

военнымъ домомъ, „maison militaire“, я увѣренъ, что флигель-адъютанты 1871-го года объ этихъ отношеніяхъ не имѣютъ никакого понятія—и, чего добраго, разсказы о нихъ могутъ принять за лживое хвастовство!

На другой день я откланивался государю, который видимо былъ доволенъ, что я обмундированъ по новой формѣ, и императрицѣ Маріи Александровнѣ, которая меня благодарила за то, что я наканунѣ заставилъ смѣяться государыню Александру Ѳеодоровну.

X.

Командованіе Смоленскимъ полкомъ.

Путешествіе.—Пріѣздъ въ Харьковъ.—Встрѣча новаго 1856-го года.—Всеобщая неурядица и деморализація общества.—Печальное состояніе, въ какомъ я засталъ полкъ.—Полковые командиры.—Случай въ Полоцкомъ полку.—Мои нововведенія.—Генералъ Ушаковъ.

1855—1856 гг.

Не помню, котораго числа я оставилъ С.-Петербургъ, но хорошо помню, что я пріѣхалъ совсѣмъ больной въ Москву, гдѣ долженъ былъ пробыть нѣсколько сутокъ,—и что я не могъ отправиться въ дальнѣйшій путь ранѣе 25 декабря и выѣхалъ изъ Москвы подъ ~~звонъ~~ сорока сороковъ въ то время, когда вся Москва стекалась въ церкви для молитвы по случаю Рождества Христова и для того, чтобы благодарить за спасеніе Россіи въ 1812 году и молить Бога, да благословитъ наше оружіе въ Крыму, да сохранитъ русскую армію, уже многими тяжкими жертвами запечатлѣвшую свою преданность отечеству и государю.

Путешествіе мое совершалось медленно, во-первыхъ, потому что безчисленные и огромные ухабы дѣлали скорую ѣзду невозможною, а во-вторыхъ, потому что вслѣдъ за моею коляскою, поставленною на полозья, ѣхала еще большая кибитка подъ надзоромъ моего рейткнехта, отставнаго младшаго вахтмейстера л. гв. коннаго полка, рекомендованнаго мнѣ гр. Григорьемъ Александровичемъ Строгановымъ, Михаленко. Теперь, т. е. въ 1871 году, невольно изумляешься, вспоминая тѣ удобства, которыми пользовалась въ Россіи путешествующая публика въ 1855 году.

Не говоря объ отвратительныхъ станціяхъ, о безпрестанномъ недостаткѣ лошадей и, вслѣдствіе того, непріятныхъ сценахъ между проѣзжающими и смотрителями,—это считалось неизбѣжнымъ зломъ,—нельзя не разсказать о пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ.

Харьковъ уже въ то время считался однимъ изъ лучшихъ городовъ Россіи, и потому я льстилъ себя надеждою хорошо поужинать (это было ночью) и переночевать въ хорошей комнатѣ. Въѣзжая въ городъ, я приказалъ ямщику везти меня въ лучшую гостинницу, которая, какъ оказалось, называлась «благородною», т. е. устроенною при собраніи. Взобравшись по лѣстницѣ, освѣщенной однимъ чадящимъ ночникомъ, я долженъ былъ будить служителя. Son prémier mouvement en dépit — du dicton, s'est trouvé être mauvais, онъ мнѣ объявилъ, что все занято, но потомъ вспомнилъ о какомъ-то свободномъ номерѣ, и повелъ меня въ какой-то корридоръ, обязательно предупреждая, что онъ засвѣтитъ огня, безъ котораго не пройдешь. Оказалось, что этотъ корридоръ, служащій сообщеніемъ для всѣхъ номеровъ этой гостинницы, служилъ дортуаромъ для прислуги всѣхъ гг. пріѣхавшихъ ради праздниковъ въ губернскій городъ. Прислуга эта расположилась на полу, поперегъ корридора такъ, что еслибы я послѣдовалъ примѣру моего провожатаго, мнѣ пришлось бы перескочить чрезъ нѣсколько десятковъ спящихъ, по выраженію того времени, холопей. Но я рѣшительно отказался отъ предложенной мнѣ гимнастики и даже рѣшился уже уѣхать, какъ вдругъ, къ счастью моему, возвратился домой какой-то прикащикъ и, видя мое затрудненіе, сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: „Если вы желаете только переночевать и не боитесь спать въ большой комнатѣ, то я васъ помѣщу-съ“.

Это меня заинтересовало, а потому я потребовалъ объясненія; оказалось, что, за неимѣніемъ помѣщеній, мнѣ предлагали большую залу благороднаго харьковскаго собранія. Само собой разумѣется, что я принялъ предложеніе съ радостью, но на другой день долженъ былъ уѣхать ранѣе, чѣмъ хотѣлъ, потому что утромъ пришли полотеры и, кромѣ того, растворили всѣ окна для освѣженія залы предъ назначеннымъ въ тотъ день маскарадомъ; это было наканунѣ новаго 1856-го года.

Не зная, гдѣ мнѣ придется встрѣчать этотъ годъ, я на всякій случай запасся въ Харьковѣ двумя бутылками шампанскаго. Въ 11

часовъ вечера я пріѣхалъ, сколько могу припомнить, на станцію Водологи; тоска сильно овладѣла мной, но я бодрился.... приказалъ какъ можно лучше освѣтить комнату, подать ужинать и вино, позвалъ смотрителя и спросилъ его: „нѣтъ ли проѣзжающихъ, которыхъ бы я могъ пригласить встрѣтить со мной новый годъ“; оказалось, что въ сосѣдней комнатѣ спалъ г. Осиповъ, художникъ-живописецъ, но по случаю военнаго времени—промѣнявшій палитру на саблю и ѣхавшій вступить въ ряды Калужскаго ополченія, въ дружину кн. С. В. Кочубея. Я приказалъ его разбудить и покорнѣйше просить ко мнѣ; онъ оказался очень пріятнымъ человѣкомъ, впослѣдствіи я его встрѣчалъ въ Крыму, и онъ даже снималъ съ меня портретъ для Кочубея.

Подъѣзжая къ Екатеринославлю, мой старый Михаленко захворалъ и потому я долженъ былъ два дня прожить въ этомъ, soi-disant, городѣ. Само собой разумѣется, я никого не видалъ, т. е. не дѣлалъ никакихъ визитовъ и когда докторъ объявилъ, что Михаленко въ состояніи отправиться въ дальнѣйшій путь, поспѣшилъ оставить Екатеринославль. Безъ особенныхъ приключеній, не помню котораго числа, кажется 7-го или 8-го января 1856 г., я прибылъ въ грязный Бахчисарай, гдѣ просилъ пріюта у стараго товарища по Петергофскому лагерю, Николая Ѳедоровича Козлянинова. На сего послѣдняго я разсчитывалъ чтобы ознакомиться не съ личнымъ составомъ главнаго штаба,—онъ былъ мнѣ хорошо знакомъ,—но совсѣмъ, что въ арміи происходитъ, однимъ словомъ: съ новостями, съ разными толками и т. п. Я болѣе десяти дней никого не видѣлъ, газетъ не читалъ и потому считалъ любопытство въ этомъ случаѣ извинительнымъ. Николай Ѳедоровичъ Козляниновъ былъ именно тотъ человѣкъ, который мнѣ былъ нуженъ въ этихъ обстоятельствахъ. Я съ нимъ былъ знакомъ лѣтъ пятнадцать и помнилъ его въ мундирѣ инженеровъ путей сообщенія, но съ эксельбантомъ военной академіи, потомъ офицеромъ гвардейскаго генеральнаго штаба и, наконецъ, капитаномъ гвардейскаго конно-піонернаго дивизіона. Потомъ онъ былъ произведенъ въ полковники Ольвіопольскаго уланскаго полка, командиромъ котораго былъ братъ его П. Ѳ. Козляниновъ.....

Въ Севастополѣ Н. Ѳ. Козляниновъ, будучи помощникомъ кн. В. Н. Васильчикова, получилъ нѣкоторую извѣстность и былъ произведенъ въ генералы, но честолюбіе его не было удовлетво-

рено и потому я ожидалъ услышать отъ него сильныя порицанія всего, что дѣлалось въ главной квартирѣ и въ арміи вообще. Но я ошибся въ разсчетѣ; вообще, пробывъ два дня въ Бахчисараѣ, я не могъ надивиться (полному) равнодушію, царствовавшему въ обществѣ къ главнымъ дѣятелямъ нашей арміи, находившейся въ положеніи далеко не завидномъ, не говоря уже о томъ, что существовавшіе порядки, по интендантской и госпитальной частямъ, хотя и встрѣчали порицанія, но какъ-то слегка, въ видѣ юмористическихъ привѣтствованій, милыхъ анекдотовъ; серьезно къ этимъ глупостямъ никто не относился. Съ личностями, настоящее мѣсто которыхъ было бы, по моему мнѣнію, у позорнаго столба, не только знались, но и кутили. Не краснѣя разсказывали о хозяйственныхъ оборотахъ находчивыхъ полковыхъ командировъ, бравшихъ на себя доставку овса и мяса изъ новороссійскихъ губерній, посылавшихъ въ Полтавскую губернію соль, и т. п. Однимъ словомъ, я былъ пораженъ общею деморализаціею, и мнѣ казалось, что я попалъ въ среду, гдѣ не дѣлается различія между зломъ и добромъ; къ тому же, только что совершившаяся перемѣна главнаго начальства пошатнула положеніе многихъ лицъ, считавшихъ себя вліятельными, что еще усиливало ту неурядицу, которую я не могъ не замѣтить и которая должна была меня сильно опечалить. Новый главнокомандующій уже пріѣхалъ, старый начальникъ главнаго штаба былъ еще на лицо, новый еще не прибылъ изъ Николаева.

Я поспѣшилъ явиться къ генералу Лидерсу, потомъ къ генералу Коцебу; къ сему послѣднему, какъ старому знакомому, я обратился съ просьбой дать мнѣ добрый совѣтъ, какъ приступить къ дѣлу, говоря, что я никогда не служилъ въ арміи и, вѣроятно, не разъ буду находиться въ затрудненіи; на это сей генералъ отвѣчалъ мнѣ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— „Постарайтесь, чтобы все у васъ въ полку было исправно“.

Впослѣдствіи я часто вспоминалъ эти слова, когда я зналъ полки, въ которыхъ начальствомъ все признавалось исправнымъ, но въ которыхъ дисциплина не существовала, полковые командиры имѣли право на полнѣйшее презрѣніе, а офицерамъ нельзя было поручить продовольствованіе взвода солдатъ....

Кажется, 12-го января 1856 г., въ самомъ мрачномъ настроеніи я выѣхалъ изъ Бахчисарая и поѣхалъ прямо въ Орто-Коралесъ

къ своему начальнику дивизіи, временно, послѣ отбытія генерала Сухозанета, командовавшему 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, Александру Клеониковичу Ушакову. Съ этимъ господиномъ я познакомился при самыхъ оригинальныхъ обстоятельствахъ, послѣ гулянья въ Павловскѣ, въ С.-Петербургѣ, лѣтъ десять передъ этимъ; мы цѣлый вечеръ провели вмѣстѣ и послѣ этого встрѣтились въ первый разъ, въ Коралесѣ. О службѣ у насъ съ нимъ, какъ при первомъ свиданіи, такъ и впослѣдствіи, разговора не было, если не считать служебнымъ разговоромъ то, что онъ мнѣ говорилъ о кн. Эристовѣ, командовавшемъ Смоленскимъ полкомъ, о томъ, что онъ прекрасный человѣкъ, что онъ принялъ полкъ при исключительныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и т. п., что, какъ я узналъ впослѣдствіи, обыкновенно говорятъ дивизіонные начальники вновь назначеннымъ полковымъ командирамъ, чтобы склонить ихъ къ снисходительной пріемкѣ. Строгій пріемъ полка составляетъ самый серьезный контроль взгляда на службу и требовательности начальника дивизіи, и потому такіе . . . . . начальники, какъ А. К. Ушаковъ, всегда сильно заинтересованы въ снисходительности новыхъ полковыхъ командировъ. Вскорѣ оказалось, что Смоленскій полкъ, которымъ мнѣ приходилось командовать, былъ во всѣхъ отношеніяхъ въ бѣдственномъ положеніи. Но что всего хуже, разстройство его не ограничивалось хозяйственною частью; неуваженіе къ начальству пошатнуло дисциплину и я, къ отчаянію своему, долженъ былъ убѣдиться, что, при всей моей неопытности, мнѣ приходилось работать безъ помощниковъ; знакомясь съ офицерами, я приходилъ въ уныніе, потому что засталъ совершенно безграмотнаго казначея, вмѣсто адъютанта — писаря, котораго ни за что не согласился бы держать въ своей канцеляріи, будучи баталіоннымъ адъютантомъ л.-гв. Сапернаго баталіона. Нѣкоторые штабъ-офицеры напивались до пьяна, а прапорщики, что называется, до чертиковъ, и все это никого не поражало, это считалось въ порядкѣ вещей. На мнѣ лежала тяжкая обязанность возстановить порядокъ, не измѣняя состава, потому что не кѣмъ было замѣнить не только неспособныхъ, но даже тѣхъ, которые своимъ поведеніемъ ежедневно доказывали, что они недостойны офицерскаго званія. . . . . .
. . . . . Въ надеждѣ въ ско-

ромъ времени исправить бо́льшую часть главныхъ недостатковъ полка, я отпустилъ . . . . . кн. Э—ва съ чистою квитанціею и взялся за новое и трудное для меня дѣло съ отвращеніемъ, потому, во-первыхъ, что хозяйскія дрязги всегда мнѣ были противны, а во-вторыхъ, потому что при каждомъ моемъ приказаніи квартирмейстеръ и казначей смотрѣли на меня съ какимъ-то недоумѣніемъ, выражающимъ, по моему мнѣнію, два вопроса: „Что онъ: просто глупъ или сумасшедшій?“ Если прибавить, что я не могъ не только получить разумнаго совѣта отъ начальника дивизіи или бригаднаго командира, но даже не могъ ни съ кѣмъ откровенно поговорить, то каждый пойметъ трудность моего положенія и извинитъ унынie, въ которое я приходилъ иногда по вечерамъ, въ одиночествѣ, въ своей, впрочемъ довольно уютной, землянкѣ.

Могилевскимъ полкомъ командовалъ полковникъ Вознесенскій, Витебскимъ—Оленичъ и Полоцкимъ — О***. Оленичъ считался въ дивизіи честнѣе прочихъ; О*** же, умный человѣкъ и храбрый офицеръ, полякъ и воспитанникъ варшавскихъ піаровъ положительно считалъ ввѣренный ему полкъ фольваркомъ, даннымъ ему въ аренду. . . . . Чтобы дать хотя маленькое понятіе о томъ, что происходило въ Полоцкомъ полку, я долженъ разсказать о происшествіи, которое меня изумило и привело въ негодованіе, но только меня; вся дивизія, которой сдѣлался извѣстнымъ случай, о которомъ я сейчасъ разскажу, осталась совершенно равнодушною....

Въ одинъ вечеръ у меня играли въ карты, и какъ теперь помню, я игралъ съ О*** и дружиннымъ начальникомъ Калужской губерніи, полковникомъ Альбединскимъ, который для выраженія удивленія всегда говорилъ: „скворецъ небесный“, какъ вдругъ близъ моей землянки послышался совсѣмъ необыкновенный шумъ и въ то же время ворвался ко мнѣ безъ доклада офицеръ Полоцкаго полка. Оказалось, что это былъ дежурный по полку, видимо весьма разстроенный, пришедшій въ сопровожденіи цѣлой толпы полоцкихъ солдатъ къ моей землянкѣ, чтобы доложить полковому командиру, что ужина солдаты не разбираютъ, говоря, что его невозможно ѣсть. О*** вскочилъ съ своего мѣста и выбѣжалъ на дворъ. Въ непродолжительномъ

времени онъ возвратился, но пріятное расположеніе духа, которымъ онъ отличался въ началѣ нашей партіи, его оставило— онъ былъ красенъ какъ ракъ и вполголоса неоднократно повторялъ: „негодяи!“

Какъ онъ успокоилъ голодныхъ солдатъ и вообще въ чемъ заключалось его распоряженіе, такъ какъ мнѣ было неловко и щекотливо наводить справки, я и по сіе время не знаю.

Хотя не такого скандальнаго свойства, но и у меня въ Смоленскомъ полку были происшествія; напримѣръ, прапорщикъ А***, вслѣдствіе какого-то неудовольствія, подъѣхалъ верхомъ въ пьяномъ видѣ къ землянкѣ прапорщика Вановича и выстрѣлилъ два раза въ окно изъ револьвера; къ счастью, пули никого не задѣли, и Вановичъ самъ на другой же день умолялъ меня не предавать суду Адамова. Я согласился, но съ А*** началъ составлять списокъ, по которому впослѣдствіи заставилъ выйти изъ полка 28 офицеровъ, въ томъ числѣ маіора И***, произведеннаго въ маіоры генераломъ Ушаковымъ, по той уважительной причинѣ, что долѣе оставить его ротнымъ командиромъ было бы опасно и невозможно. Крутыя мѣры, принятыя мной для огражденія солдатскихъ интересовъ, и перемѣны, произведенныя въ полковомъ хозяйствѣ, возбудили сильное неудовольствіе между полковыми командирами 7-й дивизіи; однако никто изъ нихъ не рѣшился объясниться со мной по этому щекотливому вопросу, одинъ разъ только бар. М*** [1]), адъютантъ генерала Ушакова, коснулся этого вопроса, но былъ немедленно вынужденъ замолчать слѣдующими словами: „Я командую полкомъ по своей совѣсти, какъ умѣю; во всякомъ случаѣ, я вашихъ совѣтовъ не прошу и удивляюсь, что вы вздумали мнѣ давать таковые“.

Генералъ Ушаковъ. . . . . устраивалъ у бригадныхъ и полковыхъ командировъ по очереди одуряющія вечеринки; я долженъ былъ покориться установленному порядку и по субботамъ принимать всѣхъ иска-

---

[1]) Нынѣ (1871 г.) командуетъ Новочеркасскимъ пѣхотнымъ полкомъ и, говорятъ, пользуется милостью начальства.... В. Д.

телей партіи въ преферансъ, сомнительнаго достоинства ужина и отвратительнаго Крымскаго вина [1]).

Не смотря на близость непріятеля, отъ моего полка аванпостовъ не высылалось, и вообще царствовало какое-то затишье, окончательно наводившее тоску на жителя землянки, пріѣхавшаго въ Крымъ ужъ, конечно, не для того, чтобы контролировать раненыхъ артельщиковъ, ѣздить къ Т*** въ Орто-Коралесъ и играть въ ненавистный ералашъ, въ невыносимомъ для меня обществѣ полковыхъ командировъ . . . .

Тутъ кстати сказать нѣсколько словъ объ этомъ генералѣ, фамилія котораго сдѣлалась извѣстною, по случаю жадно читавшихся по всей Россіи первыхъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ въ 1853 г. Генералъ Ушаковъ, котораго я помню еще командиромъ Галицкаго егерскаго полка, былъ впослѣдствіи начальникомъ штаба 2-го пѣхотнаго корпуса у генерала Куприянова [2]) и,

---

[1]) Мнѣ говорили, впрочемъ, что въ началѣ военныхъ дѣйствій въ Крыму можно было имѣть вино очень порядочное, но что запасы его истощились. Я этому не вѣрю, потому что мнѣ не случалось пить хорошаго Крымскаго вина, даже въ сентябрѣ 1854 года. Д.

[2]) Генерала Куприянова я помню съ 1832 года, т. е. онъ тогда уже командовалъ дивизіею и былъ извѣстенъ какъ несправедливый начальникъ: въ 1835 году онъ отличился выходкою, которую я часто вспоминаю, ежедневно приходя въ негодованіе, по случаю отсутствія достоинства, которымъ пользуется (1871 г.) въ Царствѣ Польскомъ гр. N. N., по своей скупости, лживости, пустословію и мелкимъ хитростямъ, которыми онъ, слава Богу, уже давно ничего не достигаетъ.... На международномъ Калишскомъ высочайшемъ смотру 1835 года, генералъ Ѳ. Б. . . ., бывшій тогда генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи, по свойственной ему суетѣ и страсти вмѣшиваться не въ свое дѣло, подъѣхалъ къ линейнымъ унтеръ-офицерамъ 7-й пѣхотной дивизіи, когда баталіоны уже вводились въ линію, и занялся ровненіемъ ихъ.... Генералъ Куприановъ, бывшій при этомъ и притомъ будучи не въ духѣ, послѣ проигрыша и ночи, проведенной безъ сна, обратился къ Ѳ. Ѳ. Б.... съ слѣдующей рѣчью, которую и въ то время даже 7-я дивизія съумѣла назвать: «peu parlementaire», а именно: «в. пр—во, я вамъ совѣтую убираться ....»; удивленный, но не смущенный Ѳ. Ѳ. Б...., въ отвѣтъ на это милое привѣтствіе, обратился къ бывшимъ при немъ офицерамъ и сказалъ: «Messieurs, je crois que nous ferions bien de nous en aller d'ici—n'est ce pas? un peu de galop, messieurs». (Мнѣ кажется, господа, что намъ лучше бы уѣхать отсюда, не правда ли? Двинемтесь галопомъ, господа). Затѣмъ, пришпорилъ лошадь, и пріятныя отношенія между начальникомъ 7-й дивизіи и генералъ-квартирмейстеромъ какъ будто не нарушались. Куприянова, не смотря на старость и увѣчья (онъ лишился ноги подъ Добречиномъ, во время венгерской кампаніи) не уважаютъ, а государь даже на праздникахъ л.-гв. Финляндскаго

наконецъ, командуя 7-ю пѣхотною дивизіею, въ 1853-мъ году, очутился начальникомъ отряда на низовьяхъ Дуная. Этому отряду было предписано переправиться чрезъ Дунай одновременно съ нашими главными силами и взять слабо укрѣпленную крѣпостцу Тульчу. Подробности распоряженій генерала Ушакова для достиженія предписанной цѣли, по своей несообразности, поспѣшности и необдуманности, еще теперь, когда я лишь вспоминаю разсказы десятковъ очевидцевъ этого блистательнаго soi-disant дѣла, меня приводятъ въ негодованіе. Тульча была атакована Могилевскимъ полкомъ и 2-мъ и 3-мъ батальонами Смоленскаго полка безъ предварительныхъ рекогносцировокъ. именно съ той стороны, съ которой турки ожидали нападенія и которая поэтому представляла сильное вооруженіе; съ другихъ же сторонъ, какъ и показали послѣдствія, защита ея была ничтожна и не смотря на камыши, вѣроятно считавшіеся турками непроходимыми, легко могла быть взята безъ значительныхъ потерь, понесенныхъ въ этомъ дѣлѣ 1-ю бригадою 7-й пѣхотной дивизіи убитыми и ранеными до 700 человѣкъ. Весь отрядъ генерала Ушакова находился въ этотъ день на правомъ берегу Дуная, на лѣвомъ оставался лишь 1-й баталіонъ Смоленскаго полка, всѣ знамена 7-й дивизіи, и о ужасъ! кто бы повѣрилъ? самъ храбрый и распорядительный командиръ ея—Александръ Клеоноковичъ.

4-го августа 1855 г., въ постыдный для главнаго начальства и хотя несчастный, но славный день для нашего войска, въ особенности для 12-й дивизіи, которая своею атакою Ѳедюхиныхъ горъ удивила французовъ [1]), 7-я дивизія почти не была

полка, въ которомъ Куприяновъ числится, не показываетъ ему никакого вниманія. На это послѣднее обстоятельство обратилъ мое вниманіе генералъ Безакъ, года четыре или пять тому назадъ, послѣ обѣда, даннаго государемъ л.-гв. Финляндскому полку въ Зимнемъ дворцѣ, а я, въ отвѣтъ на это замѣчаніе, сказалъ Безаку, что есть достоинства и въ Куприяновѣ, и разсказалъ ему вышеприведенный анекдотъ, за достовѣрность котораго и ручаюсь, потому что слышалъ его отъ своего дяди К. П. Дена, бывшаго въ 1835 г. шт.-капитаномъ генеральнаго штаба и находившагося при Ѳ. Ѳ. Б. . . ., когда его обласкалъ ген. Куприяновъ. В. Д.

[1]) По заключеніи мира, многіе французскіе офицеры говорили мнѣ, что они съ восторгомъ и удивленіемъ (stupeur) смотрѣли на 12-ую дивизію, когда она, подъ предводительствомъ неустрашимаго генерала Мартинау, атаковала Ѳедюхины горы, и прибавили: «nous n'avons pas pu nous empêcher d'applaudir ces héros (мы не могли не апплодировать этимъ героямъ). В. Д.

въ дѣлѣ . . . . . .
Вся дивизія, если не видѣла, то знала объ этомъ — это, къ несчастію, не послужило Ушакову препятствіемъ къ дальнѣйшему командованію 7-ю дивизіею, а впослѣдствіи, во время польскаго возстанія 1863 и 1864 гг., завѣдыванію военнымъ отдѣломъ въ городѣ Радомѣ, гдѣ его распоряженія и дѣятельность были настолько неудовлетворительны, что поспѣшили произвести его въ генералы отъ инфантеріи и дать его дивизію генералу Бельгарду. Къ сожалѣнію, я еще не могу сказать теперь: довольно о генералѣ Ушаковѣ, миръ праху его. . . .

Однако, я далеко забѣжалъ впередъ, надо возвратиться къ незавидной эпохѣ зимы 1855 и 1856 годовъ.

XI.

Полковыя дѣла.

Поставка мяса.—25,000 руб. пропали даромъ.—Недостатокъ дровъ и фуража.—Новый способъ добыванія сѣна.—Первая вѣсть о перемиріи.—Встрѣча русскихъ генераловъ съ французскими уполномоченными.—Заключеніе условій перемирія.

1856 г.

Генералъ Затлеръ пользовался въ то время (1856 г.) репутаціею отличнаго генералъ-интенданта, а впослѣдствіи, когда открылись злоупотребленія въ громадныхъ, ужасающихъ размѣрахъ, совершавшихся и уже давно совершившихся въ его управленіе, я слышалъ многихъ его сторонниковъ, говорившихъ:

— „Нельзя гоняться за строгою экономіею, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы войска были сыты; а съ тѣхъ поръ, что русскія арміи существуютъ, при Затлерѣ впервые войска не голодали“...

Будучи въ Крыму, не вдаваясь ни въ какія штабныя сплетни, я скажу только то, за что могу поручиться, и опишу то, что самъ испыталъ, въ качествѣ полковаго командира.

Въ началѣ 1856 г., въ теченіи трехъ недѣль, у насъ не было хлѣба, но зато была увеличена дача крупы. Мясная порція отпускалась постоянно, но я сомнѣваюсь, чтобы она приносила ту пользу, которой отъ нея ожидали для силъ и здоровья солдата, и вотъ по какой причинѣ: подрядчики, взявшіеся поставлять мясо вой-

скамъ, гнали свои гурты изъ отдаленныхъ губерній, безъ подножнаго, слѣдовательно, совсѣмъ безъ корма; я самъ видѣлъ, что несчастные волы, совершенно истощенные безкормицею и продолжительнымъ путешествіемъ, падали на дорогѣ и испускали духъ въ глубокой грязи нашихъ черноземныхъ степныхъ дорогъ. Когда кому нибудь изъ подрядчиковъ удавалось пригнать гуртъ скота въ расположеніи той дивизіи, которую онъ взялся снабжать мясомъ, то, въ ожиданіи случая попасть во щи, волы бродили по степи и, подобравши остатки бурьяна, питались своимъ собственнымъ пометомъ. Немудрено при этомъ, что при всей своей снисходительности, военные врачи бывали вынуждены браковать говядину, объявляя ее вредною или даже негодною. Въ нѣкоторыхъ полкахъ, какъ, напримѣръ, въ Полоцкомъ, поставку мяса брали на себя полковые командиры; тамъ, конечно, браковка говядины не имѣла мѣста, но потому-ли, что мясо было доброкачественное? Не смотря на высокія цѣны, по которымъ обходилась казнѣ мясная и винная порція, подрядчики были недовольны и жаловались. Въ одно утро ко мнѣ явился еврей Френкель, подрядчикъ Смоленскаго и Могилевскаго полковъ, называвшій Варшавскаго банкира своимъ дядею, и съ радостною физіономіею объявилъ мнѣ, что ходатайства полковыхъ командировъ увѣнчались успѣхомъ и что главнокомандующій приказалъ увеличить цѣну еще на 50 коп. съ пуда. Я на это объявилъ г. Френкелю, что онъ ошибается, что я объ этомъ не ходатайствовалъ, что у него съ Смоленскимъ полкомъ заключенъ контрактъ и что онъ не имѣетъ права его нарушать... Въ это время ко мнѣ вошелъ полковой квартирмейстеръ ш.-к. Клименко, съ бумагами, подтвердилъ слова Френкеля и подалъ мнѣ печатное приказаніе по полкамъ, именемъ главнокомандующаго отданное, но подписанное начальникомъ главнаго штаба Н***. Меня все это бѣсило, потому что я инстинктивно чуялъ какую нибудь продѣлку..... Пробѣжавъ краткое печатное приказаніе, гдѣ дѣйствительно было сказано, что главнокомандующій, во вниманіе къ ходатайству полковыхъ командировъ, согласился увеличить цѣну на говядину еще на 25 коп., передалъ это приказаніе Френкелю, говоря:

— „А ты все-таки врешь, потому что прибавлено не 50, а только 25 коп. сер.“.

.... Не смотря на негодованіе, возбуждаемое во мнѣ, когда я убѣждался, что у насъ..... такъ безцеремонно занимались (сдѣлками съ подрядчиками), я былъ настолько остороженъ, что изъ всего этого не поднялъ шуму, никому не писалъ, не говорилъ, но спряталъ оба экземпляра приказаній по арміи, т. е. то, которое было получено въ полку офиціальнымъ путемъ, а равно и то, которое было выдано подрядчику . . . . . До какой степени одолѣвала меня въ то время безсильная злоба, можно судить потому, что теперь (1872 г.), по прошествіи 16-ти лѣтъ, у меня, при одномъ воспоминаніи о томъ, холодѣютъ и дрожатъ руки, такъ что я рѣшительно не въ состояніи писать...

...Уже три недѣли послѣ моего водворенія въ землянкѣ полковаго командира Смоленскаго полка, я удалился настолько отъ общества А. Н. У*** и бригадныхъ [1]) и полковыхъ командировъ, что вскорѣ составилъ себѣ репутацію мизантропа. Въ это время я научился курить и, выписавши себѣ сигаръ, скоро сдѣлался настоящимъ курильщикомъ.

Не смотря на совершенное бездѣйствіе, собственно въ военномъ отношеніи, нельзя сказать, чтобы наши войска, на Бельбекѣ расположенныя, отдыхали. За неимѣніемъ дровъ и лѣсу на Бельбекѣ, надо было, для отопленія землянокъ и для варки пищи, посылать цѣлые отряды въ такъ называемый лѣсъ, т. е. мелкій дубовый кустарникъ; его вырубали и за 8 верстъ приносили на рукахъ. Я было хотѣлъ посылать подводы, но это оказалось совершенно невозможнымъ: во-первыхъ, паши огромныя и тяжелыя полуфурки не могли пройти тамъ, гдѣ проходили пѣшеходы, а во-вторыхъ, $^1/_3$ часть противъ числа по штату положенныхъ подъемныхъ лошадей, принятыхъ мною съ полкомъ, были изнурены до того, что не были въ состояніи передвигать ноги. Фуражъ, доставляемый интендантствомъ, soi-disant, натурою, уже давно получался очень неаккуратно: случалось, что по двѣ недѣли не получался вовсе. Смоленскія подъемныя лошади стояли подъ навѣсомъ и когда

---

[1]) Бригадными командирами были у насъ Г. М. Бялый и С***, получившіе извѣстность командуя Якутскимъ и Селенгинскимъ полками; оба были очень храбрые офицеры, но люди совершенно необразованные, а С*** къ тому-же пьяница. Первый вышелъ въ отставку въ 1857 г., а второй умеръ керченскимъ комендантомъ, кажется, въ 1865 г. В. Д.

я замѣтилъ квартирмистру, что слѣдовало бы что нибудь сдѣлать для предохраненія ихъ отъ стужи, то Клименко показалъ мнѣ, что конюшня имѣла прежде стѣны изъ плетня, но что этотъ плетень былъ не только обгложенъ, но почти до основанія съѣденъ лошадьми, пользующимися интендантскимъ сѣномъ. За этимъ сѣномъ приходилось посылать, когда получалось извѣщеніе, что на такомъ-то пунктѣ оно заготовлено, но такъ какъ оно заготовлялось постоянно въ пропорціи гораздо меньшей противъ дѣйствительной необходимости, то часто бывало, что голодныя лошадки, съ трудомъ двигая тяжелыя и хотя пустыя полуфурки по глубокой грязи, возвращались домой съ тѣмъ, чтобы по прежнему объѣдать свою плетневую конюшню.

Такъ какъ это положеніе меня возмущало и я настоятельно требовалъ помощи этому горю, то рѣшено было не жалѣть денегъ для добыванія сѣна. Это производилось слѣдующимъ образомъ: когда офицеръ, назначенный для полученія сѣна, пріѣзжалъ къ интендантскому чиновнику, распоряжавшемуся раздачею фуража, и упрашивалъ его отпустить должное и уже давно просроченное количество сѣна, онъ обыкновенно получалъ слѣдующій отвѣтъ:

— „Вы видите сами: сѣна мало, выдается оно по очереди поступленія требованія, а уже записанныхъ у меня пріемщиковъ 36,—вы будете 37-мъ".

Недостатокъ фуража былъ до того ощутителенъ, по непростительному недостатку самой обыкновенной предусмотрительности, что главнокомандующій былъ вынужденъ приказать перевести артиллерійскихъ лошадей за Перекопъ, такъ что у насъ въ передовой линіи стояли цѣлыя батареи безъ лошадей, а нѣкоторыя съ третьею частью необходимыхъ лошадей для передвиженія. Это положеніе нашей арміи заставляло призадумываться даже самыхъ неустрашимыхъ оптимистовъ. Въ это время стали доходить до насъ слухи о предстоявшемъ близкомъ заключеніи мира, а какого именно числа—не припомню. А. Е. Тимашевъ увѣдомилъ меня, что ему поручено заключить мѣсячное перемиріе и что онъ для сего на другой день предполагаетъ ѣхать на Черную рѣчку для переговоровъ съ генераломъ Martinprè, начальникомъ главнаго штаба французской арміи, уполномоченнымъ со стороны враждебныхъ намъ союзныхъ войскъ вести перего-

воры и заключить перемиріе. Извѣстіе это пролетѣло, какъ электрическая искра, съ поразительною скоростью по всѣмъ бивуакамъ, и было встрѣчено повсюду съ радостью; никто не спрашивалъ: какія жертвы потребуются отъ Россіи для заключенія мира? чѣмъ вознаградятся ужасныя потери, понесенныя нами во время безпримѣрной, почти годовой, защиты Севастополя? Всѣ радовались, что будетъ, наконецъ, положенъ предѣлъ лишеніямъ, которымъ всѣ уже такъ давно подвергались, а возможность скораго возвращенія въ Россію дѣлала всѣхъ просто малодушными.

Rendez-vous былъ назначенъ на Мекензіевой горѣ, въ расположеніи Селенгинскаго пѣхотнаго полка; оттуда генералъ А. Е. Тимашевъ, съ многочисленною свитой, отправился верхомъ къ трактирному мосту, гдѣ была назначена встрѣча съ генераломъ Martinpré. А. П. Озеровъ, считавшійся одною изъ главныхъ причинъ еще некончившейся войны, былъ командированъ главнокомандующимъ въ помощь генералу Тимашеву для заключенія условій перемирія. Кромѣ меня, много любопытныхъ присоединилось къ нашему кортежу; тутъ были представители всевозможныхъ войскъ въ самыхъ разнообразныхъ мундирахъ. Покойный Андреевскій, въ мундирѣ л.-гв. гусарскаго полка, кн. Сергѣй Викторовичъ Кочубей, въ мундирѣ калужскаго ополченія (сѣромъ), Василій Шереметевъ, въ бѣломъ кафтанѣ орловскаго ополченія, и много другихъ...

Генералъ Martinpré встрѣтилъ насъ во главѣ многочисленной свиты, не доѣзжая версту трактирнаго моста, возлѣ котораго, по лѣвую сторону Черной рѣчки, были разбиты шатры для нашего пріема. Кромѣ того, на этомъ же мѣстѣ собралась многочисленная, весьма разнообразная публика изъ англійскаго, сардинскаго и турецкаго лагерей. Тутъ меня очень скоро познакомили съ многими французскими и англійскими генералами; не многихъ я теперь могу припомнить, но нѣкоторыхъ не забылъ, а именно: Винуа, général de division, и почтенную личность Sir Collin Campbel'я, также начальника дивизіи и, кажется, командира шотландской пѣхоты, именуемой cold-stream.

Послѣ первыхъ привѣтствій, Тимашева и Озерова просили войти въ палатку, гдѣ былъ приготовленъ письменный столъ, а всѣхъ прочихъ лицъ пригласили въ другія палатки, въ которыхъ были приготовлены освѣжительные запасы. День былъ

сырой и холодный; туманъ, сырость, видъ представителей враждебныхъ намъ націй, все это нисколько не располагало къ веселію, а напротивъ того, повергало въ раздумье и дѣлало меня болѣе обыкновеннаго молчаливымъ. Послѣ продолжительнаго, довольно нескладнаго разговора съ двумя вышепоименованными генералами, я не могъ не согласиться войти въ одну изъ палатокъ и, по самому любезному приглашенію старика Collin Campbel'я, выпить рюмку хереса. Каково было мое удивленіе, когда, войдя въ эту палатку, я засталъ въ ней въ то время всей арміи хорошо извѣстнаго весельчака, запѣвалу, кутилу и поэта А. Н. Амосова, въ дружескомъ и интимномъ разговорѣ съ англійскимъ артиллерійскимъ капитаномъ Моррисомъ. Не смотря на полное незнаніе Амосовымъ англійскаго, а Моррисомъ французскаго языка, они не только понимали другъ друга, но уже успѣли угоститься, и когда я вошелъ, Амосовъ уже предлагалъ Моррису пить Bruderschaft. Tout cela m'a laissé une impression pénible... (Все это произвело на меня тяжелое впечатлѣніе.).

XII.

Отъ заключенія мира до коронаціи.

Юбилей отца.—Нравственный уровень офицерства.—Дѣятельность одного князя по торговлѣ. — Приказъ по 7-й пѣхотной дивизіи. — Съемки. — Выигранное пари. — На похоронахъ генерала Гильденшмидта. — Могилы воиновъ, убитыхъ подъ Севастополемъ.—Назначеніе генерала Карла Егоровича Врангеля командующимъ войсками въ Крыму.

1856 г.

17-го марта 1856 года отецъ мой праздновалъ свой пятидесятилѣтній юбилей службы въ офицерскихъ чинахъ, и мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь особеннымъ почтить этотъ день, но по разнымъ причинамъ я предпочелъ не придавать никакой оффиціальности этому семейному празднику; а потому и ограничился тѣмъ, что просилъ постоянно обѣдающихъ у меня офицеровъ выпить за здоровье моего дорогаго юбиляра. Недѣли двѣ спустя я получилъ письмо, которымъ отецъ меня увѣдомлялъ, что 17-го марта государь назначилъ его шефомъ [1]) 4-й роты л.-гв. Сапер-

[1]) Не всѣмъ въ настоящее время извѣстно значеніе, которое въ то время придавалось подобному отличію; чтобы объяснить его наглядно, я укажу на

наго баталіона, которымъ онъ командовалъ въ 1816 году, подарилъ ему картину [1]) съ портретами нѣкоторыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ баталіона и продлилъ еще на нѣсколько лѣтъ получаемую имъ аренду. Бывшіе и настоящіе подчиненные отца сдѣлали подписку и собрали капиталъ, на проценты котораго, съ высочайшаго соизволенія, положили содержать воспитанника (пан. сіонера генерала Дена) въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ. Все это меня чрезвычайно обрадовало, а предстоявшій миръ, въ скоромъ заключеніи котораго уже никто не сомнѣвался, давалъ мнѣ право надѣяться, что отецъ благополучно оставитъ кронштадтскую свою тяжелую обязанность, а по назначеніи великаго князя Николая Николаевича инспекторомъ по инженерной части — и должность инспектора и, наконецъ, послѣ продолжительной, дѣйствительно примѣрной, службы, поѣдетъ отдыхать въ Козенице.

Не помню котораго именно числа, но, кажется, еще въ мартѣ, дошло до насъ извѣстіе объ окончательномъ заключеніи мира; почти никто въ нашемъ отрядѣ не спрашивалъ какою цѣною купленъ миръ, всѣ ему обрадовались; но армейскіе разсчетливые офицеры, любящіе усиленные оклады военнаго времени, призадумались и пріуныли. Я не упоминаю здѣсь о впечатлѣніяхъ моихъ при близкомъ знакомствѣ съ офицерами армейскихъ полковъ того времени; впечатлѣнія эти были тяжелыя, мое національное патріотическое, а равно и военное чувство оскорблялись часто понятіями и поведеніемъ (нѣкоторыхъ) офицеровъ. Въ нравственномъ отношеніи, солдатъ нашъ стоялъ въ то время несравненно выше нашихъ офицеровъ, но я утѣшаюсь тѣмъ, что я вывожу это заключеніе изъ видѣннаго и испытаннаго мной только въ 7-й пѣхотной дивизіи, хотя не могу умолчать и о томъ, что бывшіе гвардейскіе офицеры, командовавшіе курскими дружинами, а именно—Рыльскою, С — въ, и Льговскою, И — въ—отличались

примѣры: до 1840-хъ годовъ только члены императорской фамиліи назначались шефами гвардейскихъ частей; первымъ изъ простыхъ смертныхъ, назначенныхъ шефомъ гвардейской роты, былъ ген.-ф. кн. Пасковичъ—Преображенской роты, потомъ ген.-ф. кн. Волконскій — Семеновской; послѣ нихъ получилъ это отличіе инженеръ-генералъ Н. И. Денъ, а потомъ въ разное время гр. Ридигеръ былъ шефомъ роты Семеновскаго полка и, наконецъ, гр. С. Ѳ. Апраксинъ былъ награжденъ такимъ же отличіемъ въ Кавалергардскомъ полку.

[1]) Находится теперь (1872 г.) въ моемъ маленькомъ Козеницкомъ кабинетѣ.

В. Д.

корыстолюбіемъ, ... вообще честный и безкорыстный полковой командиръ (въ 1840-хъ гг.) былъ что-то неслыханное и невидѣнное, въ родѣ той птицы, что французы называютъ «le merle blanc».

Я забылъ сказать, что когда я принималъ полкъ, къ нему была прикомандирована курская дружина; командиръ ея (маіоръ Я — въ) уже былъ преданъ суду за разныя противозаконныя дѣйствія и неприличное поведеніе, а на его мѣсто былъ назначенъ, по выбору генерала Ушакова, маіоръ И — кій, не помню изъ какого Егерскаго полка; когда я опрашивалъ эту несчастную дружину, не было ни одного рядоваго, который бы не принесъ мнѣ жалобы на своего батальоннаго и ротныхъ командировъ, которые не только не выдавали опредѣленнаго довольствія нижнимъ чинамъ, но еще обижались возбужденнымъ ими самими ропотомъ и, при всякомъ случаѣ, рвали бороды и колотили ратниковъ. Само собою разумѣется, что этотъ И — кій немедленно былъ преданъ суду и несчастные курскіе землепашцы, неожиданно сдѣлавшіеся воинами, вскорѣ были отправлены по домамъ.

Кажется, въ апрѣлѣ 1856 года, Смоленскій пѣхотный полкъ получилъ приказаніе перейти на сѣверную сторону Севастопольскаго рейда и занять мѣсто уже выступившаго Тобольскаго пѣхотнаго полка. Одинъ изъ моихъ близкихъ сосѣдей по бивуачному расположенію на Бельбекѣ, ***, обнаружилъ, по заключеніи мира, такую способность къ торговымъ оборотамъ, что я не могу не умолчать о его дѣятельности. Селеніе Біюкъ Сіопрель, гдѣ была расположена его калужская дружина, немедленно по заключеніи мира сдѣлалось большимъ складомъ контрабандныхъ товаровъ, а самъ князь—пособникомъ разныхъ французскихъ и итальянскихъ промышленниковъ, привозившихъ всевозможные съѣстные припасы и напитки, получаемые моремъ въ Камышѣ и Балаклавѣ для сбыта нашимъ войскамъ. Кн. *** faisait l'article, какъ говорятъ французы, и кормилъ и поилъ у себя разную иностранную сволочь, а самъ уже собирался оставить свою дружину и ѣхать въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ онъ предложилъ мнѣ взять у него выписанные имъ изъ Москвы разные запасы и вино; я объявилъ ему сколько и чего именно я хочу взять, въ убѣжденіи, что все мнѣ будетъ доставлено ан

prix de revient. Оказалось, что ***, приславшій мнѣ счетъ, принятый мною, безспорно, съ полнымъ довѣріемъ, выговорилъ себѣ 50 проц. со ста барыша.

Извѣстіе о заключеніи мира пришло къ намъ чрезъ непріятельскую главную квартиру и затѣмъ немедленно во всѣхъ окрестностяхъ Севастополя нельзя было сдѣлать шагу не встрѣтивъ любопытныхъ французовъ или англичанъ. Сіи послѣдніи рыскали толпами, верхомъ въ ненавистныхъ мнѣ красныхъ кафтанахъ; гордость, сильно уязвленное національное чувство непривычнымъ, небывалымъ пораженіемъ причиняли мнѣ нравственныя страданія, заставлявшія меня ожидать съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ приказанія оставить Крымскій полуостровъ. Но моимъ испытаніямъ суждено было продолжаться еще долго... Еще до перемѣщенія моего полка на сѣверную сторону Севастополя, было получено приказаніе назначить опредѣленное число самыхъ видныхъ кавалеровъ въ гвардію; этихъ нижнихъ чиновъ, какъ было сказано въ приказѣ по дивизіи, немедленно помѣстить отдѣльно отъ прочихъ, довольствовать улучшенною пищею и обмундировать заново. Если я здѣсь привожу этотъ приказъ по 7-й пѣхотной дивизіи, то это, конечно, не для того, чтобы укорять тѣхъ, которые дѣлали подобныя распоряженія безсознательно, не чувствуя и не понимая, насколько они этимъ унижаютъ какъ отдающихъ, такъ и получающихъ подобныя приказанія, а для того, чтобы покаяться въ непростительномъ возмущеніи и дурномъ примѣрѣ, данномъ мною подчиненнымъ. Я объявилъ публично, что въ Смоленскомъ полку солдаты получаютъ сполна все, что на нихъ отпускается, что никакой улучшенной пищи на указанныя средства быть не можетъ, что отдѣлять отличныхъ солдатъ отъ прочихъ, какъ отдѣляютъ свиней, предназначенныхъ на убой для откармливанія, я не позволю,—и запретилъ. Что касается обмундированія, то я ему не препятствовалъ, но приказалъ заготовить фуражныя шапки изъ выслужившихъ срокъ мундировъ, какъ по положенію слѣдуетъ, говоря, что мнѣ желательно, чтобы государь спросилъ: «что это за гадость?»

Противъ этого послѣдняго распоряженія сильно возсталъ А. К. Ушаковъ, но я настоялъ на своемъ. Что-же оказалось? Въ августѣ, когда я видѣлъ моихъ смоленскихъ кавалеровъ, въ день представленія ихъ государю штабъ-офицеромъ, приведшимъ

въ гвардейскій корпусъ выбранныхъ нижнихъ чиновъ изъ 3-го корпуса, на нихъ были новыя фуражки изъ офицерскаго сукна. Впослѣдствіи я узналъ, что генералъ Ушаковъ, считая меня вѣроятно сумасшедшимъ, приказалъ заготовить нужное число фуражекъ для нижнихъ чиновъ Смоленскаго полка въ другомъ полку, а деньги за нихъ были отъ меня вытребованы, когда я былъ уже въ Рославлѣ на постоянныхъ квартирахъ.

Въ подтвержденіе того, что я говорилъ уже прежде о совершенномъ незнаніи нашими офицерами мѣстности, прилегающей къ Севастополю, и отсутствіи въ нашей главной квартирѣ топографическихъ плановъ, я долженъ сказать, что въ одно прекрасное утро явился ко мнѣ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Вессель съ просьбою отъ начальника корпуснаго штаба назначить въ его распоряженіе 8 нижнихъ чиновъ для съемки окрестностей Севастополя. Я сначала не повѣрилъ, потомъ совѣтывалъ ему отложить эту работу до ухода непріятеля, говоря: «какъ вы не понимаете, что это позоръ», объяснялъ и повторялъ то же самое и начальству, но видя, что они не понимаютъ причинъ моего сопротивленія, я имъ просто объявилъ: «такъ берите для этихъ работъ, уличающихъ насъ въ преступномъ невѣдѣніи, изъ другихъ полковъ; смоленцевъ я не дамъ», — и не далъ.

Я не хвастаю, я каюсь; конечно, я бы никогда не позволилъ подчиненному мнѣ полковому командиру оказывать мнѣ такимъ образомъ явное сопротивленіе, но за то я могу также поручиться, что я никогда не согласился бы заявить нелѣпыя или унизительныя требованія для моихъ подчиненныхъ и для русской арміи [1]).

Многіе изъ нашихъ офицеровъ ѣздили, за невозможностью побывать въ Парижѣ, въ созданный войною, сколоченный изъ досокъ городокъ, близь Камышской бухты и названный французами «Kamiesch» для разныхъ закупокъ, а въ особенности для развлеченія, потому что у французовъ былъ и театръ и «café chantant». Въ числѣ другихъ пріѣзжалъ ко мнѣ мой старый товарищъ по бессарабской тоскѣ, Романъ Ивановичъ К***.

[1]) Я считаю положительно унизительнымъ наивно сознаться предъ торжествующимъ непріятелемъ въ такихъ промахахъ, которымъ наши враги обязаны своими успѣхами гораздо болѣе, чѣмъ своимъ собственнымъ достоинствамъ. В. Д.

Онъ пріѣхалъ къ моему обѣду и просилъ лошадей, чтобы на другой день съѣздить въ Камышъ. Провели мы цѣлый день вмѣстѣ, а потому у насъ много было разговоровъ о прошедшемъ; я заставлялъ его разсказывать о его похожденіяхъ съ того времени, что мы не видѣлись, но запомнилъ только одинъ его разсказъ или, правильнѣе, наивную его исповѣдь касательно даннаго ему порученія взорвать Очаковскія укрѣпленія.

— «Повѣришь ли, говорилъ онъ мнѣ, всевозможныя мѣры были мной тщательно приняты; пороху я не жалѣлъ, онъ былъ разсыпанъ и по валгангу и на платформахъ, и представь себѣ»...

Я живо его перебилъ, говоря: представляю — все осталось цѣло.

— Какъ ты отгадалъ? спросилъ меня на это Романъ Ивановичъ—и довершилъ этимъ вопросомъ мое смущеніе и глубокую грусть; вотъ, думалъ я, секретъ всѣхъ нашихъ неудачъ и одна изъ причинъ постыднаго мира. Бывшій адъютантъ генералъ-фельдцейхмейстера, артиллеристъ, ... не только былъ пораженъ бездѣйствіемъ пороха, разсыпаннаго по валгангу, но даже не далъ себѣ труда доискаться причины поразившаго его явленія. Послѣ приведенія здѣсь въ точности этого воспоминанія, я чувствую и понимаю необходимость сказать, что я ничего не выдумалъ, ничего не преувеличилъ, а записалъ съ точностью дѣйствительно невѣроятный разговоръ . . . . . .

Разговорившись о К***, не могу не разсказать объ оригинальномъ выигранномъ мною у него пари. Не помню въ которомъ году, (Романъ Ивановичъ былъ еще генералъ-маіоромъ свиты), повстрѣчались мы съ нимъ въ Кирочной или Фурштадтской улицѣ; онъ остановилъ меня и сообщилъ новость — о кончинѣ инспектора артиллеріи генерала Гилленшмидта; видя, что это извѣстіе принято мною чрезвычайно равнодушно, — онъ продолжалъ говорить съ озабоченнымъ видомъ: «кто-то будетъ назначенъ на его мѣсто?»

— Я тебѣ скажу, отвѣчалъ я,—Н. И. К.

Спокойствіе и увѣренность, съ которыми я это говорилъ, его поразили, тѣмъ не менѣе онъ сказалъ, прежде всего: «не можетъ быть», а потомъ сталъ допрашивать меня,—почему я такъ положительно это утверждаю? Я объяснилъ. . . . . .

Иванъ Романовичъ обидѣлся, заспорилъ и, наконецъ, предложилъ пари, что К. не будетъ назначенъ инспекторомъ. Чрезъ три дня высочайшій приказъ доставилъ мнѣ нѣсколько бутылокъ шампанскаго. Скончавшійся генералъ Гилленшмидтъ, бывшій прежде начальникомъ артиллеріи дѣйствующей арміи, былъ человѣкъ добрый и честный, но слабый и необыкновенно ограниченный; своею безотвѣтственностью и подобострастіемъ онъ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ приближенныхъ лицъ ген.-ф. кн. Паскевича еще на Кавказѣ, потомъ, не смотря на самую обыкновенную механическую службу, возвысился въ чинахъ, и наконецъ, кажется въ 1849 г., достигъ высшей степени по артиллерійскому вѣдомству, не смотря на то, что плохо говорилъ по русски, (происходилъ онъ изъ мѣщанъ города Выборга). За годъ до его смерти, по случаю 50-ти лѣтняго его юбилея въ офицерскихъ чинахъ, ему давали обѣдъ, говорили спичи и пили за его здоровье. Бѣдный инспекторъ артиллеріи, не приготовившійся отвѣчать, благодарилъ, какъ умѣлъ, запинаясь и въ заключеніе предложилъ тостъ за «успѣніе артиллеріи».

Для похоронъ генерала Гиллепшмидта свита государя собралась въ лютеранской Анненской церкви; государь Николай Павловичъ уже давно пріѣхалъ, объѣхалъ войска, наряженныя для погребенія, и остановился у входа въ церковь; морозъ былъ жестокій, а пасторъ Безе съ неисчерпаемымъ краснорѣчіемъ чрезвычайно пространно поминалъ заслуги и достоинства покойнаго; должно быть это продолжалось очень долго и государь что-нибудь сказалъ коменданту бар. Зальцу; что именно—я не знаю, достовѣрно только то, что вдругъ вбѣжалъ въ церковь генералъ Зальцъ и, приблизясь къ каѳедрѣ, громко сказалъ пастору: hören Sie auf, der Kaiser wartet («кончайте, императоръ ждетъ»). Amen («Аминь»), сказалъ пасторъ въ то же мгновеніе . . . . . .

.... Эти воспоминанія увлекли меня далеко назадъ, а потому спѣшу возвратиться въ Крымъ, къ тому положенію, въ которомъ насъ тамъ застали заключеніе мира и весна 1856 г.

Число кладбищъ, въ окрестностяхъ Севастополя, если не ошибаюсь, доходило до 33-хъ. На этихъ могилахъ уже не возвышалось никакихъ насыпей; такъ какъ убитые предавались землѣ десятками и даже сотнями, то весьма естественно, что со временемъ небольшіе курганчики, насыпанные на могилахъ, не только

сравнялись съ землею, но даже на большихъ могилахъ представляли видъ совершенно обратный, т. е. плоскую воронку. Даже мимо кладбищей непріятно было проѣзжать по случаю зараженнаго воздуха тяжелыми испареніями. Попечительное начальство не оставило безъ вниманія этого обстоятельства, столь опаснаго для общественнаго здравія, но вмѣсто того, чтобы еще раннею весною пригласить военное начальство посредствомъ нижнихъ чиновъ обнести кладбища канавами, а вынутою землею засыпать толстымъ слоемъ могилы, болѣе другихъ того требующія, новороссійскій генералъ-губернаторъ сдѣлалъ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ о своихъ опасеніяхъ на счетъ могущей распространиться заразы отъ большаго количества небрежно зарытыхъ труповъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, по здравомъ обсужденіи предусмотрительнаго представленія, приказалъ командировать чиновниковъ на мѣсто для ближайшаго разсмотрѣнія дѣла, но безъ особыхъ полномочій. Въ числѣ этихъ чиновниковъ былъ Варпаховскій, пріѣзжавшій ко мнѣ въ то время, когда я по собственной иниціативѣ и на свой страхъ [1]) производилъ необходимыя работы на главномъ кладбищѣ вблизи расположенія моего полка. Я считалъ это необходимымъ въ гигіеническомъ отношеніи для моего полка и былъ увѣренъ, что православное войско не только безропотно, но усердно и охотно понесетъ труды, съ цѣлью почтить память своихъ храбрыхъ товарищей, павшихъ жертвами за отечество, и предохранить ихъ послѣднее жилище отъ прогулокъ скота и проѣзда по могиламъ представителей некрещеннаго населенія Крыма. Я не ошибся, и въ то время, когда писались чиновниками разные проекты, ближайшее къ расположенію моего полка большое кладбище было обнесено въ краткій срокъ глубокою канавою, были сдѣланы для входа ворота и надъ главными могилами, т. е. надъ тѣми, въ которыхъ покоилось наибольшее число невинныхъ жертвъ войны [2]), были насыпаны возвышенія и поставлены кресты.

---

[1]) Страхъ былъ не великъ, 1-е, потому что я былъ убѣжденъ въ необходимости того, что дѣлалъ, а къ тому же пріѣзжавшій въ то время ко мнѣ будущій оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, а въ то время начальникъ штаба войскъ, оставшихся въ Крыму, Ал. Петр. Ахматовъ—не находилъ словъ для одобренія моихъ предпріятій.

[2]) Эти могилы отличались отъ прочихъ не только своими размѣрами, но и тѣмъ, что въ особенности надъ ними образовались углубленія. В. Д.

Извѣстій объ утвержденныхъ высшимъ начальствомъ мѣропріятіяхъ по представленію генералъ-губернатора до меня не доходило, не смотря на то, что я оставилъ Сѣверную сторону Севастополя лишь 23-го іюня 1856 г. Утромъ занимался я приготовленіями для предстоявшаго намъ продолжительнаго похода, а по вечерамъ я дѣлалъ дальнія прогулки верхомъ, на моемъ любимомъ ногайскомъ скакунѣ Мурваридѣ [1]) (по случаю его безукоризненной бѣлизны это названіе ему дано А. П. Озеровымъ). Въ эти вечера я объѣзжалъ окрестности Севастополя и изучалъ непріятельскія осадныя (траншейныя работы); заѣхалъ даже разъ въ нашъ славный Севастополь, но видъ этихъ развалинъ, краснорѣчиво напоминавшихъ безслѣдныя усилія моего отца заблаговременно оградить нашъ единственный военный портъ въ Черномъ морѣ отъ постигшей его участи, и душевныя страданія покойнаго, для меня дѣйствительно незабвеннаго, государя Николая Павловича, послѣ первыхъ извѣстій о нашихъ неудачахъ въ Крыму, вдругъ такъ живо представились моему воображенію, и сердце мое такъ заныло, что я жестоко пришпорилъ неповиннаго ретиваго Мурварида и спѣшилъ какъ можно скорѣе оставить эти мѣста скорби и печали. Я скакалъ во всю прыть, и чуть было не столкнулся, не доѣзжая спуска къ Черной рѣчкѣ, съ прелестною амазонкою, сопровождаемою нѣсколькими французскими офицерами; впослѣдствіи я узналъ, что эта прекрасная брюнетка была жена генерала Базена.

По вечерамъ я обыкновенно, въ одиночествѣ, пилъ чай предъ своей палаткой, при свѣтѣ двухъ походныхъ фонарей. Этотъ свѣтъ былъ виденъ на большое разстояніе, на совершенно ровной мѣстности, и часто привлекалъ ко мнѣ генерала Бялаго, моего бригаднаго командира. Въ одно изъ такихъ его посѣщеній онъ объявилъ мнѣ, что уже получено росписаніе постоянныхъ квартиръ для нашей дивизіи, и что Смоленскому полку предстоитъ расположиться въ городѣ Рославлѣ, Смоленской губерніи, на Московско-Брестскомъ шоссе, въ 375 верстахъ отъ Москвы. Затѣмъ я получилъ изъ главной квартиры е. в. приглашеніе прибыть въ Москву въ августѣ мѣсяцѣ и присутствовать при священномъ коронованіи государя. Послѣднее меня чрезвычайно

[1]) Персидское названіе жемчуга. В. Д.

обрадовало; я въ ту же минуту составилъ не совсѣмъ законный проектъ употребить во зло это высочайшее приглашеніе, для того чтобы не только какъ можно скорѣе оставить свой полкъ, хозяйскія дрязги, которыя приходились мнѣ ужъ слишкомъ не по сердцу, но и для посѣщенія моего отца, уже переѣхавшаго, какъ я это предвидѣлъ, на жительство въ Козенице. Затѣмъ я каждый день съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ выступленія полка, чтобы, благословивъ его на почти трехмѣсячный походъ, оставить его на первой дневкѣ и скакать безъ отдыха въ Козенице.

Карлъ Егоровичъ Врангель, старый мой знакомый, былъ назначенъ, по отъѣздѣ изъ Крыма генерала Лидерса, командовать войсками, расположенными въ Крыму. Въ началѣ іюня этотъ новый начальникъ производилъ инспекторскіе смотры всѣмъ войскамъ, въ томъ числѣ и Смоленскому полку, состояніемъ котораго остался доволенъ. Послѣ повѣрки суммъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, одинъ изъ моихъ ротныхъ командировъ хотѣлъ было, прикарманивъ ротныя деньги, запечатать пустой ящикъ, но продѣлка эта была замѣчена товарищами, которые заставили его не только положить деньги обратно въ ящикъ, но и подать въ отставку.

Карлъ Егоровичъ пробылъ у меня цѣлыя сутки; это былъ хорошій, добрый и словоохотливый старикъ; онъ мнѣ много разсказывалъ о своей долголѣтней службѣ и, между прочимъ, одинъ эпизодъ, чрезвычайно оригинально обрисовывающій государя Николая Павловича и гр. Алексѣя Ѳедоровича Орлова. Генералъ Врангель, командуя драгунскою дивизіею, пользовался особеннымъ вниманіемъ покойнаго государя; будучи разъ въ Петербургѣ, куда пріѣзжалъ представлять ко двору свою дочь, недавно предъ тѣмъ назначенную фрейлиною, и крайне нуждаясь въ деньгахъ, обратился онъ къ гр. Орлову съ просьбою исходатайствовать ему аренду. Гр. Орловъ обязательно взялся за это, но между тѣмъ время проходило, Врангель не получалъ никакого отвѣта, а нужда усиливалась и срокъ отпуска истекалъ. Предъ отъѣздомъ, въ видѣ исключенія [1]), вѣроятно по слабости государя къ драгунскому корпусу, генералъ Врангель получилъ дозво-

[1]) Въ то время назначенныхъ пріемовъ у государя Николая Павловича не было — представлялись ему во время развода, а во дворцѣ только исключительно, вслѣдствіе особыхъ приказаній. В. Д.

леніе откланяться государю въ Зимнемъ дворцѣ и былъ принятъ въ кабинетѣ въ присутствіи печаянно находившагося тамъ графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова.

— «Въ надеждѣ, что гр. Орловъ уже довладывалъ государю о моей просьбѣ», говорилъ Карлъ Егоровичъ, «я вопросительно посматривалъ на Орлова, думая, что мнѣ, можетъ быть, слѣдуетъ поблагодарить государя за оказанную милость, но Орловъ избѣгалъ моего взора».

Государь много говорилъ о его любимыхъ драгунскихъ полкахъ, но, наконецъ, видя, что аудіенція приходитъ къ концу и вспомнивъ всю затруднительность моего положенія,—призвавъ на помощь всю свою энергію,—я рѣшился лично представить государю свою просьбу, и началъ было: «Государь, у меня къ вамъ большая просьба»; какъ только вымолвилъ я эти слова, выраженіе лица государя мгновенно измѣнилось и онъ такъ грозно взглянулъ на меня, что вся моя рѣшимость меня оставила, а когда государь, перебивая меня, сказалъ: «Что? что?», я ему отвѣтилъ—«просьба моя заключается въ томъ, чтобы вы приказали выслать въ мою дивизію учителей изъ гвардіи для усовершенствованія пѣшаго строя».

Чело государя опять просвѣтлѣло и онъ обѣщалъ исполнить мою просьбу, а гр. Орловъ говорилъ мнѣ, выходя отъ государя: «ну, братъ, ты ловко вывернулся»,—а объ арендѣ ни полслова, я же былъ такъ озадаченъ двойнымъ усиліемъ, что не настаивалъ на моей просьбѣ, и съ трудомъ уѣхалъ изъ Петербурга, едва успѣвъ занять незначительную сумму денегъ.

Карлъ Егоровичъ былъ женатъ на дѣвицѣ Шафнагель; онъ самъ разсказывалъ Владиміру Саввичу Семека [1]), что будучи назначенъ командиромъ л.-гв. конно-егерскаго, что нынѣ драгунскій, полка -- ему не чѣмъ было сдать свой армейскій полкъ; обстоятельства были до того затруднительны, что приходила даже мысль о самоубійствѣ. За нѣсколько дней до пріѣзда вновь назначеннаго полковаго командира, кто-то посовѣтовалъ ему занять денегъ у господина Шафнагеля; скрѣпя сердце, Врангель отправился въ домъ этого господина просить въ займы 30 тысячъ

---

[1]) Начальникъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, впослѣдствіи начальникъ 6-й пѣхотной дивизіи. В. Д.

рублей ассигнаціями.... У него онъ и познакомился съ его дочерью.

XIII.

Коронація.

Поѣздка по Крыму.—Балаклава.—Выступленіе войскъ изъ Крыма.—Свиданіе съ отцомъ.—Въ Москвѣ.—Въѣздъ государя.—Коронація.—Обѣдъ, данный московскимъ купечествомъ.—Награды.—Крестъ выхлопотанный Грейберу.

1856 г.

Въ началѣ іюня я хотѣлъ воспользоваться моимъ пребываніемъ въ Крыму, чтобы осмотрѣть самую лучшую часть этого наслѣдія крымскихъ хановъ. Для этого я предпринялъ поѣздку чрезъ Симферополь въ Алушту, а оттуда въ Ялту, Ливадію, Оріанду и Алупку.... Хотя англичане доказали въ Керчи — на какіе грабежи и насилія они способны, даже въ городѣ, занятомъ безъ сопротивленія, они, вѣроятно, изъ опасенія могущественнаго въ Англіи общественнаго мнѣнія, не разорили ни одной изъ всѣхъ прелестныхъ дачъ, украшающихъ безподобный южный берегъ Крыма. Я безъ препятствія доѣхалъ въ коляскѣ до Алупки, но тутъ мнѣ объявили, что между Алупкой и Балаклавой во многихъ мѣстахъ дорога перекопана и что если я не хочу возвращаться тѣмъ самымъ путемъ, по которому пріѣхалъ, то я долженъ ѣхать верхомъ. Осмотрѣвъ Алупку, выкупавшись и налюбовавшись моремъ, я отобѣдалъ въ многочисленномъ обществѣ, преимущественно англичанъ, въ гостинницѣ, содержимой французомъ, и затѣмъ на татарской лошадкѣ отправился въ Балаклаву верхомъ.

Балаклава, которой я не видалъ прежде, въ то время представляла нѣчто въ родѣ Сапъ-Франциско въ первые дни существованія этого города. По крайней мѣрѣ, воображеніе мое представляло мнѣ невольно это сравненіе, можетъ быть, совершенно неосновательно, по причинѣ разнородности населенія: тутъ были— англичане, французы, турки, греки, армяне, сардинцы; все это гнѣздилось какъ попало, на военныхъ и купеческихъ судахъ въ бухтѣ, а по берегамъ, въ палаткахъ, шалашахъ, баракахъ, омнибусахъ, вагонахъ и даже въ двухъ-этажныхъ деревянныхъ

домахъ, въ которыхъ, въ особенности во второмъ этажѣ, нельзя было ходить безъ опасенія провалиться. Я спѣшилъ домой, но уставши отъ переѣзда верхомъ 50 верстъ, желалъ найти болѣе покойное средство добраться до своей землянки, и потому, благодаря содѣйствію *услужливаго итальянскаго фактора*, нанялъ сардинскій омнибусъ, который за неимовѣрную цѣну 7 фунт. стерлинговъ, благополучно и довольно скоро доставилъ меня обратно въ распоряженіе Смоленскаго полка.

Наконецъ, наступилъ давно желанный день выступленія; всѣ наши полки уже выступили, я заключалъ шествіе и оставлялъ за собою лишь двѣ роты, не помню котораго, Черноморскаго баталіона, которыя впредь должны были составлять всю военную силу всего Крымскаго полуострова. Я сопровождалъ свой полкъ до какого-то селенія на Альмѣ, въ сторонѣ отъ большой дороги, гдѣ ему назначена была дневка. Въ этомъ селеніи 25-го іюня—день рожденія государя Николая Павловича—я съ полкомъ отслужилъ панихиду, въ послѣдній разъ позавтракалъ [1]) со своимъ штабомъ въ Крыму и затѣмъ съ полковымъ адъютантомъ Грейберомъ, уволеннымъ въ отпускъ въ Царство Польское, отправился въ путь съ чувствомъ какой-то торжественной радости и наслажденія. Подъѣзжая къ Херсону въ знойный день, я видѣлъ необыкновенный миражъ или, какъ его называетъ И. А. Гончаровъ—«Марево». Сначала я не могъ себѣ отдать отчета въ представлявшемся зрѣлищѣ; я видѣлъ великолѣпный городъ, т. е. большія зданія и многочисленныя церкви и колокольни, все это облитое водой, такъ что я невольно вскрикнулъ: «какое ужасное наводненіе», но затѣмъ разсуждая о неслыханности подобнаго происшествія въ іюлѣ, когда Днѣпръ обыкновенно, даже въ Херсонѣ, не изобилуетъ водой, я рѣшительно былъ въ недо-

---

[1]) Передъ отъѣздомъ я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы во время всего похода и моего отсутствія для меня отводилась на ночлегахъ и дневкахъ квартира, какъ бы я не былъ въ отсутствіи, и чтобы всѣ лица, составляющія штабъ полка, приходили обѣдать въ эту квартиру, и для этого я оставилъ казначею деньги и повара. Я это дѣлалъ, спѣшу оговориться — потому, что мнѣ не хотѣлось, чтобы мой отъѣздъ изъ полка во время похода ухудшилъ положеніе тѣхъ, которые, конечно, находили удобнымъ не думать о хозяйствѣ и находить у меня готовый обѣдъ. При этомъ не могу не отдать справедливости скромности моего осиротѣвшаго штаба, потому что, по возвращеніи моемъ въ полкъ, поданные мнѣ счеты оказались ниже моихъ ожиданій. В. Д.

умѣніи; наконецъ, съ приближеніемъ моимъ къ городу, все мною видѣнное исчезло какъ сонъ. Великолѣпныя зданія, высокія и разнообразныя церкви — все это замѣнилось хорошо мнѣ знакомыми весьма обыкновенными домами и домишками; голубая серебристая вода—пыльными, желтоватаго цвѣта, пустынными улицами. Корыстолюбивое гостепріимство Херсона хорошо мнѣ извѣстно со времени прежнихъ посѣщеній этого города; гостинницы грека Куруты показались мнѣ на этотъ разъ благословеніемъ Божіемъ; превосходная ботвинья и холодное шампанское, въ большой залѣ, предохраненной ставнями отъ зноя, заставили меня скоро позабыть всѣ мученія дороги и съ новыми силами и оживленною предпріимчивостью продолжать путешествіе немедленно послѣ обѣда.

Теперь въ точности не могу припомнить, какими дорогами мы ѣхали, но съ достовѣрностью могу сказать, что мы проѣзжали чрезъ Бердичевъ, Житоміръ, и въ Устилунгѣ проѣхали чрезъ бывшую границу Царства Польскаго. Не доѣзжая Ивангородской крѣпости, я оставилъ своего спутника Грейбера и, нѣсколько часовъ спустя, я свидѣлся, наконецъ, съ моимъ престарѣлымъ нѣжно любимымъ отцомъ въ нашемъ тихомъ и уныломъ Козеницѣ. Здѣсь я пробылъ нѣсколько дней, радуясь бодрымъ видомъ отца, замѣтно отдохнувшаго, но попрежнему занимавшагося хозяйствомъ, интересовавшагося всѣмъ, что, по его мнѣнію, могло увеличить доходы имѣнія, не щадя ничего для достиженія этой цѣли, утѣшаясь при постоянныхъ неудачахъ надеждою, что сынъ его пожнетъ то, что онъ посѣялъ.

Видя, однако, что имѣніе не приноситъ дохода и что отецъ, не смотря на это, тратитъ деньги на разныя улучшенія, я разъ дозволилъ себѣ замѣтить ему, что сестра и братъ могутъ быть недовольны тѣмъ, что онъ, дѣлая расходы на Козенице, еще увеличиваетъ часть мою, въ ущербъ того, весьма скромнаго, достоянія, на которое они имѣютъ право. Я никогда не забуду взгляда и выраженія лица моего отца, когда я съ нѣкоторымъ смущеніемъ высказалъ ему это. Онъ не возражалъ мнѣ тотчасъ, но, послѣ непродолжительнаго молчанія, спросилъ меня: «если бы я тратилъ что имѣю на содержаніе любовницы, осмѣлился-ли бы ты дѣлать мнѣ внушенія?—нѣтъ? такъ знай, что Козенице—моя любовница».

Я полагаю, однако, что мои слова подѣйствовали, потому что съ того времени отецъ началъ помышлять объ отдачѣ имѣнія въ аренду, чтобы обезпечить себѣ хотя незначительный, но вѣрный доходъ. Пробывъ, кажется, недѣлю въ Ковеницѣ, я отправился въ Петербургъ, гдѣ былъ пораженъ настроеніемъ публики и двора: казалось, что войны не бывало, никто ужъ не думалъ о тяжкихъ пожертвованіяхъ, ею вынужденныхъ, всѣ искали удовольствій, развлеченій, и говорили болѣе всего о предстоявшихъ торжествахъ коронованія. Дамы выписывали наряды изъ Парижа, а мужья тратили большія, а многіе и послѣднія, деньги, чтобы нанять за огромныя цѣны приличное помѣщеніе и обезпечить себя экипажемъ въ Москвѣ. Къ моему счастью, для свиты были приготовлены квартиры, и приглашеніе къ гофмаршальскому столу обезпечивало совершенно мое матеріальное благосостояніе. Чтобы не платить баснословныхъ цѣнъ извощикамъ, я купилъ въ Петербургѣ пару лошадей, дрожки и верховую лошадь, нанялъ кучера и такимъ образомъ снаряженный, весело и беззаботно, въ многочисленной компаніи товарищей, отправился въ Москву около 12-го августа.

Чрезъ день послѣ моего прибытія въ оживившійся первопрестольный городъ, пріѣхалъ государь, но не въ Кремль, а въ Петровскій дворецъ; высочайшій въѣздъ въ Москву былъ назначенъ на 25-е число, а до того государю предстояло еще восьмидневное уединенное пребываніе въ Останкинѣ, великолѣпномъ подмосковномъ имѣніи графа Шереметева, для обычнаго говѣнія предъ священнымъ коронованіемъ.

Въ день пріѣзда государя вся свита собралась вечеромъ для встрѣчи на парадномъ дворѣ Петровскаго дворца. Кромѣ свиты тамъ съѣхалось много дамъ, въ томъ числѣ В. И. К—на; возлѣ нея стояла какая-то безобразная со старческимъ лицомъ цыганка; видя, что эта старушка обмѣнивалась словами съ В. И., я поспѣшно спросилъ: «qui est cette hideuse sorcière?» (кто эта отвратительная колдунья?)—«C'est ma belle soeur» (это моя невѣстка), отвѣчала мнѣ В. И.

Казалось бы, хорошій урокъ не позволять себѣ никакихъ сравненій, не дѣлать никакой оцѣнки лицамъ мнѣ неизвѣстнымъ, но оказалось, что этого перваго предупрежденія было для меня недостаточно. На слѣдующій день Аѳанасій Алексѣевичъ Сто-

липинъ давалъ балъ; я игралъ въ ералашъ съ В. И. въ одной изъ гостинныхъ и былъ пораженъ видомъ проходящей пожилой женщины: высокой, чрезвычайно блѣдной, въ оригинальномъ шотландскомъ платьѣ; я обратился къ В. И. съ вопросомъ: «qui est cette Lucia di Lamermoor—à l'air si éploré?» (кто эта Лучіа ди Ламерморъ—съ такимъ убитымъ видомъ?).

— «C'est ma tante» (это моя тетка), отвѣчала В. И., разразившаяся громкимъ смѣхомъ.

Мой старый знакомый А. А. Вонлярлярскій былъ также въ Москвѣ и жилъ у своей сестры Храповицкой, на Тверскомъ бульварѣ; чтобы вѣрнѣе его застать, я къ нему поѣхалъ рано утромъ и познакомился у него съ Елизаветой Александровной Храповицкою и дочерью ея Маріею Владиміровною. Елизавета Ивановна Черткова и сестра ея, А. И. Чернышева-Кругликова, были также въ Москвѣ; я ихъ часто посѣщалъ какъ старыхъ добрыхъ и милыхъ знакомыхъ. Обѣдалъ я очень часто у Е. И. Н***, къ которой чувствовалъ всегда большую симпатію, не смотря на ея репутацію злой женщины. Репутація эта была основана лишь на томъ, что она не церемонилась рѣзко и часто безпощадно выражать свои мнѣнія и была нѣсколько озлоблена тѣмъ, что она сознавала себя не только не красавицей, но даже лишенною той женственной прелести, которую французы такъ мѣтко назвали «le charme».

Торжества коронаціи еще не начинались и потому Москва, по многочисленному поселившемуся въ ней петербургскому обществу, потеряла въ моихъ глазахъ свою особенность; лишь по ночамъ, когда мы со многими товарищами оканчивали день въ цыганскомъ таборѣ, Москва вступала для насъ въ свое право первобытности и оригинальности. Кто-то изъ молодыхъ людей предложилъ сдѣлать «pique-nique» въ одной изъ дачъ Петровскаго парка. Е. И. Н*** составила списокъ кому участвовать и кого приглашать; «pique-nique» этотъ чрезвычайно удался и отличался избраннымъ обществомъ; великіе князья и иностранные принцы также пожелали въ немъ участвовать.

Наконецъ, отшельничество государя въ Останкинѣ окончилось, онъ возвратился въ Петровскій дворецъ, а 25-го, утромъ, весь дворъ собрался въ Петровскомъ для парадnаго въѣзда государя въ Москву. Я не беру на себя трудной задачи описать въ подроб-

пости торжественности этого дня, но не могу умолчать, что на меня произвели глубокое впечатлѣніе доказательства, на каждомъ шагу представлявшіяся, всеобщей народной любви къ своему государю, скажу болѣе, той неразрывной, можно сказать, религіозной связи, существующей между народомъ и единодержавнымъ властителемъ всея Россіи. Вся гвардія была разставлена шпалерами отъ Петровскаго до Кремлевскаго дворца, полковая музыка играла, колокола всѣхъ сорока сороковъ гудѣли и по всему протяженію нашего торжественнаго шествія дружное «ура» не только войскъ, но сотенъ тысячъ народа ни на минуту не умолкало.

Мой вороной конь, недавно пріѣхавшій изъ Англіи и не имѣвшій понятія о томъ, какъ встрѣчаетъ Москва своего царя, относился недоброжелательно къ вѣрноподданническимъ манифестаціямъ, онъ билъ передомъ и задомъ; мои сосѣди сдавленной въ густую массу свиты проклинали его и со страхомъ отъ меня удалялись, а я сталъ серьезно опасаться представить публикѣ, не бывшее въ программѣ, комическое зрѣлище. Къ счастью, меня избѣгали, le vide s'étant fait autour de moi (толпа вокругъ меня разступилась), мой конь успокоился и я благополучно прибылъ въ Кремль. Тутъ мы получили приказаніе на другой день прибыть въ Кремлевскій дворецъ въ 7 часовъ утра, и разъѣхались по домамъ [1]).

Насталъ, наконецъ, и день коронованія; въ 7 ч. утра я пріѣхалъ въ Кремль и отправилъ свой экипажъ домой, говоря, что приду домой пѣшкомъ, правильно предвидя невозможность отыскать экипажъ—въ неимовѣрной давкѣ Кремлевскихъ дворовъ и дворниковъ, при огромномъ стеченіи народа. Вдовствующая императрица, шедшая въ соборъ впереди государя, съ короною на головѣ, поразила всѣхъ величественнымъ видомъ и граціозностью движеній; государь былъ блѣденъ и чрезвычайно серьезенъ. Тщетно я бы старался дать понятіе тѣмъ, которые не были очевидцами, великолѣпнаго зрѣлища, которое представилось нашему шествію,

---

[1]) Въ этотъ вечеръ всѣ лица, составлявшія свиту государя, получили награды, кромѣ Ал. Иван. Шаховскаго и меня. Ко мнѣ привезъ фельдъегерь только всѣмъ войскамъ въ этотъ день розданную медаль за войну 1853—1856 годовъ. В. Д.

когда государь сталъ спускаться по крыльцу—этого описать невозможно...

Наконецъ, прибыли мы въ Успенскій соборъ, внутреннее пространство котораго, къ сожалѣнію, далеко не соотвѣтствовало требованіямъ церемоніи и многочисленности публики, не смотря на то что въ этотъ день, кромѣ участвовавшихъ въ церемоніи, никто не имѣлъ право входить соборъ. Все шло благополучно своимъ порядкомъ, но, къ несчастью, князьямъ и братьямъ Горчаковымъ суждено было нарушить спокойствіе и торжественность священнодѣйствія. Кн. Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, державшій государственный мечъ, вдругъ насильно передалъ его возлѣ него стоявшему гр. П. Д. Киселеву, бросился неровными и большими шагами къ выходу и скрылся въ патріаршемъ корридорѣ, куда изъ состраданія, вскорѣ превратившагося въ ужасъ и оцѣпенѣніе, послѣдовалъ за нимъ Л. В. Гечевичъ. Въ то время, какъ кн. Михаилъ Дмитріевичъ производилъ эту сумятоху на правомъ флангѣ, кн. Петръ Дмитріевичъ Чоргунскій (Горчаковъ) почувствовалъ себя дурно на лѣвомъ, но не успѣлъ ни выйти, ни предупредить сосѣдей—и съ грохотомъ упалъ въ обморокъ. Его должны были вынести на рукахъ. За исключеніемъ этихъ двухъ непредвидѣнныхъ происшествій, все прошло благополучно и, по окончаніи духовной церемоніи, шествіе приняло обратное движеніе, но съ тою разницею, что государь шелъ въ коронѣ—со скипетромъ и державою въ рукахъ. По возвращеніи во дворецъ, государь еще выходилъ на наружную галлерею дворца и кланялся народу, потрясавшему воздухъ оглушительными криками «ура». Потомъ, по особому церемоніалу, государь съ царскою семьею обѣдалъ въ Грановитой палатѣ, а когда этотъ обѣдъ окончился и государь удалился во внутренніе покои, свиту позвали обѣдать во Владимірскую залу; въ 8-мъ часу вечера, когда уже зажигались огни великолѣпной, по всей Москвѣ, иллюминаціи, я отправился домой, собираясь отправиться по улицамъ въ экипажѣ, но, пришедъ домой, почувствовалъ такую усталость, что легъ спать и проспалъ до утра.

Московское купечество, кромѣ разныхъ огромныхъ пожертвованій, которыми оно привыкло ознаменовывать радостныя событія, просило позволенія угостить государя и всѣхъ офицеровъ гвардіи обѣдомъ. Государь принялъ это приглашеніе и купечество

приступило къ огромнымъ приготовленіямъ къ обѣду на 3,200 человѣкъ въ большомъ экзерциргаузѣ. Въ день, назначенный для обѣда, я заблаговременно пріѣхалъ къ экзерциргаузу и засталъ у главнаго входа группу, состоявшую изъ почетныхъ и почтенныхъ лицъ московскаго купечества. Вслѣдъ за мной пріѣхалъ генералъ-губернаторъ гр. Арсеній Андреевичъ Закревскій. Завидя купцовъ, онъ подошелъ къ нимъ быстрыми шагами и грозно спросилъ: «Что вы тутъ дѣлаете?»

Одинъ старикъ отвѣчалъ: «собрались встрѣчать государя, в. с.».

— Что?... закричалъ Закревскій, — вы заплатили, ну и убирайтесь вонъ!

Купцы скрылись; я стоялъ какъ громомъ пораженный, не вѣря своимъ ушамъ. Это происшествіе, напоминающее времена Золотой орды, было доведено до свѣдѣнія государя; чтобы загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное выходкою гр. Закревскаго, государь приказалъ на другой день пригласить купцовъ, съ которыми такъ мило обошелся генералъ-губернаторъ, во дворецъ къ гофмаршальскому столу и во время обѣда вышелъ къ нимъ во Владимірскую залу, благодарилъ купцовъ за вчерашній обѣдъ и провозгласилъ тостъ за московское купечество! Закревскій (впрочемъ, до времени) оставался генералъ-губернаторомъ....

Царскія милости сыпались щедрою рукою, производство генераловъ и по гвардіи было огромное; Ѳ. Ѳ. Бергъ [1]), С. П. Сумароковъ [2]) и Олсуфьевъ были пожалованы графами. Гр. А. П. Шуваловъ получилъ Андреевскую ленту... впрочемъ всѣхъ наградъ, въ то время пожалованныхъ, *ни вспомнить, ни пересчитать* невозможно. Я никогда не былъ жаденъ на награды, но, признаюсь, не ожидалъ, чтобы меня забыли во время коронаціи. А. Н. Шаховской получилъ орденъ за два мѣсяца до коронаціи и не дѣлалъ кампаніи, я-же въ теченіи трехъ лѣтъ и во время военныхъ дѣйствій получившій только золотую саблю, и то только благодаря стараніямъ Грейга, считалъ себя въ правѣ ожидать награды наравнѣ съ прочими. Въ то время я еще не былъ придавленъ нуждой, просить не умѣлъ, а потому, чтобы себя

---

[1]) В послѣдствіи намѣстникъ Царства Польскаго и генералъ-фельдмаршалъ.
[2]) Командующій гвардейскими корпусами. В. Д.

утѣшить, придумалъ средство, которое мнѣ вполнѣ удалось; вотъ въ чемъ оно состояло...

Предъ моимъ отъѣздомъ изъ Крыма, до меня дошло свѣдѣніе, что дивизіонный штабъ дозволилъ себѣ, не говоря мнѣ ни слова, вычеркнуть изъ сдѣланнаго мною представленія къ наградамъ моего полковаго адъютанта; пріѣхавши въ Петербургъ, я навелъ секретныя справки по этому вопросу въ инспекторскомъ департаментѣ и удостовѣрился, что дѣйствительно штабъ 7-й дивизіи или начальникъ дивизіи пожелали обидѣть моего полковаго адъютанта; вспомнивъ объ этомъ въ Москвѣ, когда я былъ обойденъ наградою, я рѣшился хлопотать за Грейбера, чтобы не ставить его въ положеніе, непріятность котораго я самъ ощущалъ. Я отправился на другой же день къ военному министру и просилъ его исправить ошибку, говоря, что я не допускаю, чтобы это было недоброжелательство со стороны начальника дивизіи къ отличному и мною, его ближайшимъ начальникомъ, удостоиваемому награды офицеру. Генералъ Сухозанетъ, къ удивленію моему, принялъ мою просьбу очень благосклонно, но сказалъ мнѣ, что онъ готовъ все сдѣлать, все, что отъ него зависитъ, но только въ томъ случаѣ, когда генералъ Лидерсъ подастъ о моемъ желаніи записку. На другой день рано утромъ, я поѣхалъ на Трубу, верстъ за шесть, къ А. Н. Лидерсу, и не раскаивался въ томъ, потому что былъ имъ принятъ со свойственною ему любезностью и получилъ отъ него обѣщаніе еще въ тотъ же день послать просимую записку къ военному министру. Три дня спустя, на великолѣпномъ балу у государя, въ Александровской залѣ— Ник. Онуфріевичъ Сухозанетъ объявилъ мнѣ, что государь утвердилъ мое ходатайство, другими словами, что мой полковой адъютантъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами. Я былъ такъ радъ, что совершенно забылъ о своихъ собственныхъ невзгодахъ, немедленно купилъ крестъ для подарка Грейберу; а когда я его привезъ ему въ Рославль, оказалось, что представленіе, искаженное въ дивизіонномъ штабѣ, еще не выходило и потому Грейберъ, благодаря моимъ стараніямъ, носилъ крестъ уже въ то время, когда его доброжелатели еще и не знали, получатъ ли они награды, о которыхъ пошло представленіе еще изъ Крыма. Въ полку это дѣло произвело самое

пріятное впечатлѣніе на всѣхъ; офицеры поняли, что я при случаѣ съумѣю похлопотать и настоять на своемъ.

За баломъ, о которомъ я только что упомянулъ, послѣдовалъ цѣлый рядъ баловъ у графини Морни, у лорда Гранвиля, у кн. Павла Эстергази, потомъ еще у государя... Но я не могъ быть на всѣхъ этихъ балахъ; а именно у князя Эстергази я не былъ по причинѣ, которую другой на моемъ мѣстѣ, вѣроятно, тщательно бы утаилъ. Въ назначенный для этого праздника день, человѣкъ четырнадцать изъ старыхъ, т. е. николаевскихъ, флигель-адъютантовъ согласились дать прощальный обѣдъ гр. Мюнстеру, флигель-адъютанту короля прусскаго, котораго мы давно привыкли считать товарищемъ и который, будучи назначенъ командиромъ «Gardes du Corps» короля прусскаго, долженъ былъ немедленно послѣ московскихъ празднествъ оставить Россію. Заказанный по этому случаю обѣдъ въ Новотроицкомъ трактирѣ оказался превосходнымъ, но отличался сытностью, въ особенности, необыкновеннаго качества жареннымъ поросенкомъ. Возвратившись домой, я хотѣлъ переодѣться, чтобы ѣхать на балъ, но, къ моему удивленію и ужасу, мнѣ не удалось застегнуть мундира—и я отказался ѣхать на балъ.

XIV.

На зимнихъ квартирахъ въ Рославлѣ.

Полковыя дѣла.—Начетъ.—Мой образъ жизни въ Рославлѣ.—Неудобства расквартированія полка по деревнямъ.—Положеніе полковыхъ офицеровъ.—Мѣры, предложенныя мною для улучшенія полковаго быта.—Хлопоты по приведенію полка въ порядокъ.—Инспекторскій смотръ.—Увольненіе въ отпускъ.

1856—1857.

Какъ шумно и разнообразно ни было время коронаціи, но не могло насъ заставить забыть севастопольскихъ потерь, крымскихъ и дунайскихъ неудачъ, а въ особенности позора Парижскаго мирнаго договора. Присутствіе иностранцевъ, считавшихся за 5 мѣсяцевъ до того врагами, также не способствовало къ веселью. Въ половинѣ сентября 1856 г. оканчивались празднества, указанныя программою, и съѣхавшаяся публика стала по

немногу разъѣзжаться. Послѣ шумной свѣтской жизни, мнѣ предстояло поселиться на зиму въ городѣ Рославлѣ и, кромѣ книгъ и полковыхъ занятій, по части развлеченія, довольствоваться обществомъ своихъ офицеровъ, о развитости большинства которыхъ патріотическое и военное чувства не дозволяютъ мнѣ распространяться. Не имѣя возможности видѣть полкъ по случаю его пространнаго расквартированія въ двухъ уѣздахъ: Рославльскомъ и Ельненскомъ Смоленской губерніи, я могъ заниматься только хозяйственною частью, которую я засталъ въ плачевномъ состояніи, благодаря гнусному командованію И—ва и совершенной безпечности и неспособности временно командовавшаго полкомъ добраго и храбраго грузина кн. Э—ва. Кромѣ приведенія полка въ порядокъ по всѣмъ частямъ безъ исключенія, мнѣ предстояло зачислять изъ резервовъ въ ряды полка, кромѣ резервнаго Смоленскаго полка еще разныя резервныя части, распредѣляемыя между полками 7-й дивизіи по распоряженію начальника дивизіи, большею частью безъ предварительнаго предупрежденія являвшіяся во ввѣренный мнѣ полкъ часто безъ письменныхъ свѣдѣній, въ дурной одеждѣ и обуви, съ офицерами, дурно атестованными по формулярамъ. Какъ теперь помню, у одного штабсъ-капитана какого-то резервнаго егерскаго полка, въ графѣ о способности, была слѣдующая незаконная, но замѣчательная атестація: «кромѣ гнусныхъ кляузъ, ни на что не способенъ». Поступающіе ко мнѣ изъ резервовъ нижніе чины сдавали свое оружіе, о неисправности котораго трудно составить себѣ понятіе, и большею частью, смотря по старшинству поступленія на службу, снабжались разнаго цвѣта билетами, которые обозначали увольненіе въ безсрочный или временный отпускъ или въ отставку. Всѣхъ этихъ нижнихъ чиновъ надо было два раза осматривать и спрашивать, многимъ съ ихъ словъ составлять формулярные списки и, наконецъ, наиболѣе нуждавшимся выдавать исправныя шинели и сапоги, чтобы имъ дать возможность, хотя бѣдствуя, достигнуть мѣста назначенія. Сколько помнится, всѣхъ уволенныхъ или прошедшихъ такимъ образомъ чрезъ Смоленскій полкъ было болѣе 9,000. Кромѣ того, чрезъ Рославль проходили ежедневно многочисленныя команды отпускныхъ, уволенныхъ изъ всѣхъ полковъ, расквартированныхъ въ западныхъ и польскихъ губерніяхъ; мнѣ было приказано ихъ осматривать и опрашивать;

въ случаѣ несправедливостей или неисправности партіонныхъ офицеровъ, ихъ смѣнять и назначать другихъ изъ моихъ офицеровъ болѣе благонадежныхъ и тогда брать на себя отвѣтственность за исправность дальнѣйшаго слѣдованія командъ. По неопытности, мнѣ случилось два раза въ точности исполнить это приказаніе и, вмѣсто благодарности, получить впослѣдствіи множество непріятностей. Не всѣ нижніе чины приходили съ ружьями, тѣмъ не менѣе, число ружей накопилось огромное; приказано было оставить штатное число на полкъ, сдѣлавъ выборъ изъ числа самыхъ исправныхъ, остальныя сдать безъ браку, счетомъ, въ бобруйскій артиллерійскій арсеналъ. По наивности, съ которою я постоянно принималъ à la lettre всякое приказаніе, я приказалъ сдѣлать ящики и, уложивъ въ нихъ самыя неисправныя ружья, далъ предписаніе одному изъ моихъ офицеровъ, съ инструкціею сдать ихъ въ бобруйскій арсеналъ, на точномъ основаніи полученнаго приказанія, т. е. счетомъ, не допуская сортировки и браковки. Это распоряженіе мое, я не знаю какимъ образомъ, сдѣлалось извѣстнымъ командирамъ Могилевскаго полка Вознесенскому и Полоцкаго — О***; эти опытные полковые хозяева пришли въ ужасъ отъ бѣдствій, которыхъ я неминуемо сдѣлаюсь жертвой, и прислали предупредить меня, съ дипломатическими предосторожностями, что де такъ дѣйствовать нельзя, что артиллерійское вѣдомство не посмотритъ на содержаніе циркулярнаго предписанія, въ которомъ сказано: самое неисправное оружіе сдать счетомъ, безъ браковки, а потребуетъ значительной суммы за неисправность, т. е. на исправленіе, и притомъ прибавляли, что де они на такихъ дѣлахъ зубы съѣли и порѣшили заплатить при сдачѣ ружей по 500 руб. сер., говоря:

— «Повѣрьте, не скупитесь, это васъ избавитъ отъ непріятной переписки и уплаты впослѣдствіи суммы въ четверо или въ пятеро болѣе значительной».

Я благодарилъ моихъ опытныхъ и услужливыхъ товарищей, но не измѣнилъ даннаго предписанія и инструкцію для сдачи въ артиллерійское вѣдомство ружей, оказавшихся сверхъ числа, штатомъ опредѣленнаго, въ Смоленскомъ пѣхотномъ полку, однимъ словомъ, не измѣнилъ принятому правилу идти прямо, не смотря на расчетъ и благоразуміе, во имя которыхъ добрые сослуживцы расточали мнѣ свои совѣты.

Затѣмъ прошелъ 1857 годъ, я успѣлъ сдать полкъ, жениться, цѣлые 10 мѣсяцевъ пропутешествовать за границу и, по возвращеніи въ Петербургъ въ августѣ 1858 года, получилъ увѣдомленіе, вполнѣ оправдывавшее предусмотрительность, какъ они утверждали — на опытѣ основанную, гг. Вознесенскаго и О***. Увѣдомленіе это заключалось въ интересномъ извѣщеніи инспекторскаго департамента, что на меня вслѣдствіе сдачи въ бобруйскій арсеналъ совершенно негоднаго оружія сдѣланъ начетъ въ 2,500 руб. Положимъ, что злоупотребленіе въ самомъ гнусномъ смыслѣ дѣлалось бобруйскимъ арсеналомъ, но мнѣ не могло не показаться страннымъ, что артиллерійскій департаментъ, а за нимъ и инспекторскій, читая всю переписку по этому дѣлу, нисколько не усомнились тѣмъ обстоятельствомъ, что при совершенно однородныхъ обстоятельствахъ три полка одной дивизіи сдаютъ въ совершенной исправности огромное количество ружей, на которыя неполучали артиллерійскаго ремонта, не смотря на дозволеніе сдавать безъ браковки самыя негодныя, и только одинъ, во время командованія имъ флигель-адъютантомъ Его Величества, дозволилъ себѣ сдать ружья въ такомъ отвратительномъ видѣ, что на ихъ исправленіе насчитывается 2,500 руб. Я былъ приведенъ въ яростное негодованіе и немедленно поднялъ шумъ, но врядъ-ли бы военное начальство избавило меня отъ этого нелѣпаго и возмутительнаго начета, если бы мои прежнія отношенія къ генералъ-фельдцейхмейстеру не дали мнѣ возможности изложить все это дѣло ему съ полною откровенностью. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя меня увѣдомили, что такой-то начетъ артиллерійскаго арсенала приказано сложить и меня отъ всякой отвѣтственности освободить. Этотъ примѣръ торжества правды меня чрезвычайно обрадовалъ, не говоря уже о томъ, что пожертвовать почти годовымъ содержаніемъ, при далеко не блестящихъ обстоятельствахъ, было для меня не только непріятно, но положительно тяжко. При первой затѣмъ встрѣчѣ въ Варшавѣ съ г. Вознесенскимъ я ему разсказалъ все это дѣло — и не могъ не сказать: «видите, опытнѣе-то оказался я, не потерявшій вѣру въ справедливость; а за 500 р. можно купить въ Варшавѣ хорошенькую коляску—жаль, что вы ихъ Богъ знаетъ зачѣмъ подарили бобруйскому арсеналу.»

Возвращаясь къ осени 1856 года, я могу сказать, что я съ удовольствіемъ вспоминаю мой строгій и уединенный образъ

жизни того времени. Цѣлое утро посвящалось дѣламъ полка, кромѣ часа, въ который я ѣздилъ верхомъ на усиленныхъ аллюрахъ; обѣдать ко мнѣ собирались ежедневно: полковой священникъ, полковой и баталіонный лекари, казначей, адъютантъ, квартирмейстеръ, жалонерный офицеръ и командиръ 3-го баталіона, квартира котораго была неразлучна съ штабъ-квартирою полка. Послѣ обѣда съ однимъ изъ офицеровъ я ѣздилъ гулять по унылымъ окрестностямъ города Рославля, чтобы не дѣлать уступокъ назойливымъ требованіямъ дремоты, а по вечерамъ я съ особеннымъ удовольствіемъ, въ совершенномъ одиночествѣ и полнѣйшей тишинѣ, предавался съ любовью чтенію, въ которомъ недостатка никогда не было, по исправности, съ которою мнѣ доставлялись изъ Петербурга всевозможные книги и журналы.

Кромѣ полковаго штаба въ Рославлѣ помѣщался еще штабъ 1-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи. Бригаднымъ генераломъ былъ въ то время храбрый офицеръ изъ виленскихъ татаръ, Бялый; онъ служилъ въ молодыхъ чинахъ въ гвардіи въ Литовскомъ полку и пользовался особыми милостями великаго князя Михаила Павловича за примѣрную маршировку, безукоризненную салютовку и прочія достоинства, признаваемыя лишь той эпохою, о которой теперь нельзя говорить подробно, чтобы не навлечь на себя нареканій въ преувеличеніи или просто въ умышленной и злостной лжи. Бялый былъ одаренъ хорошимъ аппетитомъ и выпить былъ не дуракъ, а потому любилъ у меня обѣдать, и чтобы имѣть хотя нѣкоторую практику на французскомъ діалектѣ, я приглашалъ иногда къ себѣ обѣдать M-me Lefièvre, старую француженку-гувернантку, жившую у инженера путей сообщенія Б—ва, съ которымъ я не желалъ имѣть никакихъ сношеній... хотя былъ знакомъ съ подчиненнымъ ему штабсъ-капитаномъ ф. Мекъ. Это послѣднее знакомство сдѣлалось нечаянно, благодаря моему полковому адъютанту Грейберу. Фонъ-Мекъ былъ спеціально образованный офицеръ и хорошій человѣкъ, такъ что меня нисколько не удивило, когда онъ впослѣдствіи, благодаря постройкамъ желѣзныхъ дорогъ, составилъ себѣ огромное состояніе. Въ то время у него уже были деньги и я съ благодарностью вспоминаю, что онъ очень обязательно далъ мнѣ взаймы 2,000 р., когда послѣ всѣхъ разсчетовъ мой преемникъ, полковникъ Реми, потребовалъ съ меня эту сумму,

и на мой вопросъ — «помилуйте, за что? — на все недостающее вы уже удовлетворены, неисправности, бывшія въ полку, съ большими расходами приведены въ порядокъ — за что же эти 2,000 руб.?»

На всѣ эти наивные вопросы, г. Реми отвѣчалъ мнѣ, нисколько не смущаясь: «конечно, вы правы — мнѣ ничего, казалось бы, не слѣдуетъ, но все таки примите въ соображеніе, что я принимаю полкъ, а вы его сдаете... кромѣ того, я, по приглашенію корпуснаго командира, пріѣхалъ принять полкъ не сдавая своего резервнаго батальона, чтобы васъ не задержать, такъ какъ вы спѣшите уѣхать за границу, а полку предстоитъ передвиженіе, которое не обойдется безъ затратъ для полковаго командира»....

Резоны г. Реми показались мнѣ убѣдительными; благодаря Меку, я ему заплатилъ 2000 рублей, которыхъ у меня на лицо не было, и тогда только понялъ, почему только не многіе любятъ принимать полки въ хорошемъ состояніи. Но я опять увлекся разсказомъ, а потому долженъ возвратиться къ осени 1856 года.

По возвращеніи моемъ изъ Москвы—квартирмейстеръ представилъ мнѣ счеты за время слѣдованія полка изъ Крыма въ Рославль и экономію отъ справочныхъ цѣнъ на фуражъ въ 3,500 руб. сер. На эти деньги я немедленно выписалъ изъ Варшавы полный хоръ инструментовъ, а изъ Петербурга все необходимое для устройства отличной оружейной мастерской и нанялъ оружейнаго мастера изъ нѣмцевъ. Чтобы дать возможность офицерамъ пріобрѣтать спеціально военныя познанія, я выписалъ цѣлое собраніе сочиненій по разнымъ отраслямъ военныхъ наукъ и въ двухъ экземплярахъ всѣ необходимыя руководства для офицеровъ, приготовляющихся поступить въ военную академію. Тихій и скромный образъ жизни давалъ мнѣ полную возможность вполнѣ оцѣнить настоящее состояніе нашихъ войскъ, разумѣется, судя по одному Смоленскому пѣхотному полку. Чѣмъ болѣе я вникалъ во всѣ подробности, чѣмъ болѣе я пріискивалъ средства къ улучшеніямъ или къ устраненію разнаго рода золъ, тѣмъ болѣе меня поражала громадность недостатковъ и необходимыхъ средствъ для достиженія желаемаго.

Въ голодной губерніи,—а Смоленская имѣетъ доказанное право

на это прилагательное,—мои три батальона были расквартированы очень широко, по 5 и 6 дворовъ на человѣка, такъ что въ случаѣ приказанія немедленно собрать полкъ, при чудесахъ энергіи и расторопности, для этого потребовалось бы трое сутокъ; при такой дислокаціи, расчитанной для лучшаго продовольствія солдатъ, ограниченныхъ приварокъ несчастныхъ сельскихъ жителей, питающихся всегда дурнымъ, а съ первыхъ чиселъ декабря, когда у нихъ истощаются ихъ жалкіе запасы капусты, свеклы, картофеля и конопляпаго сѣмени, однимъ дурнымъ хлѣбомъ, солдатъ перестаетъ быть солдатомъ; онъ предоставленъ себѣ и волѣ Божіей—не говоря уже о дурныхъ наклонностяхъ, развитію которыхъ дается большой просторъ по милости полнаго бездѣйствія и совершеннаго отсутствія не только необходимаго нравственнаго вліянія, но самаго простаго надзора [1]). Распространеніе грамотности дѣлается немыслимымъ, потому что собирая школы при ротныхъ дворахъ, батальонныхъ и полковыхъ штабахъ, сейчасъ возникаетъ вопросъ о продовольствіи, который можетъ быть разрѣшенъ весьма легко, но посредствомъ недостающаго рычага-денегъ. Офицеровъ обыкновенно стараются соединять при ротныхъ дворахъ или батальонныхъ и полковыхъ штабахъ, но это рѣдко удается, потому что для этого необходимы исключительно благопріятныя условія; во всемъ расположеніи моего полка—одинъ только ротный дворъ 3-й роты былъ прекрасно помѣщенъ въ господскомъ домѣ В. А. Кочубей [2]), которая благосклонно разрѣшила офицерамъ, по моей просьбѣ, занять ея усадьбу; въ маленькихъ городахъ бѣдные жители—безпрестанно и не безъ основанія приносятъ жалобы на дѣйствительно тягостную для нихъ квартирную повинность и потому, при всемъ жаланіи полковаго командира имѣть вліяніе на офицеровъ, дѣйствовать на ихъ образъ жизни и мыслей, дѣлается также невозможнымъ; они по неволѣ живутъ въ деревняхъ, часто въ курныхъ грязъ-

---

[1]) Едва-ли надо говорить, что все здѣсь написанное совершенно измѣнилось къ лучшему въ послѣднюю четверть вѣка вслѣдствіе тѣхъ преобразованій, какимъ подверглась армія во всѣхъ сторонахъ своего устройства и быта; разсказъ сенатора В. И. Дена сохраняетъ за собою только историческій интересъ по отношенію къ безвозвратному прошедшему. Ред.

[2]) Рожденная гр-ня Кушелева-Безбородко.

ныхъ избахъ, кое-какъ отдѣленные отъ семьи несчастнаго крестьянина. Въ Рославльскомъ уѣздѣ нѣтъ вовсе большихъ селъ, а самыя названія многихъ изъ нихъ даютъ вѣрное понятіе о положеніи ихъ жителей, — такъ я помню маленькія несчастныя деревни подъ названіемъ: Голодаевка, Бѣдствелка, Костогрызовка и т. п.

Въ мое время прапорщикъ получалъ 15 р. сер. въ мѣсяцъ содержанія; почти всѣ офицеры Смоленскаго пѣхотнаго полка происходили изъ мелкой шляхты западныхъ губерній и не имѣли никакого состоянія, кромѣ весьма не многихъ; образованіемъ большею частью похвастать не могли и потому переносили съ бо́льшимъ геройствомъ свое грустное положеніе, чѣмъ молодые люди, привыкшіе къ лучшей обстановкѣ, образованные и внезапно лишенные всѣхъ средствъ быть въ обществѣ и получать книги. Мнѣ случалось видѣть, какъ прекрасно воспитанные молодые люди предавались отчаянію и дѣлались пьяницами; я старался ихъ поднять морально, занимать, развлекать, но ни одного не удалось спасти отъ овладѣвшей ими гнусной страсти. Число совершенно безполезныхъ офицеровъ, поведенія не приличнаго ихъ званію, было такъ значительно, что я вынужденъ былъ удалить 28 человѣкъ изъ полка; одного изъ нихъ, поляка, варшавскаго уроженца, Бер — го, я долженъ былъ приказать поднять пьянаго до безчувственности на базарной площади города Рославля и отправить на гауптвахту. Чтобы хотя разъ въ годъ видѣть роту въ полномъ составѣ, я приводилъ каждую роту поочередно въ городъ Рославль на три недѣли и, такимъ образомъ, получалъ возможность приводить въ исправность оружіе, аммуницію, обмундировку, но, увы, часто случалось задерживать роту долѣе трехъ недѣль, а въ концѣ года оказывалось, что двѣ или три роты вовсе не были при полковомъ штабѣ и потому являлись къ полковому сбору еще въ худшемъ противъ прочихъ видѣ.

Въ концѣ декабря, желая повидаться съ батюшкою, я просилъ отпуска въ С.-Петербургъ, и взялъ съ собой два проекта; мнѣ казалось, что предлагаемое мной такъ очевидно полезно, что съ радостью ухватятся за мои предложенія; вышло совсѣмъ иначе, мнѣ отказали и только 12 лѣтъ спустя, я не знаю по чьей иниціативѣ, мои мысли приведены отчасти въ исполненіе. Въ одной запискѣ, поданной мной въ комитетъ военныхъ улучшеній, я

доказалъ пользу и даже необходимость для линейной пѣхоты быть обученой саперному дѣлу, а для практики предлагалъ, по сношенію съ земствомъ, заняться исправленіемъ дорогъ и мостовъ для установленія надежнаго сообщенія между разбросанными частями моего полка; въ другой я доказывалъ безполезность храненія при ротахъ 11-ти-дневнаго провіанта, поясняя, что, при внезапномъ полученіи приказанія выступить, я могу во всякое время въ Рославлѣ заготовить сухари, пока полкъ будетъ собираться и, отправивъ впередъ хлѣбопековъ, всегда буду имѣть время и возможность вполнѣ обезпечить продовольствіе полка. Что храня провіантъ на ротныхъ полуфуркахъ и требуя постоянной доброкачественности сухарей, я долженъ допустить злоупотребленіе, а именно согласиться на неполную выдачу пайка и безъ того нуждающимся жителямъ и въ заключеніе давая право ротному командиру, для необходимаго освѣженія сухарнаго запаса, удерживать часть пайка — мнѣ положительно невозможно контролировать дѣйствія ротнаго командира, т. е. удостовѣряться, не уменьшенъ-ли имъ выданный крестьянину паекъ болѣе, чѣмъ это было крайне необходимо для освѣженія сухарнаго запаса.

Первое изъ этихъ предложеній теперь (1872 г.) принято безъ его практической стороны, другое принято въ половину, т. е. сухарный запасъ уменьшенъ, кажется, на половину, а все-таки потрачиваемый провіантъ на освѣженіе сухарнаго запаса безъ пользы пропадаетъ, а дурному ротному командиру предоставленъ еще большій просторъ для злоупотребленій, ускользающихъ отъ возможнаго контроля даже бдительнаго и строгаго начальства. Равнодушіе, съ которымъ были приняты мои предложенія въ Петербургѣ, меня болѣе удивило, чѣмъ огорчило; я возбуждалъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ было, по моему убѣжденію, и легко и просто; другихъ вопросовъ я не касался, сознавая невозможность достигнуть хотя и необходимаго результата, какъ-то: прекращенія нищенскаго способа продовольствовать армію, можно сказать, подаяніемъ жителей, о пользѣ казарменнаго расквартированія, объ увеличеніи количества товара для обуви и т. п. Все это было мной брошено и, пользуясь особенно любезнымъ ко мнѣ расположеніемъ въ обширномъ кругу моихъ знакомыхъ (въ то время я еще любилъ общество), я предался совершенно свѣт-

скимъ увеселеніямъ, такъ что мнѣ даже рѣдко удавалось обѣдать съ отцемъ. Когда изрѣдка я чувствовалъ, что во мнѣ еще таится честолюбіе, я вспоминалъ обѣщаніе кн. А. И. Барятинскаго дать мнѣ полкъ на Кавказѣ, что же касается моего Смоленскаго полка, то я уже рѣшился его оставить при первой возможности, подъ какимъ либо предлогомъ. Оказалось, однако, что третьей попыткѣ моей принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ не суждено было увѣнчаться успѣхомъ; кн. Барятинскій, которому я не оставилъ никакой записки о своемъ желаніи перейти на Кавказъ, уѣхалъ, а просить или, правильнѣе, упрашивать и ходатайствовать чрезъ доброжелателей, мнѣ было не по вкусу и не по характеру, итакъ, просрочивъ нѣсколько недѣль, я скрѣпя сердце отправился въ февралѣ обратно въ городъ Рославль, и не безъ какого-то успокоительнаго удовлетворенія принялся попрежнему за книги и полковыя занятія.

Наконецъ, наступила весна, а съ ней и усиленныя заботы для приведенія полка дѣйствительно въ порядокъ; ружья почти всѣ уже были приведены въ исправность, но многія поступали въ починку по невозможности внушить солдатамъ обходиться бережно съ оружіемъ. Весь полкъ былъ вновь обмундированъ, обозъ былъ въ порядкѣ, всѣ лошади куплены молодыя, хорошія—однимъ словомъ, я бы совершенно спокойно ожидалъ предстоявшихъ смотровъ, если бы не встрѣчалъ полнѣйшей апатіи къ своимъ обязанностямъ между офицерами. Въ особенности молодые субалтернъ-офицеры удивляли меня своимъ равнодушіемъ, когда я имъ ежедневно доказывалъ не только, что они не знаютъ устава, но что они и не дѣлаютъ ничего, чтобы съ нимъ познакомиться. Мнѣ не хотѣлось оставлять полка до представленія его корпусному командиру, инспекторскій смотръ котораго уже былъ назначенъ въ первыхъ числахъ іюля. Наконецъ, пріѣхали мои старые знакомые, бар. Карлъ Егоровичъ Врангель, командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса и его начальникъ штаба, Владиміръ Саввичъ Семека.

Я не стану описывать смотровъ и ученій; почтенный и добрѣйшій бар. Врангель мало зналъ пѣхотную службу, но за то съ любовью осматривалъ обозъ и съ похвалой отозвался о лошадяхъ, и въ особенности остался доволенъ ковкою моихъ лошадей, на которую дѣйствительно обращено было вниманіе;

кузнецы мои были мастера своего дѣла; кромѣ того, я привезъ изъ Петербурга англійскіе образцы подковъ и запасъ гвоздей изъ мягкаго и тягучаго желѣза. Но не могу не упомянуть одной особенности, которой, вѣроятно, никому не случалось видѣть при инспекторскомъ смотру какой-либо части войскъ; дѣло въ томъ, что когда полкъ выстроился для смотра, три офицера изъ вновь зачисленныхъ изъ резервовъ были поставлены мной въ 20-ти шагахъ отъ праваго фланга музыкантовъ для подачи жалобъ корпусному командиру. Всѣ эти жалобы заключались въ томъ, что я объявилъ этимъ господамъ, что они въ Смоленскомъ полку, по своимъ весьма предосудительнымъ аттестаціямъ, служить не могутъ. Одинъ изъ нихъ приходилъ ко мнѣ объясняться и на мой рѣшительный отказъ считать его офицеромъ полка, котораго я гордился быть командиромъ, сказалъ мнѣ: «помилуйте, г. полковникъ, я не имѣю состоянія, если я оставлю службу—мнѣ придется умирать съ голоду».

Я ему на это отвѣчалъ: «если вы не можете съискивать себѣ пропитаніе трудомъ, то вы этимъ доказываете, что и служба не можетъ ожидать отъ васъ пользы, а потому умирайте; а въ Смоленскомъ полку для васъ мѣста нѣтъ».

Вслѣдствіе этого разговора, въ рапортѣ, поданномъ генералу Врангелю, офицеръ этотъ, къ сожалѣнію, я забылъ его фамилію, жаловался сначала на несправедливую аттестацію командира резервнаго полка, въ которомъ служилъ, и добавлялъ: «а на всѣ мои объясненія и просьбы оставить меня въ Смоленскомъ полку флигель-адъютантъ Денъ предложилъ мнѣ смерть».

Все это ужасно бы поразило корпуснаго командира, если бы онъ не былъ мной предупрежденъ, что я обѣщалъ тремъ офицерамъ, которымъ я не считаю себя въ правѣ назначить мѣста въ рядахъ Смоленскаго полка, но долгомъ считаю доставить возможность законнымъ порядкомъ подать на меня жалобу, поставить ихъ на правомъ флангѣ полка, когда полкъ будетъ выстроенъ для инспекторскаго смотра.

По отъѣздѣ барона Врангеля, я получилъ письмо отъ своего хорошаго пріятеля А. Д. Гершельмана [1]). Этотъ старый и

[1]) Въ то время былъ помощникомъ дежурнаго генерала главнаго штаба е. в., генерала Катенина. В. Д.

добрый товарищъ увѣдомлялъ меня, что онъ съ удивленіемъ получилъ прошеніе мое объ увольненіи меня въ 10-ти мѣсячный отпускъ, уговаривалъ меня взять назадъ прошеніе, говоря, что онъ имѣетъ особыя причины давать мнѣ этотъ совѣтъ. Я отъ души благодарилъ А. Д. Герштенцвейга за его дружеское ко мнѣ расположеніе, но просилъ дать ходъ моему прошенію, говоря, что я не вижу цѣли командованія полкомъ въ мирное время. 10 дней спустя я получилъ высочайшій приказъ объ увольненіи меня, по болѣзни, въ 10-ти мѣсячный заграничный отпускъ, и второе письмо Герштенцвейга, въ которомъ онъ порицалъ мое упорство и выражалъ сожалѣніе, говоря: «Ты уже былъ предназначенъ для командованія л.-гв. Стрѣлковымъ баталіономъ е. в.» и прибавлялъ: «во избѣжаніе непріятностей, совѣтую тебѣ, до отъѣзда заграницу, не показываться на глаза государю».

Полкъ выступалъ въ Варшаву; къ счастію, г. Реми, назначенный на мое мѣсто, прибылъ въ Рославль за два дня до выступленія полка, я ему немедленно сдалъ полкъ и послѣ проводовъ, доказавшихъ, что я, впрочемъ, съ гордостью сознавалъ и прежде, а именно, что я заслужилъ уваженіе всѣхъ и даже расположеніе многихъ офицеровъ, а солдаты, съ которыми я разставался съ особенно горестнымъ чувствомъ, неоднократно наивно, хотя трусливо, но своеобразно выказывали свое сожалѣніе, когда я по обыкновенію ежедневно объѣзжалъ большіе сараи, въ которыхъ они были расположены по-ротно. Послѣдняя атестація солдатскаго сердца, инстинктивно оцѣнившаго мое искреннее расположеніе и любовь къ солдату, была единственною, но прекрасною наградою за время моего командованія въ теченіи одного года и 8 мѣсяцевъ Смоленскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

7-го іюля, послѣ полковаго обѣда, я заѣхалъ въ полковую церковь, гдѣ отъ всей души помолившись Богу, что сподобилъ меня благополучно прокомандовать полкомъ и сдать его безъ особенныхъ затрудненій и непріятностей, я спѣшилъ уѣхать въ Вонлярово....

XV.

Поѣздка за границу.

Сватовство и женитьба.—Отъѣздъ за границу.—Остановка въ Вѣнѣ.—Представленіе австрійскому императору.—Вѣнское общество.—Каммер-балъ —Встрѣча съ старыми знакомыми.—Русское посольство.—Отъѣздъ изъ Вѣны.—Венеція, Миланъ, Генуа.

1857—1859.

Въ этихъ запискахъ я еще ни разу не упоминалъ о томъ, что я страстно былъ влюбленъ въ Анну Александровну Вонлярлярскую. Еще въ 1854 г., предъ отъѣздомъ своимъ въ Молдавію, съ трепетнымъ сердцемъ сознался я въ своихъ чувствахъ почтеннѣйшей и добрѣйшей Вѣрѣ Дмитріевнѣ Вонлярлярской, которая съ радостью приняла мое предложеніе; Александръ Александровичъ Вонлярлярскій, уже давно хорошо ко мнѣ расположенный, также ничего не имѣлъ противъ моего желанія назваться его зятемъ, но все, конечно, зависѣло отъ самой Анны, нерѣшительности которой предстояло усложнить и затруднить вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависѣло не только мое счастье, но и вся будущность, судьба.

Въ 1854 г., оставляя Петербургъ, послѣ сдѣланнаго мной предложенія, я не получилъ никакого рѣшительнаго согласія, тѣмъ не менѣе я *считалъ себя, не безъ основанія*, женихомъ, а потому, послѣ посѣщенія мною семейства Вонлярлярскихъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я не только былъ огорченъ, но озадаченъ и крайне удивленъ сопротивленіемъ, встрѣченнымъ мной въ самой Аннѣ... О родителяхъ я и не говорю, они были ко мнѣ чрезвычайно расположены и дали не только свое согласіе, но и дѣйствовали дружно въ мою пользу. Въ Вонляровѣ я пробылъ нѣсколько дней, но безуспѣшно возобновлялъ свои предложенія и, наконецъ, уѣхалъ въ Варшаву, съ намѣреніемъ, повидавшись съ отцомъ въ Козеницахъ, на продолжительное время отправиться за границу. Въ Варшавѣ я неожиданно встрѣтилъ своего стараго учителя Sandoz'a, которому чрезвычайно обрадовался, а по возвращеніи изъ Козеницъ, къ моему неописанному удовольствію и радости, получилъ эстафету изъ Смоленска; досадно мнѣ, что у меня не сохранилась эта депеша, подписанная А. А. Ляр-

скимъ. Она меня увѣдомляла, что Анна согласна быть моей женой и что всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ моего прибытія въ Вонлярово. Сообщивъ отцу о происшедшей неожиданной перемѣнѣ въ моихъ намѣреніяхъ, я поскакалъ опять въ Смоленскую губернію.

16-го октября 1857 г., я обвѣнчался съ Анною Александровною Вонлярлярскою, а нѣсколько дней спустя, съ женой мы ѣхали за границу, на Варшаву, Вѣну—въ Италію. Въ Вѣнѣ насъ задержала болѣзнь жены, и потому, «faisant bonne mine à mauvais jeu», мнѣ пришлось возобновить мое знакомство съ этимъ городомъ.

Пользуясь любезностью нашего военнаго агента, генерала Торнау, я ѣздилъ въ казармы, вновь построенныя для пѣхотнаго полка, подъ названіемъ «Franz-Joseph Kasernen», и въ другія, въ которыхъ стоялъ полкъ «Prinz Eugen Dragoner». Первымъ командовалъ полковникъ баронъ Лебцельтернъ, вторымъ графъ Галленбергъ. Эти оба командира врядъ-ли сохранили пріятное воспоминаніе моего знакомства и посѣщенія расположеній ихъ полковъ. У бар. Лебцельтерна, командира пѣхотнаго короля бельгійскаго полка, мнѣ показали на кухнѣ, въ чемъ заключается обѣдъ австрійскаго солдата, а именно: въ маленькой оловянной кострюлѣ жиденькій супъ, съ тяжелою, грязнаго цвѣта клецкой; попробовавъ не безъ отвращенія этой прѣсной похлебки, я обратился къ бар. Лебцельтерну съ вопросомъ:

— «А что-же даютъ солдатамъ послѣ этого супа?»

Этотъ вопросъ, не смотря на его наивность, видимо сконфузилъ и огорчилъ полковаго командира; онъ лихорадочно сталъ мѣшать ложкою похлебку и сказалъ:

— «Aber um Gottes Willen, sehen Sie doch, da ist ja ein Kindeldrin». (Да взгляните-же, ради Бога, въ немъ есть клецка), и показалъ мнѣ кусокъ слизистаго грязнаго тѣста.

Съ графомъ Голленбергомъ мнѣ пришлось поступить еще менѣе деликатно; когда мы обошли всю казарму и всѣ конюшни и выходили на обширный дворъ, трубачи заиграли «Боже, царя храни», и мнѣ пришлось съ особеннымъ чувствомъ раскланиваться и благодарить. Но возвратившись въ квартиру полковаго командира, Галленбергъ, убѣжденный, вѣроятно, что я восхищенъ всѣмъ мною видѣннымъ, просилъ меня сказать ему откро-

венно мое мнѣніе. Я попробовалъ уклониться отъ прямаго отвѣта, но онъ настаивалъ, упрашивая указать, что̀ именно мнѣ понравилось или заслужило порицаніе.

Выведенный изъ терпѣнія настойчивымъ требованіемъ похвалы, я ему сказалъ:

— «Меня въ особенности порадовало то, что у насъ въ Россіи нельзя найти ни одной такой плохой казармы».

Это былъ ударъ неожиданный и ужасный... Мы холодно разстались и болѣе не встрѣчались; годъ спустя, какъ я узналъ случайно, онъ скончался.

Когда я пріѣхалъ въ Вѣну, я думалъ пробыть тамъ лишь необходимое время для отдыха жены, но она занемогла довольно серьезно, и мнѣ пришлось знакомиться съ г. Опользеромъ, знаменитымъ эскулапомъ того времени. Будучи въ модѣ, онъ не могъ часто посѣщать мою больную, и потому откомандировалъ для ежедневнаго посѣщенія своего адъютанта—Завишица, кажется,—сербо-французскій разговоръ котораго смѣшилъ и развлекалъ Анну, не смотря на ея болѣзненное состояніе. Между прочими его оригинальными выходками, помнится мнѣ его совѣтъ положить горчишникъ на грудь, выраженный слѣдующими словами: «Madame, il faut mettre un moutard sur la poitrine».

Опользера я вспоминаю съ удовольствіемъ какъ очень умнаго и образованнаго человѣка; онъ предложилъ показать мнѣ вѣнскій, весьма значительный, анатомическій кабинетъ—и самъ былъ моимъ cicerone. Объясняя мнѣ, совершенному профану, разныя восковыя фигуры, представляющія вѣрныя изображенія различныхъ частей человѣческаго организма, онъ указалъ мнѣ на почку и сказалъ при этомъ нѣсколько словъ, сильно меня поразившихъ, а именно:

— «Въ настоящее время вамъ безпрестанно приходится слышать, такой-то господинъ страдалъ почкою, доктора опредѣлили, что болѣзнь такого-то происходитъ или имѣетъ свое начало отъ почки или въ почкѣ. Die Aerzte, die so sprechen, sind verwegene Narren! (Врачи, говорящіе это, набитые дураки!). По сіе время медицина еще положительно не опредѣлила, въ чемъ заключается роль почки въ человѣческомъ организмѣ, слѣдовательно приписываніе почкѣ разныхъ страданій есть велѣпость. Вы можете смѣло ссылаться на мое мнѣніе—если вамъ придется слы-

шать глубокомысленныя опредѣленія причинъ болѣзни, отъ почки происходящей, дѣлаемыя неучами или шарлатанами». Это чистосердечное сознаніе въ невѣдѣніи со стороны умнаго человѣка и весьма извѣстнаго врача меня чрезвычайно поразило, и я тогда же записалъ его слова.

Первоначально я думалъ нигдѣ не показываться въ вѣнскомъ beau-mond'ѣ, но вышло иначе. Престарѣлый австрійскій и русскій фельдмаршалъ Радецкій скончался въ Миланѣ и, для отданія ему послѣдней почести, государю угодно было приказать отправить изъ Варшавы цѣлую депутацію. Она состояла изъ генералъ-лейтенанта С. П. Бутурлина, флиг.-адъют. полковника Гербеля, въ то время командовавшаго лейбъ-курляндскимъ уланскимъ е. в. полкомъ, командира Могилевскаго пѣхотнаго полка, полковника Вознесенскаго, инженеръ-подполковника Спиридонова, командира 7-го стрѣлковаго баталіона (не припомню фамиліи) и адъютанта генерала Бутурлина, поручика бар. Деллингсгаузена, впослѣдствіи моего адъютанта.

Когда я узналъ о предстоявшемъ торжественномъ погребеніи гр. Радецкаго и прибытіи русской военной депутаціи, мнѣ казалось приличнымъ принять участіе въ этой церемоніи, а потому я выразилъ желаніе нашему послу при вѣнскомъ дворѣ, бар. Будбергу, представиться австрійскому императору. Русская депутація, пріѣхавши въ Вѣну, въ этомъ городѣ только переночевала и на другой день, въ шесть часовъ утра, спѣшила отправиться въ Миланъ, такъ что я только мелькомъ успѣлъ повидаться со своими старыми знакомыми, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея возвращенія въ Вѣну, гдѣ предполагалась торжественная погребальная процессія отъ Тріестской станціи желѣзной дороги—до сѣверной. Тѣло покойнаго австрійскаго и русскаго генералъ-фельдмаршала предполагалось везти въ его имѣніе.

Чрезъ два дня бар. Будбергъ сообщилъ мнѣ императорское приглашеніе къ столу—какъ въ Вѣнѣ выражаются—«ich werde zur Kaiserlichen Täfel—gezogen, bestellt oder befohlen», эти три послѣднія выраженія употребляются смотря по степени вѣрноподданническаго усердія; вообще въ придворныхъ сферахъ я замѣтилъ много подобострастія, даже лакейскихъ замашекъ, о которыхъ я при дворѣ Николая Павловича и понятія не имѣлъ. Вмѣстѣ съ приглашеніемъ, бар. Будбергъ запискою увѣдом-

лялъ меня, что передъ обѣдомъ гр. Грюнне, которому я уже сдѣлалъ визитъ, преставитъ меня императору.

Гр. Грюнне игралъ въ то время весьма важную роль, онъ былъ первымъ генералъ-адъютантомъ, завѣдывалъ центральною военной канцеляріею, т. е. былъ начальникомъ главнаго штаба и оберъ-шталмейстеромъ двора. Его въ арміи ненавидѣли и приписывали его карьеру и почести, которыми онъ пользовался, только благосклонности эрцъ-герцогини Софьи, матери императора.

Въ назначенный день и часъ я отправился, разумѣется въ мундирѣ, во дворецъ, т. е. Hofburg. При входѣ, одинъ изъ придворныхъ лакеевъ вручилъ мнѣ карточку, на которой было означено возлѣ кого мнѣ сидѣть: zur rechten такого-то, zur linken такого. Гр. Грюнне представилъ меня немедленно гр. Нобиле, оберъ-гофмейстеру императрицы, который объявилъ мнѣ, что онъ представитъ меня императрицѣ «nach der Tafel» (послѣ обѣда). Въ числѣ приглашенныхъ, кромѣ меня, я замѣтилъ еще нѣсколькихъ военныхъ, пріѣхавшихъ отъ мелкихъ германскихъ дворовъ, по случаю похоронъ гр. Радецкаго; тутъ же было нѣсколько австрійскихъ офицеровъ, флигель-адъютантовъ и военныхъ съ каммергерскими ключами надъ фалдами мундировъ.

При входѣ въ залу императорской четы, Францъ-Іосифъ оставилъ императрицу и немедленно подошелъ ко мнѣ; теперь я не въ состояніи передать слово въ слово все имъ мнѣ сказанное, помню только, что онъ спѣшилъ выразить свое удовольствіе за присылку государемъ цѣлой депутаціи на похороны гр. Радецкаго. «Der Kaiser ist so gütig — er hat uns viel Officiere geschickt» (государь такъ добръ—онъ прислалъ къ намъ столько офицеровъ); это сохранилось въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что бар. Будбергъ мнѣ пояснялъ впослѣдствіи, что съ давняго времени это былъ первый признакъ кордіальныхъ отношеній со стороны русскаго двора.

Во время разговора съ императоромъ, конечно не представлявшаго ни малѣйшаго интереса, я былъ непріятно пораженъ стараніемъ е. в—ва избѣгать встрѣчи моихъ взоровъ. Казалось, что форма и видъ моей обуви его особенно заинтересовали, потому что онъ упорно ее осматривалъ во время всего нашего разговора, и тѣмъ напоминалъ мнѣ, что, можетъ быть, онъ самъ сознаетъ въ душѣ свою неправоту относительно Россіи. Гр.

Грюнне былъ моимъ любезнымъ сосѣдомъ за столомъ, предлагалъ свои услуги и обѣщалъ показать арсеналъ, военныя мастерскія, офицерскую кавалерійскую и артиллерійскую школы, а равно и императорскую конюшню. Всѣмъ этимъ я воспользовался впослѣдствіи вмѣстѣ съ членами нашей русской депутаціи.

Послѣ обѣда, согласно программѣ, гр. Нобиле представилъ меня императрицѣ, привѣтливость и любезность которой еще увеличивали пріятное впечатлѣніе, производимое ея блистательною красотою. Туалетъ ея былъ до того изященъ, что я его разсмотрѣлъ въ подробности до того, что могъ вечеромъ передать женѣ всѣ подробности ея туалета. Къ сожалѣнію, не могу припомнить кто были дамы, которыя съ нами обѣдали; гофмейстерина императрицы—пожилая, но живая и веселая женщина, объявившая мнѣ при первомъ словѣ о своей искренней симпатіи къ русскимъ, и двѣ фрейлины, изъ которыхъ одна, кажется, графиня Ламбахъ или Бергъ, отецъ которой былъ растерзанъ чернью въ 1848 году, кажется въ Пештѣ. Еще долженъ сказать, что меня тутъ же представили кн. Карлу Лихтенштейну, генералу отъ кавалеріи, оберъ-камергеру, Андреевскому кавалеру, кажется оберъ-гофмаршалу, однимъ словомъ первому чину двора. Это была личность уже въ то время исключительная въ Вѣнѣ, веселый, постоянно праздный, интересующійся исключительно мелочами, не примирившійся съ преобразованіями, вынужденными событіями 1848 года, инстинктивно преданный Россіи—въ предположеніи, что ея не могутъ коснуться либеральныя нововведенія, по его словамъ столь много повредившія Австрійской имперіи. Этого оригинала, настоящаго образчика вѣнскаго «bon vieux temps», я впослѣдствіи часто встрѣчалъ и постоянно удивлялся его веселости, придаванію значенія пустякамъ и непониманію, что кромѣ императорскаго двора есть въ мірѣ и еще что нибудь, хотя бы балетъ, къ которому, о! противорѣчіе, онъ былъ очень неравнодушенъ.

Вообще вѣнское высшее общество отличалось тѣмъ, что французы называютъ «puérilité».... Для примѣра разскажу здѣсь случай, давшій въ то время въ Вѣнѣ поводъ къ нескончаемымъ толкамъ и разсужденіямъ. Молодые и очень пожилые люди въ клубахъ, встрѣчаясь на улицахъ, при дамахъ, спрашивали другъ друга—«haben Sie das Wunder geschaut?» Ich habe es gesehen, s'ist gar schön,—отвѣчалъ другой, и т. п. Эти постоянные раз-

говоры, безъ сомнѣнія, сильно бы меня заинтересовали, еслибы я случайно не былъ изъ первыхъ посвященъ въ эту, всѣхъ столь сильно занимавшую, тайну. У гр. Голленберга была гнѣдая кобыла, у которой неожиданно вдругъ побѣлѣли хвостъ и грива. Въ теченіи двухъ недѣль вся вѣнская fashion ѣздила въ казармы Prinz Eugen Dragoner, чтобы любоваться чудомъ.

Наконецъ, возвратилась наша депутація изъ Милана и всѣ эти гг. пріѣхали навѣстить меня въ штатскомъ платьѣ, при чемъ необыкновенно худощавая фигура стараго моего товарища Данилы Карловича Гербеля заставила меня смѣяться отъ души. Для увеселенія всей съѣхавшейся иностранной публики — при дворѣ былъ назначенъ немногочисленный балъ «Kammerball» [1])— на который и я получилъ приглашеніе.

На этомъ каммербалѣ меня представляли разнымъ престарѣлымъ военнымъ нотабилитетамъ, генералъ-фельдмаршаламъ, графу Вальмодену, Вратиславу и генералъ-фельдцейхмейстеру — фонъ Гессъ, пріобрѣвшему громкую извѣстность въ должности начальника главнаго штаба гр. Радецкаго во время славной итальянской кампаніи сего послѣдняго въ 1848 году. Генералу Гессъ я напомнилъ, что я уже имѣлъ честь быть ему представленнымъ въ С.-Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ на маневры, напомнилъ ему необыкновенныя милости, вниманіе и любезность, которыя такъ щедро оказывалъ ему незабвенный Николай Павловичъ, «а вы это очень скоро забыли, когда рѣшились принять командованіе надъ арміею, которую неблагодарное правительство ваше сосредоточивало въ 1854 году въ возставшей Галиціи, чтобы остановить военныя дѣйствія на Дунаѣ».

Эта довольно дерзкая съ моей стороны выходка мнѣ памятна по необыкновенному дѣйствію, ею произведенному: хитрый и умный старикъ совершенно смутился; оправившись немного, онъ мнѣ сказалъ мягкимъ ласкающимъ голосомъ: — «любезный полковникъ, вы забываете, что мы—военные, что мы должны исполнять приказаніе, какъ бы оно ни было тяжело нашему сердцу».

А я продолжалъ: «Къ счастью, Богу не угодно было благословить вашихъ предпріятій, вы помните, какъ вы потеряли отъ

---

[1]) Почетная публика сидѣла за маленькими столами, на центральномъ предсѣдательствовалъ императоръ, на другихъ эрцъ-герцоги. В. Д.

холеры около 30.000 человѣкъ, и съ какою поспѣшностью вамъ пришлось переводить остатки вашей арміи изъ восточной въ западную Галицію»...

Видя, что онъ имѣетъ дѣло съ какимъ-то завзятымъ русскимъ преданнымъ и восторженнымъ поклонникомъ императора Николая Павловича, не признающимъ необходимости никакой утайки, старый Гессъ [1]) поспѣшилъ меня оставить. О потеряхъ въ австрійской арміи въ Галиціи я получилъ предъ тѣмъ положительныя свѣдѣнія, какъ равно о злоупотребленіяхъ при перевозкѣ (мнимой) провіанта изъ окрестностей Львова въ западную часть Галиціи. Дѣло въ томъ, что чиновники интендантства, получившіе приказаніе и средства для перевозки огромныхъ запасовъ провіанта, расчитали, хорошо зная мѣстныя условія хлѣбной торговли и цѣны въ извѣстную минуту, что имъ гораздо выгоднѣе продать весь провіантъ, заготовленный въ окрестностяхъ Львова, купить соотвѣтственное количество близъ Кракова по низшимъ цѣнамъ, а всѣ суммы, отпущенныя на перевозку, положить въ карманъ. Горько сознаться, но я былъ доволенъ, что не у насъ однихъ совершаются подобныя штуки. Но мнѣ не было суждено долго радоваться, потому что я вскорѣ узналъ, какъ серьезно австрійское правительство относилось къ этимъ злоупотребленіямъ; 17 человѣкъ, служившихъ въ интендантствѣ, были уличены въ мошенничествѣ, лишены правъ и приговорены къ каторжной работѣ, послѣ конфискаціи всего ихъ состоянія. Это заставило меня призадуматься, внутренно сознавая, что если бы у насъ и открылось что-либо подобное, главные виновники, конечно, нашли бы возможность, если не оправдаться, то по крайней мѣрѣ, за недостаткомъ уликъ, остаться въ подозрѣніи, не отвѣчая своимъ имуществомъ за убытки, причиненные государству (1855 г.)...

Старикъ Вальмоденъ [2]), уже извѣстный начальникъ отряда, дѣйствовавшій одновременно съ Тетенборномъ на сѣверѣ Германіи въ 1813 году, не смотря на преклонность лѣтъ, любилъ общество молодыхъ людей и былъ одинъ изъ постоянныхъ посѣ-

---

[1]) Нѣсколько недѣль послѣ моего разговора съ нимъ, генералъ Гессъ скончался въ Вѣнѣ. В. Д.

[2]) Графъ Walmoden-Gimborn, фельдмаршалъ-лейтенантъ, род. въ 1769 г. Ред.

тителей извѣстной «Фанни Эльслеръ», у которой еженедѣльно собиралось много молодыхъ людей, и гдѣ, какъ мнѣ говорили, благодаря совершенной непринужденности, находили большое удовольствіе члены высшаго вѣнскаго общества. Однимъ изъ постояннѣйшихъ членовъ этого салона былъ также генералъ Гіулай, такъ плачевно окончившій свое военное поприще подъ Маджентою. Гіюлай, котораго я также зналъ въ Петербургѣ, доказалъ, что онъ умѣлъ путешествовать съ пользою; онъ научился въ Петербургѣ пить водку предъ обѣдомъ и запоемъ играть въ ералашъ, а по возвращеніи на родину страстно предался прозелитизму, такъ что ералашъ былъ въ модѣ въ Вѣнѣ.

Изъ числа старыхъ моихъ знакомыхъ долженъ я еще упомянуть бригаднаго генерала гр. Феттера, который мнѣ такъ обрадовался, что угощалъ шампанскимъ [1]) въ гостинницѣ «Zur Stadt Frankfurt», гдѣ мы вмѣстѣ обѣдали. Чаще другихъ встрѣчалъ я въ Вѣнѣ, по хорошимъ его отношеніямъ къ членамъ нашего посольства, прусскаго военнаго агента маіора Кошеке, получившаго впослѣдствіи военную извѣстность, командуя дивизіею въ 1871 г., и вступившаго въ Парижъ по заключеніи мира Германіи съ Франціею; это былъ пріятный и образованный молодой человѣкъ, котораго я навѣстилъ впослѣдствіи, проѣзжая чрезъ Берлинъ въ 1858 году.

Затѣмъ мнѣ остается только съ благодарностью вспомнить о личномъ составѣ нашего вѣнскаго посольства.

Главой его былъ бар. Будбергъ, онъ былъ предметомъ зависти всего нашего министерства иностранныхъ дѣлъ потому, что, имѣвъ случай сдѣлаться извѣстнымъ еще въ молодыхъ лѣтахъ государю Николаю Павловичу и снискать его расположеніе, онъ, будучи, кажется, только коллежскимъ совѣтникомъ, былъ назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ уже тайнымъ совѣтникомъ въ Вѣну; онъ и милая и любезная жена его, урожденная Убри, оказывали мнѣ много вниманія, любезности и хлѣбосольства. Совѣтникъ посольства, кн. А. Волконскій, мнѣ еще прежде былъ извѣстенъ въ Варшавѣ; женатый на нѣмкѣ, — баронессѣ Лиліенъ, онъ былъ въ Вѣнѣ какъ

---

[1]) Со стороны нѣмца—это много. В. Д.

дома и, желая мнѣ быть полезнымъ, оказывалъ мнѣ всевозможныя услуги съ самою утонченною предупредительностью. О военномъ агентѣ генералѣ Ѳедорѣ Ѳед. Торнау я уже вспоминалъ; это былъ добрѣйшій человѣкъ, но большой оригиналъ, ненавидѣлъ дипломатовъ и утверждалъ, что какъ у насъ, военныхъ, кампаніи заносятся въ формулярный списокъ, такъ у дипломатовъ—обѣды, которымъ они придаютъ такое огромное значеніе. Я съ нимъ познакомился еще въ 1854 году, въ Яссахъ и, кажется, по своимъ отличнымъ отношеніямъ къ бар. Д. Е. Сакену, имѣлъ случай быть ему полезнымъ. Баронъ Торнау, бывшій долго, кажется два года, въ плѣну у разныхъ горскихъ обитателей западнаго непокорнаго намъ Кавказа, состарѣлся преждевременно и вынесъ изъ своего плѣна особаго рода мнительность и подозрительность; ему постоянно казалось, что всеобщее вниманіе обращено на его малѣйшія дѣйствія, что ему слѣдуетъ поэтому во всемъ соблюдать строгую тайну и осторожность. Нѣсколько лѣтъ послѣ нашихъ, почти ежедневныхъ, свиданій въ Вѣнѣ, имъ напечатана преинтересная статья, кажется въ «Русскомъ Вѣстникѣ», немедленно переведенная на нѣмецкій и французскій языки подъ заглавіемъ — «Воспоминанія моего плѣна у горцевъ Кавказа». Это небольшое сочиненіе, преисполненное интереса по содержанію, представляетъ еще особенную прелесть изящною формою изложенія.

Я никогда не забуду скуки, испытанной мной на этомъ балу [1]), въ особенности за ужиномъ,—мое званіе флигель-адъютанта и почетъ, вслѣдствіе того же мнѣ оказываемый, были тому причиной. Еще далеко до ужина, какой-то фурьеръ вручилъ мнѣ записку, въ которой значилось, что я долженъ сидѣть за ужиномъ за столомъ, на которомъ предсѣдателемъ будетъ эрцъ-герцогъ Францъ-Карлъ, между двумя престарѣлыми знатными особами, принадлежавшими, вѣроятно, въ началѣ столѣтія, къ прекрасному полу; je me santais très mal à mon aise (мнѣ было не по себѣ), говорили по нѣмецки, мало и весьма неинтересно—и притомъ не всегда понятнымъ для иностранца вѣнскимъ языкомъ. Взглянуть направо или налѣво было опасно, потому что взоръ мой невольно встрѣчалъ съ одной стороны жирныя и красныя,

[1]) Каммербалъ.

съ другой худощавыя желтыя и морщинистыя плечи, одинаково разукрашенныя превосходными брилліантами, моихъ старухъ сосѣдокъ, которымъ, къ довершенію неловкости моего положенія, я не былъ представленъ и потому, еслибы я и владѣлъ вѣнскимъ нарѣчіемъ, не считалъ бы себя въ правѣ заводить разговора съ милыми, но ужъ чрезъ-чуръ древними, сосѣдками. Нѣсколько дней спустя, я заѣхалъ къ какому-то банкиру, фамиліи не помню, для полученія денегъ, высланныхъ изъ Россіи. Этотъ банкиръ былъ очень любезенъ, предлагалъ ложу въ театръ, и уговаривалъ не уѣзжать, потому что скоро будетъ при дворѣ блистательный балъ. Я ему на это отвѣчалъ, что я уже былъ на балу.

— «Ah», вскочивъ со стула, сказалъ банкиръ, «Sie sind auf dem Kammerball gewesen» (А, вы были на каммербалѣ), и при этомъ отвѣсилъ мнѣ пренизкій поклонъ.

Эта выходка еще разъ доказывала мнѣ—уже прежде замѣченную мною слабость жителей Вѣны къ высшимъ сферамъ, не смотря на политическія права «Errungenschaften» 1848 года, когда такъ много было говорено о «Gleichberechtigung». Всякій житель Вѣны преклоняется передъ титуломъ; не имѣя на то права, охотно ставитъ предъ своей фамиліей «von», а если этого не дерзаетъ, то нарочно печатаетъ свои визитныя карточки по французски и тогда уже смѣло злоупотребляетъ партикулою «де». Эти послѣдствія аристократическаго Hochmuth'а прежняго времени, особенно чувствительнаго не только въ Вѣнѣ, но и въ другихъ маленькихъ государствахъ великой Германіи, по немногу сглаживаются и надо надѣяться, что въ будущемъ столѣтіи образчики неслыханныхъ преимуществъ одного сословія надъ другими будутъ передаваться отъ одного поколѣнія другому, какъ намъ теперь передаютъ историческія изслѣдованія, приводящія насъ въ содроганіе, примѣры жестокостей, порожденныхъ въ средневѣковыя времена нетерпимостью и непониманіемъ христіанскаго духа, не допускающаго отсутствія равноправія и истиннаго человѣколюбія.

Наконецъ, кажется въ началѣ февраля здоровье жены позволило намъ продолжать предпринятое путешествіе, и мы отправились на Тріестъ въ Италію; въ Тріестѣ мы застали начало итальянскаго карнавала и впервые испытали удовольствіе бросанія такъ называемыхъ «Confetti».

Въ тріестской гостинницѣ мы застали 6° тепла, вслѣдствіе чего я простудился и уже больной пріѣхалъ въ Венецію; вѣроятно, по этой причинѣ, а можетъ быть, и по случаю холодной, совсѣмъ не итальянской погоды, Венеція произвела на меня не только грустное, но даже тяжелое впечатлѣніе. Par acquit de conscience (для очистки совѣсти), я спѣшилъ осмотрѣть многочисленныя достопримѣчательности этого исключительнаго города, и, пробывъ въ немъ не болѣе недѣли, мы спѣшили его оставить, но всетаки опоздали въ Миланъ къ извѣстному «Carnavalone» [1]). Я спѣшилъ представиться принцу Александру Гессенскому, брату нашей императрицы, и былъ принятъ имъ чрезвычайно любезно, даже радушно; жена его, княгиня Баттенбергъ, бывшая гр-ня Гауке, просила меня привезти жену къ нимъ въ ложу въ тотъ же вечеръ въ «La scala». На другой день мы у нихъ обѣдали. Но все это переносило меня въ Петербургъ и Царское село, а мнѣ хотѣлось Италіи, и потому я спѣшилъ исполнить въ строгомъ смыслѣ долгъ туриста и покончить разсчеты съ сѣверомъ, перебравшись за Апенины.

Всѣ улицы Милана и окрестности этого величественнаго, но скучнаго города были покрыты мокрымъ снѣгомъ, когда мы изъ него выѣзжали въ огромной наемной каретѣ; вечеромъ въ тотъ же день прибыли въ Наварру, а оттуда, уже въ потьмахъ, по желѣзной дорогѣ переѣхали горы и, кажется, въ 11 часовъ вечера прибыли въ Геную, гдѣ мнѣ показалось жарко, а на другой день видъ моря, совершенно весеннее солнце и цвѣтущія померанцовыя деревья привели меня въ совершенный восторгъ; наконецъ, я почувствовалъ себя дѣйствительно въ Италіи, пересталъ спѣшить и съ увлеченіемъ предался новымъ и пріятнымъ впечатлѣніямъ.

---

[1]) Такъ называется въ Миланѣ первая недѣля Великаго поста, которую празднуютъ въ силу особенныхъ привиллегій, данныхъ папою, какъ въ другихъ городахъ масопустную, и потому со всѣхъ концовъ Италіи къ этому времени стекается туда многочисленная публика для забавы и развлеченія.

В. Д.

XVI.

Пребываніе въ Курскѣ. — Откупщикъ Логиновъ. — Нравы и обычаи курскихъ помѣщиковъ. — Н. Я. Стремоуховъ. — Баронъ Будбергъ. — Мнѣ предлагаютъ мѣсто курскаго губернатора.—Толки, предшествовавшіе 19-му февраля 1861 г.

1860 и 1861 гг.

Съ каждымъ годомъ число флигель-адъютантовъ увеличивалось, а значеніе ихъ соотвѣтственно падало. Командировки дѣлались рѣдкостью, дежурить приходилось одинъ разъ въ два мѣсяца, за исключеніемъ одного мѣсяца въ году, когда слишкомъ 30 человѣкъ разсылалось по Россіи для наблюденія за правильностью призыва отпускныхъ или рекрутскаго набора. Такъ, въ этомъ году, я былъ назначенъ контролировать сначала призывъ отпускныхъ въ Петербургской губерніи, а потомъ въ Курской. Жена моя проводила лѣто въ Вонляровѣ и потому я поѣхалъ къ ней и уже вмѣстѣ отправились мы въ городъ и губернію, на пользу которыхъ мнѣ суждено было впослѣдствіи безплодно посвятить лучшія мои силы, предпріимчивость, энергію, причемъ разочароваться въ людяхъ и пріобрѣсти множество враговъ только строгимъ исполненіемъ своей обязанности.

Курскъ мы застали совершенно безлюднымъ; помѣщики, въ то время еще жившіе зимой въ своихъ домахъ въ городѣ, были въ деревняхъ, на лицо были лишь должностныя лица.

Губернаторъ [1]), администраторъ стараго покроя, былъ человѣкъ смирный, малограмотный, усердно старавшійся объ одномъ, чтобы всюду царствовали «тишь да гладь и Божья благодать», а другими словами, чтобы все было шито да крыто. Не смотря на эти отрицательныя качества, Николая Петровича не любили.

Предводитель (нынѣ покойный) Николай Яковлевичъ С—ъ, мой старый знакомый (онъ началъ службу въ л.-гв. Конно-піонерномъ дивизіонѣ), съ губернаторомъ не ладилъ, а впослѣдствіи эти господа разошлись до ненависти. Николай Яковлевичъ былъ человѣкъ лукавый, малообразованный, завистливый, и что всего

---

[1]) Николай Петровичъ Бибиковъ, бывшій шесть лѣтъ губернаторомъ въ Симбирскѣ и въ то время дослуживавшій 5-й годъ въ Курскѣ.

В. Д.

хуже—въ крѣпостническихъ отношеніяхъ у своей супруги, . . . дѣдъ ея, нѣкто Логиновъ, былъ товарищемъ кутежей Григорія Александровича Потемкина, до его поступленія на службу. Во время силы или, какъ тогда выражались, случая, Потемкинъ вспомнилъ о своемъ компаньонѣ и послалъ его отыскивать въ Москву; его отыскали въ одной изъ харчевенъ пьянаго и оборваннаго, отвезли въ Петербургъ, но не посмѣли въ такомъ видѣ представить Потемкину, а потому сначала сводили въ баню, а потомъ прилично одѣли. Не смотря на то, что отъ зоркаго глаза Потемкина не могло укрыться, какъ низко упалъ бывшій товарищъ его разгульной жизни, онъ его принялъ милостиво и совѣтовалъ ему принять участіе въ винныхъ откупахъ. Получивъ отвѣтъ, что за неимѣніемъ средствъ къ жизни, а тѣмъ болѣе капиталовъ, необходимыхъ для залоговъ, это невозможно, Потемкинъ объявилъ, что это его забота, и дѣйствительно доставилъ ему собственноручное поручительство императрицы, съ которымъ Логиновъ былъ допущенъ сенатомъ къ торгамъ и получилъ откупа петербургскій и московскій, немедленно взялъ значительную сумму отступнаго за первый и отправился лично хозяйничать вторымъ въ Москву. Видно, дѣла пошли не дурно, потому что онъ оставилъ сыну нѣсколько тысячъ душъ. О всѣхъ этихъ происшествіяхъ съ бѣднымъ разночинцемъ Логиновымъ мнѣ передавалъ гораздо обстоятельнѣе и подробнѣе очень интересный и умный старикъ, игравшій въ свое время немаловажную роль въ Курскѣ—Викентій Семеновичъ Студзинскій. Я нарочно указываю на источникъ этихъ свѣдѣній, потому что нѣкоторыя изъ нихъ не согласуются съ тѣмъ, что намъ по сіе время извѣстно о молодости князя Таврическаго.

Къ сожалѣнію, не подозрѣвая, что мнѣ придется въ скоромъ времени управлять Курскою губерніею, я не старался заводить знакомства и поближе узнать мѣстныхъ условій жизни. Все, что до меня доходило о нравахъ, обычаяхъ помѣщиковъ, чиновничества и даже мѣстнаго духовенства, возбуждало отвращеніе, даже ужасъ. У Николая Петровича Бибикова былъ каммердинеръ, извѣстный цѣлой губерніи какъ человѣкъ нужный и вліятельный, чрезъ котораго можно было обдѣлывать дѣлишки. Бывшій до N. N. губернскимъ предводителемъ Н. Я. С*, обѣдая у губернатора, не уѣзжалъ домой, когда Бибиковъ послѣ админи-

страторскихъ трудовъ отходилъ ко сну, а ходилъ (къ сожалѣнію, я забылъ имя и отчество пресловутаго каммердинера) къ случайному человѣку, и тамъ закуривалъ сигару и, препровождая время въ пріятной и полезной бесѣдѣ, терпѣливо выжидалъ минуты пробужденія начальника губерніи, для составленія партіи е. пр-ва. Вредное вліяніе этого каммердинера дошло, въ концѣ 1860 г., до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ и губернатору было приказано съ нимъ разстаться. Право, невольно беретъ недоумѣніе, чему во всемъ этомъ наиболѣе нужно удивляться!

Николай Алексѣевичъ С* былъ типъ мѣстнаго курскаго дворянина, хитрый по натурѣ, ловкій, уклончивый и совершенно необразованный. Къ сожалѣнію, у меня не сохранилось пространныхъ его замѣчаній на проектъ, такъ называвшійся въ то время, «улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ». Этими замѣчаніями крѣпостникъ-помѣщикъ преиначно высказывалъ неодолимое отвращеніе къ проектированной законодательной реформѣ и старался застращать правительство нелѣпѣйшими послѣдствіями, которыя ему представляли воображеніе, возбужденное малодушіемъ и весьма неспокойною совѣстью. Послѣ указа 19-го февраля 1861 года, Николай Алексѣевичъ пріѣзжалъ только разъ, и то не надолго, въ свое имѣніе «Фатежъ», Льговскаго уѣзда, а затѣмъ жилъ и умеръ нѣсколько лѣтъ спустя въ С.-Петербургѣ. Онъ былъ слишкомъ старъ, чтобы освоиться съ новыми ненавистными порядками, заставлявшими признавать человѣческія права людей, находившихся еще такъ недавно въ безконтрольномъ распоряженіи каприза, прихоти, а часто и непостижимой жестокости помѣщика.

Возвращаюсь къ семейству С*, чтобы дать понятіе о нравахъ четверть вѣка тому назадъ бывшихъ въ Курской губерніи. Жена Николая Алексѣевича, рожденная Д*, считалась доброю и почтенною женщиной, но ея покровительствомъ пользовался Николай Гавриловичъ Д*, отличный исправникъ Льговскаго уѣзда. Я говорю «отличный» потому, что онъ былъ настолько уменъ, чтобы чутьемъ узнавать характеръ, взглядъ, требованія и направленія каждаго губернатора. Притомъ онъ былъ дѣльцомъ и настолько дѣятельнымъ, что успѣвалъ лучше другихъ управлять большимъ уѣздомъ, и притомъ завѣдывать имѣніями и дѣлами многихъ помѣщиковъ.

У четы С*** было два сына и одна дочь. Старшій изъ сыновей, Петръ Николаевичъ, воспитанный, какъ и младшій, Николай, въ императорскомъ лицеѣ, былъ не глупъ; не смотря на это, ему въ началѣ не везло; поступивъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ много лѣтъ прозябалъ въ Рагузѣ консуломъ, и потому за нимъ въ Курскѣ долгое время сохранялось прозвище принца Рагузскаго. Впослѣдствіи ему была поручена въ Крыму канцелярія пришельцевъ изъ разныхъ губерній, тутъ онъ испыталъ крупную неудачу... Канцелярія эта не состоялась, не смотря на заботливость и предусмотрительность начальства. Новые колонисты какъ-то не во время прибыли въ Крымъ въ позднее время года, не было заготовлено ни матеріала для построекъ, ни продовольствія, большая часть перемерла, остальные разбѣжались.

Впослѣдствіи я уже засталъ Н. П. С* вице-директоромъ азіятскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ[1]). . .

Возвращаясь къ дѣятельности своей того времени по призыву отпускныхъ нижнихъ чиновъ, не могу не упомянуть о подполковникѣ, командирѣ курскаго гарнизоннаго батальона, бар. Б***, шуринѣ генерала Л*, начальника всей внутренней кражи, какъ тогда говорили, и стражи оффиціально. Впослѣдствіи мнѣ придется говорить подробно о существовавшихъ въ то время безпорядкахъ и ужасахъ этой фиктивной внутренней стражи. Теперь мнѣ приходится сказать только, что я ежедневно по утрамъ нѣсколько часовъ проводилъ въ казармахъ и тогда уже получилъ убѣжденіе, что этотъ бар. Б*, женатый на курской дворянкѣ М*, былъ скорѣе похожъ на нѣмецкаго лабазника, чѣмъ на командира русскаго батальона; что онъ, пользуясь протекціею корпуснаго командира, дозволялъ себѣ всевозможныя злоупотребленія и довелъ батальонъ ему ввѣренный до отвратительнаго состоянія и до такаго упадка дисциплины, что нижніе чины гораздо болѣе были похожы на бродягъ, чѣмъ на солдатъ. Къ счастью, я въ то время не имѣлъ порученія входить въ подробности хозяйственнаго и фронтоваго состоянія батальона и старался только по возможности скоро окончить призывъ, въ чемъ и успѣлъ съ помощью губернатора и исправниковъ.

---

[1]) Всѣ упоминаемыя здѣсь лица—покойныя.

Въ это мое пребываніе въ Курскѣ я часто видѣлся съ Николаемъ Яковлевичемъ С., мѣстнымъ щигровскимъ помѣщикомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства. Если я возвращаюсь къ этой личности, то это потому, что я впослѣдствіи подозрѣвалъ его въ участіи не только отставки Бибикова, но и моего назначенія губернаторомъ. Должно быть я ему показался простачкомъ удоборуководимымъ и, вѣроятно, онъ указывалъ на меня графу Петру Андреевичу Шувалову, въ то время состоявшему директоромъ департамента общихъ дѣлъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Возвратившись въ Петербургъ, я, какъ обыкновенно, поѣхалъ представляться государю въ Царское село; пришлось долго ожидать пріема вмѣстѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Сергѣемъ Степановичемъ Ланскимъ, который много распрашивалъ меня о Курскѣ и его дѣятеляхъ; я очень хорошо помню, что я сильно защищалъ Бибикова, говоря, что противъ него интригуютъ многіе, но что онъ человѣкъ спокойный и хотя и придерживается общихъ основаній тогдашней губернаторской службы, т. е. не гнушается откупнымъ содержаніемъ и не отличается геніальностью, но все-таки не похожъ на портреты, представляемые министру доброжелателями, которые, еслибы были назначены на его мѣсто, дѣлали бы то же самое, но, вѣроятно, въ бо́льшихъ размѣрахъ.

Я этому разговору не придавалъ никакого значенія, и вспомнилъ о немъ гораздо позже, а именно уже зимой, когда однажды заѣхалъ къ П. А. Шувалову; онъ меня встрѣтилъ словами: «какъ я радъ, что ты заѣхалъ, я только что приказалъ закладывать сани, чтобы ѣхать къ тебѣ по порученію Ланскаго. Министръ тебѣ предлагаетъ должность курскаго губернатора и поручилъ мнѣ тебѣ сказать, что онъ очень желаетъ, чтобы ты принялъ это назначеніе и немедленно далъ утвердительный отвѣтъ».

Я былъ совершенно озадаченъ; никогда я не думалъ оставлять военную службу и не готовился къ такой роли въ администраціи и конечно отвѣчалъ, что подумаю и дамъ отвѣтъ. На вопросъ: что же съ Бибиковымъ? Шуваловъ показалъ мнѣ предлинное и совершенно безграмотное письмо, которымъ Николай Петровичъ просилъ министра исходатайствовать ему увольненіе отъ службы и о назначеніи пенсіи. Я вообще не любилъ совѣты-

ваться, но предложеніе, мнѣ сдѣланное, было до того неожиданно, что я счелъ долгомъ серьезно переговорить объ этомъ съ нѣкоторыми лицами, мнѣніемъ которыхъ дорожилъ; всѣ совѣтовали принять новое назначеніе [1]), кажется, не вдаваясь въ подробности значенія и важности губернаторской должности, въ то время, когда Положеніе, впослѣдствіи извѣстное подъ названіемъ 19-го февраля 1861 года о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, уже было высочайше одобрено и когда съ часу на часъ ожидали манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Долго я колебался и не давалъ отвѣта, но мнѣ кажется, что конфиденціальныя сообщенія Герстенцвейга были главною побудительною причиной, наконецъ, выраженнаго мною согласія. Я очень хорошо понималъ, что мнѣ будетъ еще труднѣе отказываться отъ должности директора провіантскаго департамента военнаго министерства, а должность эта казалось мнѣ гораздо труднѣе и неблагодарнѣе—губернаторской.

Черезъ три дня послѣ посѣщенія мной С. С. Ланскаго для изъявленія ему согласія принять предложенную мнѣ должность, высочайшимъ приказомъ 19-го января 1861 года я былъ назначенъ курскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ и гражданскою частью.

На другой же день я представлялся государю, по случаю новаго назначенія, и былъ удивленъ тѣмъ, что государь въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ меня за принятіе мною должности губернатора.

Въ то время въ одномъ домѣ со мной жилъ сенаторъ, бывшій въ трехъ губерніяхъ гражданскимъ губернаторомъ (а именно въ Калужской, Черниговской и наконецъ Петербургской), Н. М. С., старый мнѣ знакомый по клубу. Онъ мнѣ предложилъ свои услуги, чтобы меня снабдить практическими указаніями чего избѣгать, на что настаивать, зачѣмъ особенно слѣдить, кому дѣлать визиты, кому послать карточки и т. п. Я только слушалъ и просилъ позволенія записать особенно важныя указанія. Эту записку я держалъ у себя въ Курскѣ на пись-

---

[1]) Кромѣ покойнаго А. Д. Герстенцвейга, который давалъ понять, что меня имѣютъ въ виду для одного изъ хозяйственныхъ департаментовъ военнаго министерства. В. Д.

менномъ столѣ и всякій разъ, какъ моя собственная практика указывала на полнѣйшую несостоятельность мнѣній Николая Михайловича, я, противъ отмѣтки, сдѣланной въ Петербургѣ со словъ Н. М., писалъ: «—ъ»; когда я приводилъ въ порядокъ бумаги предъ отъѣздомъ изъ Курска, въ концѣ 1863 года, эта бумага попалась мнѣ на глаза; на ней противъ 26 пунктовъ сочиненія Н. М. было 23 раза написано: «—ъ».

Любопытное это было время—когда всѣ знали, что государь остается непоколебимымъ и твердо рѣшился во чтобы ни стало, исполнить послѣднюю волю своего отца, и осуществить реформу, которой желали императоры Александръ I и Николай, но не могли или не успѣли привести въ исполненіе.

Здѣсь я могу привести записанныя мною слова императрицы Александры Ѳедоровны, сказанныя мнѣ въ августѣ или сентябрѣ 1860 года, когда я къ ней являлся послѣ производства въ генералъ-майоры. Надо сказать, что вдовствовавшая государыня Александра Ѳедоровна принадлежала къ числу невѣрующихъ въ возможность упраздненія крѣпостной зависимости крестьянъ.

— «Si feu mon mari, qui a toujours si ardemment desiré la libération des paysans, n'est pas parvenu a réaliser ses desirs,— comment cela pourrait-il réussir à mon fils?» (Если покойному мужу моему, такъ горячо желавшему освобожденія крестьянъ, не удалось осуществить своего желанія,—какимъ-же образомъ можетъ это удасться моему сыну?).

Большинство русской публики не раздѣляло этого мнѣнія императрицы; всѣ знали, что реформа неминуема; крѣпостники были взбѣшены, тѣмъ болѣе, что самое обыкновенное приличіе не позволяло явно выказывать неудовольствіе; но въ тѣсныхъ кружкахъ между собой они не стѣснялись и съ запальчивостью, даже въ непринятыхъ выраженіяхъ, относились къ дѣйствіямъ правительства, къ намѣреніямъ и высказанной волѣ государя.

Значительные помѣщики высшаго круга, лучше воспитанные, не управлявшіе никогда сами своими вотчинами и даже мало вникавшіе въ настоящую суть вопроса, считали долгомъ (конечно, нѣкоторые кричать противъ нарушенія права собственности и не признавали ни справедливости, ни возможности «земельнаго надѣла».

Нѣкоторые шли далѣе и доказывали, что если государь хочетъ освободить крестьянъ на счетъ дворянъ, то справедливость требуетъ, чтобы и дворянамъ были гарантированы особенныя права конституціею, парламентомъ, т. е. народнымъ представительствомъ съ палатою господъ. Составленныя нѣкоторыми изъ помѣщиковъ beau-mond'a записки въ этомъ духѣ секретно передавались изъ рукъ въ руки, причемъ можно было наслушаться невѣроятныхъ, въ высшей степени не практичныхъ и не своевременныхъ требованій и сужденій.

За два дня до опубликованія достопамятнаго манифеста 19-го февраля 1861 года, меня о томъ предупредилъ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ.

XVII.

Дѣятели 1840—1850 годовъ.

Списокъ флигель-адъютантовъ. — Характеристика разныхъ лицъ: Кн. М. Д. Горчаковъ.—Гр. Морни.—А. Л. Потаповъ и друг.—Двѣ эпохи въ царствованіе императора Александра II.

Списокъ флигель-адъютантовъ въ послѣдній годъ царствованія императора Николая Павловича.

Въ послѣдній годъ царствованія государя Николая Павловича былъ нижеслѣдующій списокъ флигель-адъютантовъ (привожу этотъ перечень съ особенными отмѣтками):

1. Гр. Николай Трофимовичъ Барановъ.

2. Гр. Ѳ. Д. Алопеусъ, командовалъ Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ.

3. Кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, командовалъ дивизіономъ въ Кавалергардскомъ полку.

4. Кн. М. Д. Волконскій, командовалъ Муромскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

5. С. Е. Кушелевъ, командовалъ гренадерскимъ Барклая де-Толли полкомъ.

6. Н. Н. Анненковъ, вице-директоръ инспекторскаго департамента военнаго министерства.

7. Бар. Э. Н. Мирбахъ (1).

8. Кн. В. Д. Голицинъ въ л.-гв. Уланскомъ полку, командовалъ дивизіономъ.

9. А. Д. Герстенцвейгъ (2).

10. Гр. Ѳ. А. Гейденъ, начальникъ штаба 1 пѣх. корп.

11. Гр. Валеріанъ Егор. Канкринъ, командовалъ Кинбурнскимъ драгунскимъ полкомъ.

12. Кн. Ѳедоръ Ив. Паскевичъ (3).

13. Кн. В. Ил. Васильчиковъ, въ Валахіи при кн. М. Д. Горчаковѣ.

14. М. Л. Дубельтъ, командовалъ Бѣлорусскимъ гусарскимъ полкомъ.

15. А. Е. Тимашевъ, начальн. штаба драгунскаго корпуса.

16. А. П. Ахматовъ (4).

17. Гр. Г. К. Крейцъ (5).

18. Кн. Гр. Гр. Гагаринъ, въ отсутствіи по рисованію въ Грузіи.

19. Кн. П. Р. Багратіонъ (6).

20. Бар. Л. П. Николаи, командовалъ полкомъ на Кавказѣ.

21. Н. Д. Чебышевъ (7), въ гренадерскомъ полку, юбилейный.

22. Гр. Н. А. Орловъ при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, на Дунаѣ.

23. Бар. Тетенборнъ (8).

24. Кн. А. В. Оболенскій.

25. Н. Г. Сколковъ, въ Крыму, при кн. Меншиковѣ.

26. Д. И. Скобелевъ, на Кавказѣ.

27. Кн. Эмиль Витгенштейнъ (9).

28. Н. А. Аркасъ, флотскій (10).

29. Бреверн, сошелъ съума сейчасъ по назначеніи.

30. Кн. М. П. Голицынъ (11).

31. Н. С. Унковскій (12).

32. Кн. М. Б. Лобановъ (13), на Кавказѣ.

33. Н. П. Фредериксъ флотскій (14); на его дежурствѣ скончался государь Николай Павловичъ.

34. Б. А. Перовскій (15); не помню, чтобы кромѣ рекрутскихъ наборовъ получалъ порученія.

35. А. Н. Стюрлеръ (16).

36. Д. К. Гербель (17).

37. А. М. Дренякинъ, юбилейный, въ л.-гв. Измайловскомъ полку.

38. В. И. Денъ (18).
39. Кн. А. Н. Крапоткинъ, въ Кирасирскомъ е. в. полку.
40. П. П. Альбединскій (19).
41. Кн. Д. А. Лобановъ (20).
42. А. П. Веймарнъ (21), при главной квартирѣ.
43. Гр. А. С. Строгановъ (22), только за рекрутами.
44. Гр. А. П. Шуваловъ (23).
45. П. А. Воейковъ, при кн. Паскевичѣ.
46. Гр. Ник. Васильев. Левашевъ (24).
47. Гр. Н. Чертковъ (25).
48. А. А. Чернышевъ.

Собственно въ прямой зависимости и распоряженіи государя Николая Павловича было—25.

За исключеніемъ флотскихъ—21.

А такихъ, которые получали порученія, кромѣ дежурства и набора, только—10.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ. Въ послѣднее время, т. е. въ концѣ 1880-го года, Записки Н. В. Берга, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ», заставили много говорить и спорить о князѣ Михаилѣ Дмитріевичѣ Горчаковѣ.

Эту благородную личность я зналъ со времени моего дѣтства и поневолѣ припоминаю нѣкоторыя его выходки и фразы, (впрочемъ, неудачныя).

Разъ у него на балѣ онъ опрометью подбѣжалъ къ г-жѣ \В—й, рожденной княжнѣ В—й:

— «Vous avez failli me donner une indigestion, car j'ai voulu avaler ma fille pour les confusions, qu'elle a faites avec les invitations; ou a tardé à vous en envoyer une . . . . .». (Вы чуть не причинили мнѣ разстройства, такъ какъ я готовъ былъ съѣсть дочь за путаницу, которую она надѣлала съ приглашеніями; вамъ опоздали послать приглашеніе).

Этотъ вечеръ въ особенности сохранился въ моей памяти, потому что бѣдной В. въ этотъ день не везло и ей пришлось услышать не одну вышеприведенную любезность кн. Михаила Дмитріевича. . . . . .

Графъ Морни. Графъ Морни, какъ извѣстно, сынъ Гортензіи Бонапарте и графа Флаго, былъ во время коронованія пред-

ставителемъ еще наканунѣ враждебной намъ Франціи; его усиліямъ и домогательствамъ Россія была обязана тѣмъ, что ей навязана, и говорятъ секретною конвенціею, заключенною въ одно время съ миромъ, предписано принять съ благодарностью французскую компанію концессіонеровъ на сооруженіе цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, подъ названіемъ: «La grande société des chemins de fers russes» (Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ), на условіяхъ, которыя въ настоящее время не только были бы отвергнуты, но и, конечно, возбудили бы негодованіе. Правами, дарованными этому soi-disant главному обществу желѣзныхъ дорогъ, другъ мой Александръ Лярскій лишался возможности получить концессію на сооруженіе Нижегородско-московской желѣзной дороги,—концессію, которая ему была обѣщана, а затраты и труды его по изысканіямъ по двумъ направленіямъ сдѣлались безполезными. Впослѣдствіи онъ получилъ отъ французовъ ничтожное вознагражденіе за сдѣланныя имъ изысканія, но мечта и надежды многихъ лѣтъ—сооруженія самой выгодной, необходимѣйшей для внутренней торговли дороги—все это безвозвратно погибло.

А. Л. Потаповъ. Однажды, когда я представлялся императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, кажется по случаю производства въ генералъ-маіоры,—ея величество обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:—«правда-ли, что Потаповъ назначается оберъ-полиціймейстеромъ въ С.-Петербургѣ?»

Я отвѣчалъ, что онъ предназначается на подобную должность въ Москву; Александра Ѳедоровна (шутя) продолжала:—«C'est incroyable, je ne me ferai jamais à l'idée que le petit Potapoff pût être grand-maître de police! Si j'étais un soldat ou un paysan, jamais je n'aurais eu peur du petit Potapoff». (Это невѣроятно, я никогда не освоюсь съ мыслію, что маленькій Потаповъ можетъ быть оберъ-полиціймейстеромъ! Если бы я была солдатъ или крестьянинъ, я никогда не боялась бы маленькаго Потапова).

Необыкновенно малый ростъ Александра Львовича Потапова уже прежде неоднократно давалъ поводъ къ шуткамъ и анекдотамъ; такъ, въ 1850 г., когда онъ еще былъ ротмистромъ и адъютантомъ при фельдмаршалѣ кн. И. Ѳ. Паскевичѣ, разсказывали въ Варшавѣ, что на смотру собранныхъ войскъ подъ Варшавою въ присутствіи государя Николая Павловича, а также императора

австрійскаго и короля прусскаго, Потаповъ, будучи дежурнымъ, стоялъ ближе всѣхъ прочихъ лицъ свиты къ высочайшимъ особамъ, и что при этомъ подслушали разговоръ двухъ поляковъ, изъ которыхъ одинъ указывалъ другому, вѣроятно провинціалу, и называлъ государя иего державныхъ гостей.

— «Widzisz, говорилъ онъ, to Naijasniejszy Pan, to cesarz Austryaski, to król Pruski, a to dziesko, указывая на Потапова, to Następca tronu».

Въ своемъ нарѣчіи поляки, произнося въ нѣкоторыхъ случаяхъ «о» какъ «у», называли Потапова всегда Потапуфъ, что также смѣшило публику, и не мало раздражало маленькаго Потапова, въ которомъ таилось огромное самолюбіе и гигантское честолюбіе.

. . . . . .

Нельзя мнѣ не поговорить о гр. Алексѣѣ Ѳедоровичѣ Орловѣ, котораго покойный государь Николай Павловичъ часто называлъ: «братъ Алексѣй», и котораго такъ ошибочно (?) вся Россія считала другомъ (самымъ преданнымъ) государя. Объ Орловѣ, его богатствѣ, о томъ, какъ ему были даны 800,000 для покупки дома, какъ онъ купилъ таковой у Пашкова, на Литейной, какъ онъ никогда въ немъ не жилъ, а отдавалъ въ наймы, и, наконецъ, какъ онъ продалъ этотъ домъ въ Удѣльное вѣдомство. . . . . .

Двѣ эпохи: 19-ое февраля 1861 года и отмѣна тѣлесныхъ наказаній по приговору суда 17-го апрѣля 1863 г.

Я никогда не забуду, что я обязанъ государю Александру Николаевичу двумя самыми счастливыми эпохами своей службы.

Послѣ назначенія моего курскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ и гражданскою частью, былъ объявленъ манифестъ, упразднявшій крѣпостное право.

Въ Курскъ я прибылъ въ тотъ самый день, когда въ соборѣ былъ прочитанъ этотъ манифестъ; народъ еще не отдавалъ себѣ отчета въ своемъ счастьи; манифестъ ссылался на Положеніе, ему неизвѣстное, но мнѣ было легко на душѣ: я хорошо понималъ, что при крѣпостномъ правѣ, зорко слѣдя за помѣщиками, я бы вынужденъ былъ преслѣдовать бо́льшую часть изъ нихъ за злоупотребленія помѣщичьей власти. Злоупотребленія, сдѣлавшіяся нормальными по бездѣйствію губернскаго начальства, никого не поражали, и даже рѣдко вызывали протесты и жалобы,

а народъ съ непостижимымъ терпѣніемъ переносилъ всевозможныя притѣсненія, несправедливости, мученія, истязанія.

Вотчинное право, упорно отстаивавшееся многими крупными землевладѣльцами, кануло въ вѣчность; впрочемъ, я не могу не сказать въ оправданіе его защитниковъ, что это были люди богатые, никогда близко и пристально не всматривавшіеся въ труженическую жизнь крѣпостнаго люда и въ нескончаемыхъ спорахъ объ этомъ предметѣ, безпрестанно возбуждавшихся во время дѣятельности крестьянской, такъ называемой Редакціонной, комиссіи, съ дѣтскою (?) наивностью приводили въ пользу вотчиннаго права исключительные примѣры трогательныхъ патріархальныхъ помѣщиковъ съ принадлежавшими имъ крестьянами. Въ этихъ отчаянныхъ усиліяхъ оправдывать вотчинное право и даже доказывать его пользу проглядывали затаенныя надежды установленія въ Россіи англійскихъ порядковъ съ палатою лордовъ и т. д., но объ этомъ мнѣ еще придется говорить много и пространно.

Другой моментъ былъ тотъ, когда я получилъ по телеграфу увѣдомленіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ, что 30-го августа (это ошибка: 17-го апрѣля 1863 г.) государь окончательно приказалъ отмѣнить тѣлесныя наказанія по приговору суда. Какъ теперь помню, что у меня брызнули изъ глазъ слезы радости и что я отъ всей души поблагодарилъ Бога за то, что сподобилъ меня быть исполнителемъ такого высочайшаго повелѣнія. Я, тогда же, немедленно отправилъ гонцовъ во всѣ уѣзды, чтобы остановить исполненіе уже состоявшихся на прежнемъ основаніи судебныхъ приговоровъ. Я не помню, въ теченіе всей моей тридцатилѣтней службы, болѣе радостнаго дня, и если я и прежде искренно любилъ государя, то, конечно, съ этого времени сдѣлался преданнѣйшимъ и нѣжно любящимъ вѣрноподданнымъ.

Графъ П. А. Валуевъ. Зимой этого года я уже вторично пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ по дѣламъ службы; кромѣ меня находилось въ столицѣ десять губернаторовъ, включая въ это число и мѣстнаго графа А. А. Бобринскаго. Не помню, котораго числа я получилъ приглашеніе пріѣхать къ министру внутреннихъ дѣлъ въ 8 часовъ вечера.

Войдя въ кабинетъ Петра Александровича, я тамъ уже засталъ многочисленную компанію, а именно: товарища министра внутр. дѣлъ Тройницкаго, Якова Александровича Соловьева, въ то время предсѣдателя Земскаго отдѣла, с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера И. В. Анненкова и губернаторовъ: тверскаго—кн. Багратіона, орловскаго—гр. Н. В. Левашева, тамбовскаго—К. К. Данзаса, пензенскаго—Александровскаго; всѣхъ не припомню. Насъ усадили кругомъ большаго овальнаго стола, такъ что въ срединѣ другъ противъ друга сидѣли министръ и его товарищъ; по правую сторону министра Я. А. Соловьевъ, потомъ Анненковъ, Бобринскій и такъ далѣе, мнѣ же пришлось сидѣть налѣво отъ министра, что оказалось очень удобнымъ, потому что я подавалъ мнѣніе свое послѣднимъ.

Съ большою важностью закрывъ глаза, П. А. Валуевъ обратился къ намъ приблизительно [1]) съ слѣдующими словами:

— «Гг., я собралъ васъ сегодня, всѣхъ наличныхъ въ Петербургѣ губернаторовъ, чтобы обсудить съ вами два важныхъ вопроса и получить о нихъ ваши мнѣнія. Въ виду успѣшнаго введенія Положеній 19-го февраля 1861 года, и въ особенности того усерднаго содѣйствія, которое выказало повсемѣстно русское благородное дворянство правительству въ этомъ столь важномъ дѣлѣ, не было-ли бы желательнымъ и полезнымъ, чтобы государь императоръ выразилъ свое удовольствіе и признательность дворянству особымъ высочайшимъ манифестомъ?»

Послѣ непродолжительной паузы всѣ заговорили вдругъ, одобряя эту прекрасную мысль, но этимъ П. А. Валуевъ не удовольствовался и сталъ обращаться къ каждому лицу отдѣльно.

Первый подалъ одобрительное мнѣніе генералъ Анненковъ, за нимъ NN... то же самое, только измѣняя выраженія, и другіе; когда очередь дошла до меня, я —

[высказалъ неодобреніе помянутой мысли, причемъ изложилъ и свои къ тому мотивы]. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

---

[1]) Я говорю приблизительно, потому что хотя я на другой день и записалъ «пространной рѣчи краткій смыслъ», но за форму не ручаюсь.

В. Д.

. . . . . .

. . . . . .

Не могу сказать, чтобы мои слова были приняты сочувственно аудиторіею.

Второй предложенный вопросъ заключался въ томъ, что въ виду приближающагося срока окончательнаго избавленія отъ зависимости дворовыхъ, не признаемъ-ли мы полезнымъ принять предусмотрительныя и предупредительныя мѣры «противъ могущихъ возникнуть (textuel) безпорядковъ»?

Этотъ вопросъ былъ принятъ съ большимъ оживленіемъ и гг. губернаторы предлагали наперерывъ разныя предусмотрительныя и предупредительныя мѣры, а г. тамбовскій губернаторъ началъ даже горячиться, вѣроятно отъ избытка энергіи.

Когда немного поутихли и спросили меня, я отвѣчалъ:

— «Мнѣ не извѣстны обстоятельства другихъ губерній, а что касается Курской губерніи, то я ручаюсь, что примѣненіе человѣколюбиваго благодѣтельнаго закона никогда не возбудитъ ни малѣйшаго замѣшательства и тѣмъ паче безпорядковъ».

Вскорѣ затѣмъ начали разъѣзжаться. Прощаясь съ гг. администраторами, П. А. Валуевъ объявилъ, что *о всѣхъ* мнѣніяхъ имъ будетъ доложено государю императору.

Я нарочно не уѣзжалъ, и когда мы остались втроемъ съ Я. А. Соловьевымъ, я сказалъ министру:

— «Хотя я остался въ меньшинствѣ, или одинъ съ своимъ мнѣніемъ, позвольте надѣяться, что вы и о немъ доложите государю».

На это Валуевъ отвѣчалъ съ непривычною ему живостью:

— Непремѣнно, тѣмъ болѣе, что я раздѣляю ваши мнѣнія.

«Такъ скажите, пожалуйста, спросилъ я, для чего же вы насъ собирали?»

— Ils auraient pût me convaincre (они могли бы убѣдить меня), отвѣчалъ величественно П. А. Валуевъ.

Никакого манифеста не было, ни одинъ дворовый не лишилъ себя жизни за то, что ихъ лишили господъ—«отцовъ родныхъ»...

Симбирскъ и Семенъ Романовичъ Ждановъ (1863 г.). Перехожу къ описанію моей командировки въ Симбирскъ для предсѣдательствованія въ высочайше установленной комиссіи смѣша-

наго суда, которому предстояло разъяснить въ чемъ именно могли обвиняться одиннадцать человѣкъ, четыре года содержавшихся подъ стражею, заподозрѣнныхъ и обвиненныхъ въ поджогахъ Ждановымъ, въ бумагахъ котораго, послѣ его смерти, не было найдено ни уважительныхъ причинъ къ арестованію разныхъ лицъ, еще томившихся въ заключеніи, ни уликъ, подкрѣплявшихъ предположенія Жданова въ ихъ виновности.

Послѣ первыхъ засѣданій комиссіи, я получилъ убѣжденіе, что Ждановъ, прибывшій въ Симбирскъ слишкомъ поздно, чтобы имѣть возможность захватить поджигателей, въ существованіи которыхъ никто и по сіе время (1872 г.) въ Симбирскѣ не сомнѣвается, и справедливо, тщетно дѣлая розыски въ теченіи двухъ лѣтъ, наконецъ рѣшилъ, для удовлетворенія своего самолюбія и для сдержанія легкомысленно даннаго слова жителямъ Симбирска—не покинуть развалинъ несчастнаго города, не обнаруживъ преступниковъ, создать таковыхъ посредствомъ наговоровъ, мнимыхъ обличеній и другихъ мнимо хитрыхъ дѣйствій частнаго пристава Розова и чиновниковъ М—ва и Постельникова.

Тутъ рождается вопросъ: можно ли повѣрить, что Ждановъ—высочайше облеченный огромною властію въ предѣлахъ восьми губерній—могъ рѣшиться изъ самолюбія и пустаго тщеславія на поступки, долженствовавшіе имѣть результатомъ обвиненіе одиннадцати невинныхъ жертвъ въ одномъ изъ ужаснѣйшихъ преступленій?

Прежде чѣмъ рѣшиться на отвѣтъ положительный или отрицательный, мнѣ кажется необходимымъ узнать подробно личность Жданова; по моему мнѣнію, ни чинъ, ни званіе покойнаго не даютъ никому права на слѣпое довѣріе, надо прослѣдить жизнь человѣка, всѣ подробности его служебной дѣятельности, чтобы дозволить себѣ сдѣлать заключеніе о его нравственныхъ качествахъ.

Къ несчастію, Ждановъ умеръ [1]), многіе убѣждены, что онъ умеръ вслѣдствіе отравы, потому что слѣдствіе, которое онъ производилъ въ Приволжскомъ краѣ, сдѣлало его обладателемъ какихъ-то важныхъ тайнъ, раскрытіе которыхъ грозило опасностью какимъ-то высокопоставленнымъ въ Петербургѣ лицамъ.

Все это слишкомъ нелѣпо, чтобы заслуживать довѣрія.

---

[1]) С. Р. Ждановъ внезапно скончался въ 1864 г., въ Нижнемъ-Новгородѣ, на возвратномъ пути въ Петербургъ.

Ред.

По моему мнѣнію, никто не былъ заинтересованъ въ жизни или смерти Жданова, который употребилъ во зло (?) высочайшее довѣріе и никогда на таковое по своему характеру и присвоеннымъ имъ пріемамъ на служебномъ поприщѣ не имѣлъ право. Заинтересовавшись личностью Жданова, я не могъ не вспомнить всего, что о немъ въ разное время слышалъ, и спѣшу сказать, что всѣ свѣдѣнія, въ разное время, нарочно или случайно, о немъ мною собранныя, подтвердили тѣ предположенія, которыя я дѣлалъ неохотно, съ опасеніемъ раздѣлить съ Ждановымъ отвѣтственность за неосновательное, хотя бы съ моей стороны неумышленное, обвиненіе невиннаго.

Въ то время, когда гр. Петръ Андреевичъ Шуваловъ былъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ мнѣ разсказалъ подробно обстоятельства, которымъ г. Ждановъ былъ обязанъ своимъ неожиданнымъ возвышеніемъ по службѣ, т. е. на общеразговорномъ языкѣ — карьерою.

Родомъ изъ цыганъ Бессарабской области, благодаря какимъ-то случайно благопріятнымъ обстоятельствамъ, Ждановъ получилъ нѣкоторое образованіе въ уѣздномъ училищѣ, а послѣ опредѣленія на государственную службу, неизвѣстно благодаря какимъ обстоятельствамъ, былъ назначенъ писцомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ департаментъ полиціи исполнительной, въ департаментъ, котораго впослѣдствіи ему суждено было сдѣлаться директоромъ. Будучи еще писцомъ, онъ уже успѣлъ обратить на себя вниманіе своего начальника отдѣленія ловкостью, съ которою онъ обращался съ дѣлами для угожденія начальству.

Въ 1836-мъ году, особенный, совершенно неожиданный, случай былъ причиной возвышенія Семена Романовича Жданова и цѣлаго ряда отличій, которыми тогдашнее начальство считало своимъ долгомъ вознаградить молодаго и до того неизвѣстнаго Жданова, за оказанную имъ этому начальству увѣнчавшуюся успѣхомъ услугу. Въ 1836-мъ году покойный государь Николай Павловичъ впервые посѣтилъ министерство внутреннихъ дѣлъ. Пріѣздъ этотъ произвелъ потрясающее ощущеніе на всѣхъ чиновъ министерства, не исключая самого министра, котораго не было на лицо, но который извѣстился во-время о посѣщеніи и успѣлъ явиться до отъѣзда государя. Директоры

департаментовъ: Жмакинъ, полиціи исполнительной, и Лексъ [1]), общихъ дѣлъ, встрѣтили и сопровождали государя при обходѣ имъ огромныхъ залъ, наполненныхъ чиновнымъ людомъ. При крутомъ поворотѣ изъ одной залы въ другую, на государя наскочилъ какой-то торопившійся чиновникъ, оказавшійся одѣтымъ не по формѣ, а именно въ какихъ-то свѣтлыхъ панталонахъ, при форменномъ вицъ-мундирѣ. Государь это замѣтилъ, но удовлетворился объясненіемъ находчиваго Лекса, объяснившаго, съ полнымъ презрѣніемъ къ истинѣ, что это—чиновникъ, наканунѣ поступившій въ департаментъ на испытаніе, не смотря на то, что это былъ старый столоначальникъ, прослужившій въ министерствѣ болѣе 20-ти лѣтъ, что было очень хорошо извѣстно господину Лексу.

Когда государь обходилъ палаты, подвѣдомственныя г. Жмакину, онъ вдругъ обратился къ директору съ вопросомъ:

— «А какое у васъ здѣсь—наистаршее по производству дѣло?»

Жмакинъ, хотя и сильно озадаченный, имѣлъ возможность сказать правду, такъ какъ случайно наканунѣ просмотрѣлъ списки, а потому доложилъ государю правдиво и безъ затрудненія, что старшее дѣло, неоконченное производствомъ, относится къ 1802 году.

Получивъ этотъ отвѣтъ, случайно правдивый, государь приказалъ, чтобы это дѣло немедленно было разсмотрѣно, рѣшено и къ семи часамъ вечера доставлено ему, государю, въ собственныя руки, въ Зимній дворецъ, послѣ чего простился съ министромъ Д. Н. Блудовымъ и уѣхалъ.

Затѣмъ наступили тяжелыя минуты раздумья для г. министра и для гг. директоровъ.

Ждановъ, котораго я распрашивалъ при удобномъ случаѣ, въ англійскомъ клубѣ, послѣ обѣда, объ этомъ знаменательномъ для министра внутреннихъ дѣлъ эпизодѣ изъ царствованія Николая Павловича, подтвердилъ мнѣ всѣ вышеизложенныя подробности, говоря, «что ему никогда не случалось видѣть болѣе жалкихъ физіономій, какъ въ то время озабоченные, недоумѣвающіе и безъ того некрасивые лики Блудова, Жмакина и Лекса».

---

[1]) О которомъ А. С. Пушкинъ сказалъ: «Михаилъ Ивановичъ Лексъ, право, славный человѣкъ—съ»; на чемъ великій поэтъ основалъ это мнѣніе — осталось по сіе время неразгаданнымъ.

В. Д.

Ждановъ продолжалъ: «эти господа перепугались; они вообразили, что государь хочетъ испытать ихъ чиновничью честность, что если они представятъ, какъ было приказано, рѣшенное дѣло къ семи часамъ вечера, то послѣдуетъ высочайшій вопросъ слѣдующаго содержанія: «если вы, такіе-то господа [1]), могли рѣшить это дѣло, лежавшее у васъ нерѣшеннымъ съ 1802 г., въ нѣсколько часовъ, то каторжной работы для васъ мало, и т. д., или вы его не рѣшили, а только меня морочите», и т. д.

Какъ видно дилемма чрезвычайно неутѣшительная и потому начальство чѣмъ болѣе думало, тѣмъ болѣе приходило въ отчаяніе. Время проходило, и, наконецъ, одинъ изъ начальниковъ отдѣленія предложилъ посовѣтоваться съ Ждановымъ о томъ, какъ поступить при этомъ необычайномъ затрудненіи. Жданова никто изъглавныхъ лицъ министерства не зналъ и потому предложеніе призвать его на совѣтъ было принято лишь вслѣдствіе овладѣвшаго всѣми паническаго страха.

Ждановъ, призванный на помощь, объявилъ довольно нагло начальству, сдѣлавшемуся отъ страха чрезвычайно снисходительнымъ, что онъ удивляется ихъ затрудненію, что это «плёвое» [2]) дѣло, и что если г. министръ позволитъ, то онъ возьмется исполнить требованіе и что дѣло будетъ представлено государю къ назначенному, увы, уже быстро приближавшемуся, времени.

Все дѣло было передано Жданову.

Какъ онъ его дополнилъ, чѣмъ онъ замѣнилъ недостававшія въ немъ свѣдѣнія, составлявшія препятствіе къ его рѣшенію съ 1802 года, Ждановъ не объяснялъ; но со смѣхомъ говорилъ, что онъ сдержалъ слово и Блудовъ къ назначенному времени послалъ все, уже рѣшенное, по высочайшему повелѣнію, дѣло—къ государю, съ подписью «въ собственныя руки».

Нѣсколько дней затѣмъ было еще замѣтно тревожное состояніе Блудова и Жмакина, наконецъ дѣло было возвращено государемъ безъ замѣчаній.

Это было начало быстраго возвышенія Жданова; помощникъ столоначальника, за то, что помогъ министру выйти изъ затрудненія, получилъ два чина и орденъ на шею.

---

[1]) Разсказъ Жданова былъ испещренъ признанными неудобными въ обществѣ выраженіями.

[2]) Textuel (дословно). В. Д.

Когда по возвращеніи изъ Симбирска мнѣ пришлось докладывать государю Александру Николаевичу о всѣхъ подробностяхъ симбирскихъ пожаровъ и о томъ, какъ были созданы Ждановымъ и его помощниками М—вымъ, Постельниковымъ и Розовымъ мнимые поджигатели, мнѣ нужно было пояснять, что я бы никогда, не смотря на очевидность, не повѣрилъ возможности столь возмутительныхъ продѣлокъ, еслибы мнѣ не было извѣстно, на что былъ способенъ покойный Ждановъ, и, получивъ позволеніе государя, разсказалъ ему въ подробности все вышеизложенное.

Государь внимательно и терпѣливо выслушалъ его исторію о рѣшеніи въ 4 часа времени дѣла, не рѣшавшагося съ 1802-го по 1836 годъ, въ царствованіе Николая Павловича, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ бытность министромъ Д. Н. Блудова.

Il est probable qui j'ai encore une fois manqué une excellente occasion de me taire—cette narration ne pouvant pas être agréable. (Весьма вѣроятно, что я еще разъ упустилъ прекрасный случай промолчать, такъ какъ этотъ разсказъ не могъ быть пріятенъ), но я считалъ долгомъ съ полною откровенностью передать государю, на чемъ я основывалъ свое убѣжденіе, а потому характеристика Жданова была неизбѣжно необходима.

Кромѣ этого, не могъ я утаить государю, что производствомъ предсѣдательствуемой мною коммисіи обнаружено, что двое лицъ, посланныя въ Симбирскъ еще прежде С. Р. Жданова, разстрѣляли тамъ, не смотря на протестъ аудитора, двухъ солдатъ, которые оказались совершенно невинными. Но еще болѣе рѣзко выставилъ я бездѣйствіе власти, слабость и малодушіе симбирскаго губернатора, д. ст. сов. Анисимова, которому я приписывалъ большую часть бѣдствій, постигшихъ несчастный городъ Симбирскъ.

На это государь сказалъ: «вѣдь его ужъ тамъ нѣтъ?»

Министру внутреннихъ дѣлъ я тогда же особою запискою сообщилъ подробное описаніе жалкой роли г. Анисимова, въ такое время, когда было достаточно присутствія духа и энергіи одного начальника, чтобы если не предупредить, то остановить въ началѣ безпорядки и происходящія отъ нихъ бѣдствія. Министръ внутреннихъ дѣлъ, соглашаясь съ моимъ мнѣніемъ, сказалъ мнѣ: «теперь столько времени прошло, что мнѣ кажется преданіе суду Анисимова неудобнымъ...»

Въ бытность мою въ Симбирскѣ я былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ зачисленіемъ по инженерному корпусу; я этого не желалъ, не просилъ и сожалѣлъ, что меня не оставили по армейской пѣхотѣ, въ которой я числился со времени назначенія меня полковымъ командиромъ.

. . . . . .

Для памяти:

О разныхъ предметахъ, которые такъ и остались мною нерасказанными;
о лобныхъ мѣстахъ;
о поставкѣ мяса—Саллосомъ;
о похоронахъ солдатъ,
о мундирной одеждѣ;
о невинныхъ продѣлкахъ;
о моей любви къ солдату, которой я былъ обязанъ знакомствомъ съ отвратительными (стараго времени) злоупотребленіями госпиталей; привести примѣръ осмотра Николаемъ Павловичемъ Уяздовскаго госпиталя (въ Варшавѣ), о спасеніи мной (?);
о ночныхъ осмотрахъ канцеляріи и о спящемъ часовомъ;
о вступленіи гвардіи въ походъ въ 1849 году, въ особенности л.-гв. Литовскаго полка, потерявшаго отсталыми, не доходя средней рогатки, 86 человѣкъ, и о причинахъ этого поражающаго явленія.
Въ 1858 году въ Парижѣ — гр. Сем. Мих. Воронцовъ... разсказать эпизодъ.....
О смотрѣ л.-гв. Піонернаго дивизіона; объ отправленіи меня на гауптвахту государемъ и о разговорѣ объ этомъ на слѣдующій день въ кабинетѣ Е. И. В-ва,
Примѣчаніе Анны Александровны Денъ. Оба раза Денъ, не смотря на то, что былъ молодымъ офицеромъ, даже еще не флигель-адъютантомъ, смѣло отвѣтилъ государю Николаю Павловичу, въ его кабинетѣ, въ 1-й разъ, что онъ государь, ошибся, а во 2-й разъ, что онъ, Денъ, не былъ виноватъ.
Въ 1858 г. во время моего пребыванія въ Парижѣ князь Семенъ Михайловичъ Воронцевъ разсказывалъ мнѣ слѣдующій эпизодъ—могущій служить доказательствомъ, до чего доходила наглость обмана въ военномъ вѣдомствѣ, не смотря на строгость, о которой такъ много говорили... въ царствованіе Николая Павловича [1]).
Разсказать объ упраздненіи пуговки, предлагаемой генераломъ К[illegible]домовымъ е. выс—ву Наслѣднику Александру Николаевичу.
О неудачномъ почетномъ карауле, въ Варшавѣ, по случаю пріѣзда принца регента прусскаго и о рукопашной борьбѣ при этомъ кн. М. Д. Горчакова съ командиромъ Калужскаго пѣхотнаго полка.
О встрѣчѣ государемъ л.-гв. Сапернаго батальона, у заставы Петерга, въ 1850 году, и о разговорѣ вслѣдствіе этого въ кабинетѣ государя на слѣдующій день.

О командировкѣ въ Тамбовъ и Саратовъ (октябрь, ноябрь, декабрь 1858).

. . . . . .

О назначеніи меня въ Курскъ; пребываніе тамъ, отношенія и столкновенія; первый опытъ познанія людей; новый взглядъ на разныя дѣла.

Описать происшествіе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ 1836 году, для характеристики С. Жданова, что необходимо для поясненія симбирскихъ происшествій 1863 года, до знаній и слѣдствій, вынужденныхъ ими, и проч.

Описать командировку въ Тамбовъ и Саратовъ.

. . . . . .

В. И. Денъ.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчиваются сообщенныя намъ, согласно желанію автора, его достоуважаемой вдовой, Анной Александровной, рожденной Вонлярлярской, въ маѣ мѣсяцѣ 1889 года, въ копіи, Записки ея покойнаго супруга, сенатора генералъ-лейтенанта Владиміра Ивановича Дена.

Ред.

Конецъ.

Разсказа этого нѣтъ въ рукописи. Ред.